

А. Шевцов(<http://acasam.ws/>)

Учебник самопознания

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Глава 1. История самопознания

Глава 2. Предмет, язык, метод

Глава 3. Лестница самопознания

Глава 4. Орудия, способы и некоторые очевидности самопознания

Глава 5. Движение по ступеням

Ступень первая. Общественное тело

Глава 1. Личность

Глава 2. Человек - это общественное существо

Глава 3. Желания и потребности

Глава 4. Целеустройство

Глава 5. Множественность личностей и миров

Заключение Общественного тела

Ступень вторая. Тель или физическое тело (главы этого раздела являются общими для Учебника самопознания и книги "Русский бой на Любки")

Глава 1. Разум

Глава 2. Стих

Глава 3. Мышление

Глава 4. Мастерство

Глава 5. Движение

Глава 6. Устойчивость

Глава 7. Упругость

Глава 8. Удар

Заключение

Ступень третья. Скрытый состав человека

Глава 1. Зримый состав

Глава 2. Душевные движения

Глава 3. Перовой состав

Глава 4. Мостоши

Глава 5. Созерцание мостошей

Глава 6. Мостоши сознания

Глава 7. Плотности и пустоты

Глава 8. Сила

Глава 9. Лухта

Заключение

Ступень четвертая. Духовный состав.

Часть 1. Душа

Глава 1. Душа и дух

Глава 2. Понятие о душе

Глава 3. Пример исследования

Глава 4. Созерцание души

Глава 5. Второе созерцание души

Глава 6. Третье созерцание души

Глава 7. Телесно-нетелесные ощущения

Глава 8. Четвертое созерцание души

Часть 2. Дух

Глава 1. Археология понятия о духе

Глава 2. Языковое понятие духа

Глава 3. Религиозное понятие о духе

Глава 4. Христианское понятие о духе

Глава 5. Современное богословие

Глава 6. Святые отцы о духе

Глава 7. Вещественность души. Брянчанинов и Затворник

Введение

Я хочу написать простой и краткий учебник самопознания для применения в быту, в обычной жизни, который при этом был бы неким Началом, позволяющим переходить к углубленной работе над собой, если ты избираешь самопознание своим жизненным путем.

Необходимость такой книги для меня назрела довольно давно - я уже лет 15 преподаю самопознание как прикладную философию. Сначала в рамках учебного курса Училищ русской народной культуры, потом на Начальных курсах прикладного самопознания, а теперь в Академии самопознания.

Почему я говорю о "прикладной философии" и что такое Академия? Академия - это не важное учебное заведение, где ходят отмеченные государственным почетом люди, зовущиеся академиками. Академия - это роща возле Афин, где преподавали самопознание Сократ и Платон. Просто гуляя по ее дорожкам. Самопознание было сутью сократической и платонической философий, и это была первая и прикладная философия, имевшая целью познать себя.

Вот почему наш учебный курс философский и академический - мы познаем себя в роще, которую называем Академией самопознания, а иногда Заповедником народного быта под открытым небом, поскольку сохранили все то, что преподавали когда-то в Училищах русской народной культуры. Находится этот Заповедник между Ивановом и Шуйей.

Как совместились для нас греческая философия и русская народная культура?

Исторически и волею судеб.

В 1472 году, через два десятка лет после того, как Константинополь пал под натиском турок, племянница последнего императора Византии Зоя (Софья) Палеолог вышла замуж за московского князя Ивана третьего. Так Россия стала третьим Римом, православной правопреемницей великой Римской империи. А в Россию вместе с Софьей и вслед за ней хлынул поток тех греков, кто не хотел жить под турецким игом.

Среди них было множество талантливых людей - ремесленников, богомазов, книжечеев. Великий князь испоселил их по разным местам Руси. Богомазов - в Шую, Палех, Холуй, Суздаль. С тех пор эти места славились своими иконами.

Но богомазами были мужчины. Далеко не все они привезли с собой жен. Кто-то женился на русских женщинах. Да и те, кто привез свои семьи, жил среди нового народа, который принял их. Русский язык и русский быт входили в их сознание. Они забывали то, что привезли, теряли свой язык, свою культуру, становились русскими. Но хранили память.

Чтобы выживать в этих, не слишком плодородных землях, называемых нечерноземьем, надо было заниматься чем-то иным, чем обычно кормились русские люди - не земледелием. Земля эта не кормила обильно. И люди здесь обучались либо ремеслам, которые уводили их в отхожие промыслы. Либо торговле.

Так вокруг богомазов из числа их ближнего окружения родилась среда, занимающаяся сбытом икон вначале, а впоследствии просто мелкой торговлей в разнос. Звались они коробейниками. Это были дети и внуки приехавших сюда греков. Очевидно, в основном афинских греков, потому что их прозвали афинеи или офени. Сами себя они звали мазыками или масыгами.

Через несколько столетий - в девятнадцатом веке - русские люди вдруг с удивлением обнаружили, что посреди России живет какая-то странная общность, именуемая непонятным словом офени. По быту своему, по языку, вроде бы русские люди, однако имеющие свой тайный язык, в котором паразитально много греческих слов. И обладающие

небывало высоким уровнем внутреннего доверия. Они торговали, доверяя друг другу большие повозки товаров и немалые деньги под слово. Как будто были все родственниками...

Офеней начали изучать. Ездили к ним многие и из Иванова, и из столиц. Бывали Даль, Максимов, другие собиратели. К концу века даже стало модно публиковать "Словари офенского искусственного языка"...

Собиратели считали, что офенский язык был создан, придуман на основе русского. Мало кто допускал мысль, что это вполне естественный язык, родившийся сам, как усилие малой капли когда-то великого народа сохранить свой родной язык посреди иноязычного моря...

Чужая культура захлестнула афинеев, и они растеряли себя, как теряют сейчас себя русские посреди моря американской культуры... но они видели это и боролись изо всех сил. История оказалась сильнее. От некогда великого языка осталось лишь то, что было нужно для выживания. Во Владимирском Централле, главной пересыльной тюрьме России, куда нередко попадали коробейники, язык офеней был подхвачен мазуриками под именем фени или блатной музыки. Хотя это был лишь язык мазыков.

Сейчас мы ездим в этнографические экспедиции и записываем офеньские слова у тех, кто их еще помнит. Но слова забываются, и никто из этих людей уже не помнит даже того, что у них были предки офени. Во второй половине девятнадцатого века в Иваново была проведена железная дорога, экономические пути сменились, сразу же рухнули те ярмарки, что проходили в офеньских местах, и коробейничество стало гибнуть.

Офени побогаче перебрались в Иваново и вложились в развитие текстильной промышленности. Остальные просто забыли не только свое греческое происхождение, но и своих предков-офеней...

Но еще двадцать лет назад я застал в этих местах несколько стариков, которые отчетливо осознавали себя потомками мазыков, и даже помнили, что когда-то их предки пришли сюда, в офенские места, как артель скоморохов. И они учили.

Я пришел к ним как этнограф, собиратель ремесел. Но довольно быстро понял, что они могут научить гораздо более важной вещи. И я бросил науку и стал учеником. Учеником Хитрой науки, как они это называли. Сначала я подозревал, что меня учат колдовству, но однажды пришло озарение, что это самопознание. На что мой первый учитель сказал: а и нет ничего, кроме самопознания...

Самопознание, безусловно, открывает скрытые в нас силы и способности. Но это лишь попутно, лишь знаки пути. Самопознание самоценно, потому что любые усилия приобрести что-то сверх обычных своих возможностей однажды приводят к вопросу: и зачем это? Все исчерпывается и уходит однажды, как бы сильно оно нас не занимало. Вечным остается только вопрос: кто я?

Я не смогу привести к ответу на этот вопрос ни в этом учебнике, ни в следующем. Я могу помочь только на том отрезке этого большого пути, что прошел сам. Поэтому мой учебник будет весьма ограниченным, это лишь начало.

Но я надеюсь, что это весьма обоснованное начало, потому что я пришел к своему первому учителю самопознания в 1985 году. И с тех пор двадцать лет осмысливал то, что увидел уже тогда. Осмысливал и в прикладной работе, которую вел с тысячами людей, и в больших теоретических исследованиях, изданных мною ранее.

То, что я напишу в этой маленькой книжице - это итог этих двадцати лет работы над собой и над всем наследием мировой философской мысли, хоть как-то посвященной самопознанию.

Глава 1. История

У предмета моего исследования длинная история. Думаю, не меньше сорока тысяч лет, если считать, что кроманьонец - человек современного вида - рождается тогда. В душе же я допускаю, что эта история гораздо глубже и шире, поскольку охватывает всю вселенную и является смыслом ее существования... Но это между нами.

Тем не менее, если говорить философски, то тут невольно начинаешь звучать как Гегель, потому что хочется сказать: в человеке Дух познает себя... как он познает себя во всех своих воплощениях, в каких бы мирах они ни происходили. И познать себя он должен в каждой искорке, которая воплотилась, потому что именно так и происходит одухотворение

материи или нисхождение духа в плотные миры...

Не буду продолжать эту идеалистическую поэзию, но она не случайна, когда речь заходит о самопознании. Дело в том, что на примере самопознания отчетливо видно, как человечество училось быть точным в своих высказываниях. Вся древность пронизана тем, что те или иные учителя заявляли самопознание, а приводили к познанию Бога в себе. И даже не замечали, что производили откровенную подмену в рассуждениях. Познание себя не есть познание Бога. Хотя я вполне допускаю, что в итоге самопознания происходит и богопознание. И что самопознание в действительности является путем именно туда.

Однако, самопознание должно быть познанием себя, или мы сами себя обманываем прямо с первого шага, а значит, никакого действительного самопознания нет, а есть ложь. Как ложь может приводить к Богу?! Разве что, если она совсем крошечная?.. Но что тогда есть Истина, если к ней ведет крошечная ложь?

Нисколько не отрицаю возможности богопознания через самопознание. Но это личный выбор идущего. Я намерен быть предельно точен, и поэтому могу со всей определенностью сказать: у самопознания не было истории на этой планете. Разве что Сократ не путал его с мистериями, которые очень уважал. Все остальные говорили партия, подразумевали Ленин...

Так делали древние, так делают современные. Для науки и философии нового времени свойственно делать заявления, вроде такого: философия, психология, антропология - это самопознание, поскольку они позволяют изучать человека.

Я еще раз повторю: все, что делает человек, по сути своей, является самопознанием. Даже если он этого не осознает и не понимает. Но изучение человека не есть самопознание, если быть строгим в рассуждениях. Когда ты говоришь О НЕМ, О ЕГО УСТРОЙСТВЕ, ты не занят СОБОЙ, ты говоришь не О СЕБЕ.

И это странно видеть у людей, которые сами отстаивают строгость рассуждений в своих науках. Будто, коснись дело самопознания, и у мыслителя отказывает какое-то устройство в его строгих и чистых мозгах. Он тут же делает гибкое движение бедрами, и переводит взгляд читателя с себя на некоего ЧЕЛОВЕКА вообще...

Понятное дело, себя выставлять на всеобщее обозрение не хочется, других изучать уютней и проще...

Однако и в тех случаях, когда кто-то из пишущих людей страдал, вроде Руссо, эксгибиционизмом, то есть любил выставлять на всеобщее обозрение свои интимные части, никакого действительного самопознания не происходило. Даже в дневниках Бердяева прямо названных "Самопознание", по сути, нет ничего, кроме самокопания, достоевщины, обращенной на себя, и ни грамма той действительной философии, которую оставил нам Сократ.

Хуже того, наука, выделившаяся из философии как способ познавать себя через познание души, психология, полтора века назад отеклась от обращения взгляда в себя, от самонаблюдения, и продала себя объективному методу изучения, лишь бы быть принятой в число естественных наук. С ней умерли последние крохи прикладной философии, которые еще жили в мире.

Но без самонаблюдения самопознание невозможно. Возможно лишь познание человека, как его и заложил Декарт, любивший анатомировать трупы и говорить о рефлексах...

Вся современная новая философия - очень сложная, крученная и большая - в действительности плавает внутри огромной иллюзии по имени человеческое мышление. Ей иногда кажется, что так она познает... наверное, себя или человека. Но в действительности она лишь множит своим познанием то, что познает, все увеличивая объем этого облака высококультурных мыслей.

Думаю, это не случайно и даже полезно. И когда-нибудь будет понято, зачем это нужно было познавать.

Но самопознания больше нет, как нет и его истории. Есть лишь история того, как его изгоняли из человеческого общества. Как травили тех мыслителей, которые его заявляли, вроде профессора Духовной академии Василия Николаевича Карпова. Надо признать, что в

русском православии была целая школа самопознания, развивавшаяся в середине девятнадцатого века. Но сейчас имена ее создателей - Карпова, Авсенева, Голубинского - забыты даже в религиозной среде. В научной среде их просто не знали...

Итак, самопознание в чистом виде, можно сказать, не знакомо человечеству. Его либо подменяли познанием Бога через познание себя, либо познанием другого, а не себя, познанием человека.

Познание же себя иногда посещало думающих людей как тяжелые признания: вот я какой в действительности! Но никогда не превращалось в некую науку, которой можно научиться. И уж тем более никогда не звучало, что познание себя на деле может быть и самосовершенствованием, возвращающим способности и возможности, и просто улучшающим нашу жизнь.

На этом я и завершу свой "исторических очерк" самопознания, желающих же почитать о том, как это было в действительности, отсылаю к "Введению в самопознание", и другим моим книгам из Библиотеки самопознания, которые все посвящены именно созданию картины того, что действительно жило на Земле под именем Самопознание

Глава 2. Предмет, язык, метод

Наукоучение требует обязательно определить три упомянутые в названии главы понятия, если заявленная наука хочет быть полноценной.

Я много писал обо всех этих понятиях, поэтому сейчас буду краток и всего лишь постараюсь внести ясность.

А ясность тут не будет лишней, потому что путаница может возникнуть прямо сходу. Вот, к примеру, о чем пойдет речь, если я буду говорить в "Учебнике самопознания" о предмете?

Как кажется, о предмете самопознания, то есть о моем я, обо мне. Но это верно только для самопознания, а вот для учебника самопознания предметом является совсем другое - а именно: то, о чем должно быть рассказано в таком учебнике - о том, как познавать себя. То есть собственно о науке или искусстве самопознания. Именно она-то и является предметом этой книги.

Однако, рассказывать о том, как надо познавать себя, имеет смысл только тем, кто избрал этим заняться. А значит, тем, кто сквозь рассказ о приемах самопознания видит себя, потому что прикладывает все прочитанное к себе.

Собственно говоря, это и есть единственный смысл моего учебника.

Следовательно, у него оказывается двойной предмет: наука самопознания и я сам. И если я буду писать этот учебник отстраненно, не показывая прямо на себе, как идет это познание, это не будет настоящий учебник, а родится еще одна наукообразная ложь...

Поэтому примите изначально: я пишу эту книгу как дневник самопознания, хотя и совсем не похоже на обычные дневники. В ней не будет чисел и последовательных отчетов о моем движении к себе. Порой она, может быть, даже покажется вам академичной. Но любая строчка, написанная мною, обращена в меня, и, выписывая ее, я созерцал то, что пытался познать как себя...

Язык. Язык науки часто сложен и запутан. Это выдает цели, ради которых он создавался. Прикрываясь требованием объективности, ученые прячут себя за иностранными словами, чтобы никто не разглядел их слабостей. Наука - это сообщество, которое занято обретением силы и войной за лучшее место в мире. Поэтому она не может себе позволить выказывать слабости. Потому и научный язык - это завеса и мишура, призванные отводить глаза.

Но это потому, что научные работы пишутся для других, что, кстати, и позволяет отводить чужие глаза от себя.

А самопознание - это то, что ты должен делать сам и для себя. Тут отводить глаза некому, если, конечно, ты не настолько извращен, чтобы отводить их самому себе.

Следовательно, язык самопознания должен быть таким, чтобы тебе было понятно все, что ты говоришь о себе. Попросту говоря, это должен быть простой русский язык, которым ты говоришь тогда, когда хочешь, чтобы тебя понимали.

Метод. Греческое слово методос означает не какую-то мистическую научную тайну, а всего лишь путь и способ. Путь к чему-то и способ достижения или обретения чего-то. Иначе говоря, метод определяется целью, которую ты решил достигать.

Если цель наша - познать себя, то из нее и родятся все шаги, которые надо проделать, чтобы достичь поставленной цели.

Шагов этих много, и именно им и будет посвящена вся остальная книга. Сами по себе они просты и понятны в силу своей очевидности. Без очевидности ни один прием самопознания не имеет смысла, потому что конечной задачей является рассмотрение себя. Следовательно, если прием не очевиден, он неверен.

Но вот связь между приемами может и не сразу стать понятной. Поэтому объясню: все приемы увязаны между собой как шаги одного пути, то есть как ступени лестницы - чтобы добраться до последней, надо встать на предпоследнюю, чтобы встать на предпоследнюю, надо встать на третью сверху... и так далее. До самого первого шага.

Поэтому все самопознание полезно начать с создания Лествицы познания себя, в которой будет описана очевидная последовательность шагов. Насколько наши сегодняшние мозги позволяют нам видеть действительное положение вещей, конечно.

Глава 3. Лествица самопознания

Последним шагом самопознания мы, если верить имени нашей науки, должны обрести знание себя. Как определить, что это такое? Как вообще понять это и как передать даже те крохи понимания, которые обретаешь после долгих усилий?!..

Что значит, познать себя?! Что такое познание? Что такое себя? Вопросы эти явно имеют ответ, даже хуже, этот ответ уже есть у меня, потому что есть я, и я себя знаю... но знаю я себя не сегодня, а когда-то в будущем, будто оно тоже уже есть...

Вот почему в самопознании нельзя исходить из обычных требований наукоучения: расписать язык, предмет и метод, каким будешь достигать истины, а потом ими и достигать. Декарт покорила умы европейских мыслителей именно тем, что придумал метод, который, якобы, позволял постигать истину, а в сущности, вселял уверенность, что истину можно сделать ручной или карманной...

В итоге четыреста лет Европа плутала в потемках наукотворчества, так и не уйдя с того гиблого места, где заблудилась. Все картезианство и вырастающие из него метафизика, естественная наука и разнообразнейшие логики были лишь блужданиями ума, совершившего изначально ошибку в рассуждении. Ошибка же эта заключалась в простом отказе от широты видения, от допущения, что в мире не все меняется, не все течет, и в детской уверенности, что именно ты и есть вершина развития природы, ее венец, царь и бог...

Научная революция строилась на изначальноном предположении, что можно создать метод, который приведет тебя к познанию истины, почему этот метод надо хранить в чистоте и почитать как святыню.

А истина была в том, что методы - это конфетные обертки, которые надо вышвыривать каждый раз, как они стали тебе тесны. Иными словами, истина в допущении, что начав движение, ты меняешься, и меняешься настолько, что старый метод, приведший тебя к этому, как к некоей истине твоего бытия, был ложным, и поэтому должен быть отброшен. Вот такой парадокс: метод, приведший к истине, всегда ложь, просто потому, что он истинен лишь до того места, где ты осознал его ложность...

Вот такая антилогичность действительного познания: ложь и истина едины, и только ты в состоянии определить, что есть истинный метод. В самом методе, как и во всей объективности нет не только истины, нет вообще ничего. Они пусты без тебя, их просто нет совсем... истина лишь в тебе, поскольку ты ее носитель.

И при этом ты сплошная ложь.

Лишь неукротимая вера в себя, в свою истинность истинна...

Я знаю, что однажды я познаю себя. И это истина.

И в этот миг я буду просто знать, потому что стану собой. И знание станет бытием, оно станет самым моим существованием и поэтому отменится и исчезнет. Что это значит? Это значит, что во мне не останется ничего, кроме меня самого, и даже знание о себе будет уже

не мной, а значит, лишним и ложью, почему и от него придется избавиться. Итог познания - полное уничтожение знания... вот такие странности ждут нас на этом пути.

И первая из них - я не знаю себя не потому что не знаю, а потому что я не есть я. То, что я знаю как себя, есть чужое во мне или поверх меня. В силу этого я есть ложь, как ложью является и все имеющееся у меня знание себя.

И единственный действительный метод познания себя - это очищение от того, что не есть я. Вот и весь путь, способ и метод. Чтобы познать себя, достаточно убрать из себя все, что не есть я.

А что не есть я, если все это во мне? Ведь убирать-то надо из себя?

То, что ты сам можешь осознать как инородное. Но это пока не так важно, как то, что мы явно обнаружили двойственность того, что называем собой.

Убрать из себя все, что не есть я, предполагает изначальное двойное знание себя: и того, что есть я, и того, что называешь собой. Ведь ты же знаешь, из чего убирать себя. И ты знаешь, что не есть я, раз вообще в состоянии задаваться таким вопросом. Как-то знаешь...

И получается, что я есть двойственность от Себя до Я. И в силу этого я есть путь и пространство, заполненное какими-то содержаниями. Итогом этого пути, похоже, станет то, что я стану равен Я. Но я вначале равен Себе. И это Себе, из которого надо убирать все, что не есть Я, как кажется, гораздо больше, чем Я. Ведь оно заполнено тем, что лежит поверх Я, и не позволяет его видеть, не позволяет ему проявляться как таковому.

Но вот чудо: по мере того, как мы убираем это чужое, наше Я становится все больше, и однажды заполняет все наше бытие, все то пространство, что сейчас ты ощущаешь собой. Иными словами, скрытое внутри тебя Я ничуть не меньше этого Себя, хотя при этом оно так мало, что вначале нам кажется, что его, быть может, и вообще нет...

Это очевидно, и это заставляет думать о себе как о некоем пространстве и как о площадке проявления, сцене, которая принадлежит мне, но может быть предоставлена и Я и чему угодно другому. Сначала кажется, что этой площадкой проявления является тело. Но и это не совсем верно, хотя с телом она связана. При внимательном наблюдении за собой понимаешь: тело лишь обозначает место проявления, но сама площадка существует и без него, она как зрачок глазного яблока, принадлежит чему-то гораздо большему, чему-то огромному и безмерно пространственному. А может быть, запространственному, лежащему за этим пространством, что ты осознаешь собою сейчас...

В любом случае, метод, которым ты избираешь двигаться к познанию этого, многократно устареет за время твоего движения, поскольку ты раз за разом будешь понимать себя иначе и иначе. И так, как и не снилось нашим мудрецам...

Но, тем не менее, мы вполне определенно можем сказать: в итоге самопознания придет не знание себя, а некое состояние. За знанием, придешь просто ты. И тогда надо просто жить. Даже не обязательно осознавать это и тем более ставить себе такую или иную задачу. Тогда и решишь, что и как делать.

Но предыдущей ступенью определенно является знание себя. Это "знание" придет с неизбежностью, как оно, в сущности, и существует уже сейчас. И это знание есть ложь, хотя ты стремишься к нему как к предельной истине...

И если не хочешь остаться в ловушке знания, и так никогда и не стать собой, надо суметь увидеть ложность этого состояния и осознать его. Вот предшествующая завершению самопознания ступень.

Следовательно, надо обладать видением и осознанием.

Но что это такое?

Понять это и освоить - еще одна ступенька к началу пути.

Могу сказать с определенностью, что видение и осознание не самоценны, поскольку являются лишь знаками пути. Непонятно?

Вдумайтесь сами: разве вы уже не обладаете и тем и другим? И разве возможно их обрести, если они вообще не свойственны вашей природе? А если свойственны, значит, уже есть.

И получается, что мы не в состоянии их обрести, мы в состоянии их лишь раскрывать. И, следовательно, способ раскрытия видения и осознания не есть раскрытие видения и

осознавания. Они достигаются, если убирать то, что уже сейчас их перекрывает. Они итог очищения, освобождения от того, что есть вместо них, что занимает их место.

А это значит, что прямое усилие по раскрытию видения даст гораздо меньше, чем убирание помех, и если при этом вдруг начнет открываться видение, ты можешь быть уверен: путь твой верен, и ты прошел изрядный его отрезок. Все хорошо, движение идет, и цель приближается, как познают знаки пути.

Однако очищение никак не исключает усилий и упражнений, направленных на освоение видения и осознавания. Сами по себе эти упражнения почти бесполезны, потому что плоды их теряются и забываются. Но если проделывать их, выявляя помехи и очищаясь, они становятся прекрасным ворошением того, что ты считаешь собой, и дают не только очищение, но и познание себя.

Впрочем, в какой-то миг таким ворошением себя становится все, что ты делаешь в жизни. Как говорили древние: я просто живу, просто ем, пью, люблю... И все это самопознание. Да, в какой-то миг приходит такое состояние, когда все становится самопознанием и помощью в нем. И это тоже ступень в движении к себе.

Но ей должна предшествовать очень важная ступенька, без которой все утерется - освоение искусства очищения. Если ты не очищаешься, все чужое, что есть в тебе, и что не дает тебе сейчас знать себя, сохраняется, и, значит, какие бы усилия ты не делал, в действительности ничего не меняется, ты остаешься все тем же. Разве что все более изношенным, и со всё большим и все более ранимым самомнением...

Искусство очищения является одной из первейших ступеней в науке самопознания. Ему я посвятил несколько книг, так что не буду в этой говорить слишком подробно. Гораздо важнее сказать, что и эта ступень определенно не является первой.

Первой ступенью самопознания всегда будет Выбор и Решение.

Выбор пути самопознания и Решение идти им.

Если их не будет вначале, не будет не только ничего, не будет даже начала...

Глава 4. Орудия, способы и некоторые очевидности самопознания

Вначале, когда сталкиваешься с обилием сочинений, поминающих самопознание, создается ощущение, что количество различных приемов, способов и орудий самопознания безмерно. Особенно этому самообману способствует мысль, что вся жизнь и всё, что мы в ней делаем, является самопознанием или, по крайней мере, хотя бы способствует ему...

Действительность, кажется, не соответствует этому. Обилие того, что можно назвать приемами и упражнениями, похоже, существует только на самой поверхности того, чем мы живем. Но нужны они лишь для того, чтобы человек не заскучал делать одно и то же. Иными словами, всё разнообразие приемов самопознания ничем не отличается от разнообразия тех ухищрений, которые мамы и няньки применяют, чтобы заставить ребеночка есть. Но суть их одна - привести его к считанным и очень простым действиям, соответствующим самой его природе.

А какова природа того, что называется самопознанием?

По существу, я должен сделать что-то, после чего буду знать себя. Но что такое "знать"? Это понятие явно не соответствует тому, что мы привычно понимаем под словом "знать". То, как требовали с нас знать что-то в школе, тут явно не подходит, но при этом и не может не подходить совсем. Что-то должно сохраниться общего во всех видах знания. И знание себя должно отражать всю глубину понятия "познание", все его уровни, доступные нам.

К примеру, знать урок означает запомнить стишок или главу книги. Мы вполне можем знать себя так же: мы же помним, когда родились, где учились, на ком женились... И это точно некий вид знания себя, потому что мы можем его утратить, а потом страдаем от потери памяти настолько, что люди, потерявшие память, вызывают всеобщую жалость, будто они утратили самих себя...

Можно знать нечто так, как мы знаем устройство каких-то приборов или машин. То есть, чтобы мочь с ними что-то сделать. И этот уровень познания себя нам тоже доступен. Собственно говоря, вся медицина или телесная терапия стоят на этом. Вплоть до того, что больной человек очень хорошо знает, что ему можно есть, а что опасно. Или что ему нельзя общаться с определенным типом людей, потому что он обязательно сорвется и наговорит резких слов, к примеру.

И опять же это знание себя есть знание того, что не есть ты. Это знание тех сложностей, которые накопились за жизнь в теле или сознании. В сущности, это знание помех, которые надо преодолевать либо здравым смыслом, либо наукой.

Но за этим остается то, что все это знает. Некий деятель, которым ты являешься, но который всегда остается за пределами твоего знания о себе. И даже если мы не знаем, что значит, знать его, мы все же допускаем такую возможность. Мы ставим ее вершинной задачей самопознания. И это говорит о некоем следующем уровне знания. Что это за уровень?

Знание урока - это запоминание. Запоминание чего-то такого, что нужно, чтобы вписать себя в мир людей. В общество. Знание-понимание - это разум, обеспечивающий наше выживание в природе, в мире, куда мы воплотились. Но есть и знание себя за этими мирами, за обществом и природой. Это знание того, что воплощается, это знание за рамками тел.

Совершенно очевидно, что до обретения его нам надо обрести знание еще одного состояния, а именно того, в котором мы переживем смерть тела. Мы должны познать себя как душу. Это очень непросто для тех, кто даже не допускает мысли о ее существовании, о том, что душа вообще есть.

И, тем не менее: с точки зрения Я, душа, Тель и даже то, чем мы показываем себя обществу, Общественное тело, являются телами, в которых я пребываю, когда познаю себя. В этом смысле знание их сходно и отлично от знания Я как такового.

Иначе говоря, для познания всех этих состояний себя у нас есть какие-то привычные возможности и основания, в то время, как для познания Я, мы, как кажется, не обладаем ничем, потому что в этой телесной жизни нам никогда не требуется такое знание. Мы и само-то это Я обнаруживаем лишь тогда, когда впервые обращаем взор внутрь себя, то есть, начав самопознание.

И все же, мы каким-то образом видим и знаем свое Я. Мы его словно бы чуем и никогда не теряем. Наверное, потому что это не оно принадлежит нам, а мы ему, мы и есть Я...

В любом случае в уже сделанном описании имеются явные и очевидные подсказки. И первая из них то самое утверждение, что вся наша жизнь и есть самопознание. Это не просто слова, и не красивые слова, от которых надо отмахиваться, как от ничего не значащих. Это действительно так, и именно в том, как мы живем, и есть настоящая школа самопознания. Можно сказать, единственная действительная и действенная школа. Все остальные - от ума. Просто потому, что она естественна, а естественна она в силу того простого закона, что мы живем в соответствии со своей природой и иначе жить не можем... Вдумайтесь в это и примите: искать подсказки надо именно в том, что соответствует нашей природе, а ей соответствует то, что человечество делает веками и тысячелетиями. Попытки изнасиловать природу возможны, но для того, чтобы удерживать себя в неестественном состоянии, надо прилагать усилие. А это значит, что как только уходит тот, кто готов вкладывать свою силу в этот неестественный выгиб, природа выпрямляет его, и снова приводит человека в соответствие самому себе.

Вот почему древние так ценили обычай и так осуждали его нарушения. Обычай - это то, что проверено жизнью и соответствует природе человека. Он облегчает жизнь, но для нас гораздо важнее то, что он облегчает познание человека, а через него и себя. Познать обычное поведение человека - познать его природу.

Надо только уметь рассмотреть ее.

И люди ведь именно это и делали. Когда я говорил о знании себя как урока, я, по сути, говорил о создании неких описаний того, что есть ты. Обычно их называют биографиями, но сюда относятся все виды записей, которые человечество придумало для того, чтобы создать общество. И записи гражданского состояния, и имущественные записи, и родовые деревья, все это описывает меня, а значит, является шагом в самопознании. Мы ведь нисколько не сомневаемся, что, назвав свои фамилию, имя и отчество отвечаем на вопрос: кто ты?

Что же получается?

Человечество со всей возможной очевидностью говорит нам: первым шагом

самопознания должно стать простое описание самого себя. Это описание, в сущности, есть познание лишь одного тела из нескольких, в какие я обернут. Мазыки, обучавшие меня самопознанию, называли это тело Лопотью. В нем содержатся многочисленные "знания", то есть образы, связанные с выживанием в мире людей. И это немалая работа, поскольку для многих именно это тело и составляет, чуть ли, не всего себя.

Впрочем, второе тело - Тель, как это называлось в древности, - тоже занимает немалое место в нашем сознании. Причем, оно еще и пролито изрядной своей частью в Общественное тело, потому что мы им представляем себя другим. И лишь в малой степени мы знаем свое тело только для себя. Это мы можем себе позволить лишь закрывшись от людей, заперевшись, когда никто не видит, и можно немножко поохать.

Но знание тела для себя - это некое совсем иное знание, совсем не описание. Все, что может быть описано в Тели, скорей всего, будет относиться к его использованию в Общественном теле. Собственное знание тела совсем иное. Для него не только не нужны описания, они просто вредны.

Представьте себе, что вы попали в бой или в какую-то иную борьбу за жизнь. Если в этот миг вы будете не действовать, а читать или вспоминать собственные описания, похоже, вы не жилец. Следовательно, знания о Тели должны быть действенны. Они записываются в понятия и просто обязаны быть скрыты от описаний. И даже если какой-то дотошный ученый их и опишет, его описание никак не может слиться с моим знанием себя, как тела.

Впрочем, как и сознания.

Похоже, действительное знание о себе, как о теле, обретается нами в виде способности к движению. То, как мы движемся, показывает, как мы знаем свое тело. Но если вспомнить, что источником движения является душа, то получается, что в движении мы познаем не просто тело, а его взаимосвязь с душой.

И это дает возможность перейти к познанию себя, как души.

Конечно, проще всего познавать себя, как душу, прямо выходя из тела и наблюдая за собой во внетелесных состояниях. Но это доступно далеко не всем. И даже тем, кто выходил из тела, это доступно не просто и не всегда. Я имею в виду себя. Чтобы это стало простым упражнением, надо посвящать этому всю жизнь, как это сделал Роберт Монро, описавший свои внетелесные путешествия. Но его же опыт показывает: в итоге он упустил предыдущие тела, и остался даже вне тела все тем же человеком, зависимым от собственной культуры и общества.

Посвятить себя только полетам вне тела можно, но это какой-то самообман, поскольку мы пришли на землю именно ради воплощения, и значит, наш урок в этом, а не в том, как сбежать от собственных задумок раньше срока.

Мочь выходить из тела - это одно. Познавать себя только как душу - совсем другое, поскольку внетелесный опыт расширяет мое самопознание, а познание себя лишь вне тела - сужает.

Значит, вернее, да и доступнее сократический путь - научиться познавать себя как душу, живя жизнью души уже при жизни в теле. А выходы нужны при самопознании только затем, чтобы убедиться, что душа есть, и ты не зависишь от жизни и смерти тела. Самопознание на этом не завершается.

Но как мы можем познавать свою душу? Собственно говоря, именно так, как это и описало человечество: созерцая ее. Накоплен тысячелетний опыт созерцания души. Нужно лишь захотеть и приложить к этому усилия.

Но что такое созерцание?

Очевидно, что это способ видеть. Видеть - это не смотреть. Смотрят телесные глаза, и главное в них то, что они всегда обращены наружу. Глядя, они воспринимают то, что происходит вокруг тебя. Но внутри смотрения свершается видение.

Оно всегда присутствует, оно есть во всем, что бы мы ни делали.

Видение, если принять мнение мазыков, это смотрение оком души. Именно оно дает понимание. Понимает все же не тело, понимает душа. Поэтому даже тело мы можем рассматривать глазами, а можем внутренним взором.

Познание получается только когда есть видение. А значит, чтобы научиться самопознанию, нужно освоить искусство внутреннего взора или созерцания.

Как ни странно, но именно это окажется чуть ли не единственным, что нужно для

познания себя. Просто потому, что другого наша природа нам не дала.

Конечно, можно придумывать множество приемов, выявляющих то, что надо показать внутреннему взору. Можно задуматься о том, что такое осознание. Но в итоге все сведется к тому, что для познания нужно просто видеть то, что хочешь познать.

Эти слова условны.

Просто видеть - это настолько сложно для нашего ума вначале, что мы просто не понимаем, что это значит. Как не понимаем и что такое созерцание, как вид видения. Но пока это необходимо принять как данность нашего существования вначале пути. И не забывать, что по мере движения способности наши будут улучшаться, а с ними будет приходиться и иное понимание привычных вещей.

Но путь наш пойдет от описания, в котором можно изучать себя, как другого, рассматривая как чужой портрет телесными глазами, через движение, к видению внутренним взором. И лишь тогда возможно шагнуть дальше, за видение, и просто быть собой, что и составит высший уровень познания.

Глава 5. Движение по ступеням

О движении по лестнице самопознания стоит сказать несколько слов особо. Самое важное, что надо понять, это то, что почти все начинающие самопознание совершают одну ошибку, которую можно назвать ошибкой очевидности. Они пропускают первую ступень и сразу обращаются к себе, как к телу.

Ошибка эта рождается из непродуманности и очевидности нашей телесности. Когда человеку, услышавшему про самопознание, задаешь вопрос: кто ты? - он в легкой растерянности обнаруживает, что не знает ответа. И все, что из него рвется, оказывается, примерно, таким: я - это я! Я - это... и он хлопает себя по телу.

Да, первый ответ на вопрос, кто ты? - это Я. А потом - тело. Потому что оно очевидно. После этого человек попадает в тупик, потому что ему совершенно непонятно, что изучать в теле. Проще всего взять учебник анатомии и со скукой почитать его. Больше про тело, как про себя, и сказать-то нечего. Разве что назвать его рост и вес. Думаю, именно так и выродилось самопознание в мире естественной науки.

Следующая ошибка, которой подвержены все люди эзотерических и мистических путей, - это ошибка исключительности. Втайне мечтая об особых способностях или вообще о недоступном другим состоянии, они берут книги о том, как достигать просветления, и начинают работать по ним. И познают себя как некую основу для просветления, то, что однажды его обретет, а при этом уже обладает как неким исходным закрытым состоянием.

В итоге, в быту эти люди воспринимаются как слегка сумасшедшие, не от мира сего. Им самим кажется, что это потому, что они далеко продвинулись в своем поиске, но в действительности это просто от того, что их нет там, где их ожидают видеть. Они сбежали сами из себя. Все предшествующие слои сознания сохраняются, и выскакивают из такого полупросветленного произвольно, будто он библиотека сумасшествий, к тому же ему постоянно отказывает разум. А он в то самое время, когда люди шарахаются от него, как от дикого человека, вещает им что-то не от мира сего...

Человек, избравший сразу шагнуть в мистический мир, обычно оказывается разорванным между первыми ступенями самопознания, и тем, что захватило его душу. При этом он, очень даже возможно, действительно достигает каких-то прозрений, и опыт его очень важен. К сожалению, люди не в состоянии этот опыт оценить, поскольку просто боятся странностей, сопровождающих его поведение, и стараются определить таких искателей в сумасшедшие дома...

Познание себя оказывается вовсе не простым делом, если приступать к нему по очевидности или в рамках иной культуры, например, культуры просветления. Как вы понимаете, цель определит средства. И если вы избрали целью просветление, вы будете обманывать себя, считая, что то, что вы делаете, ведет к самопознанию. Оно не ведет к нему, поскольку ведет к другому, а лишь дает попутно. Но попутно самопознание можно извлекать из любой деятельности. И достижение просветления ничуть не более полезно, чем боевые искусства или огород...

Что делать, если хочешь именно познать себя? Вот действительный вопрос.

Вот таким людям я бы посоветовал сначала увидеть себя, как ту самую лестницу, по

которой и будешь двигаться. Увидеть отстраненно, просто посидев и подумав о своей жизни. Я лично использую подсказку мазыков, но, возможно, могут быть и другие пути. Мазыки же говорили так: человек приходит на землю не случайно, он воплощается, чтобы познать плотные миры.

Следовательно, миг воплощения есть переход от состояния до телесности к состоянию после обретения телесности. Телесность оказывается пуповиной, связывающей наше нетелесное бытие. Да, да! Главным для нас всегда является бытие нетелесное.

И до воплощения мы живем нетелесно, душой.

И после воплощения мы живем нетелесно, можно сказать, тоже душой. Телесной душой, которую для различения можно назвать Личностью.

Это и есть главная наша жизнь, жизнь, так сказать, идеальная. Именно в ней и скрывается предмет нашего познания - Я. Вот почему так трудно познавать себя через тело. В нем наше я лишь прячется, и чтобы найти его в теле, надо уже обрести способность видеть его и различать среди множества помех.

Если вы примите подход мазыков к воплощенности, то вы увидите, что первой ступенью самопознания должно быть не тело, а то, что дальше всего от цели. В этом и есть суть любой лестницы - они позволяют двигаться от самой дальней точки, чтобы последовательно приближаться к конечной. Прыгать сразу на середину лестницы неудобно, а иногда и невозможно.

Поэтому мы должны определить, что же является этой самой дальней, самой отстраненной от нашей цели точкой, или моим состоянием.

Опять же не буду выстраивать долгих рассуждений, предложу то, с чего начинали мазыки. А вы, если найдете что-то более подходящее, обоснуете это для себя, и начнете оттуда. Еще раз повторю: допускаю, что пути самопознания могут быть очень разными для разных людей.

Итак, мазыки считали, что, воплотившись, мы, подобно картечи, попавшей в цель, разбрызгиваемся по миру, в который пришли. В этом, вероятно, и есть суть самого понятия воплощение в мир. И разбрызгиваемся мы долго - с самого раннего детства до того возраста, когда приходит зов, и мы осознаем себя возвращающимися.

Что такое этот мир, в который мы входим, вживаясь в него частями себя?

Конечно, это мир земной природы. Но это мы познаем очень рано, еще в детстве. Конечно, мы потом всю жизнь добираем знания о нем, но уже не так, как в детстве, попутно. Познанию мира-природы мы отдаем лишь несколько ранних лет. Основное время мы познаем мир людей, мир-общество. Этим мы занимаемся прямо до того времени, когда нас вдруг начинают влечь книги о духовном пути, то есть до зарождения мыслей о возвращении.

Но возвращение, если мы о нем задумаемся, есть именно возвращение, то есть попытка снова стать тем, кем ты был до воплощения. Поэтому возвращение лежит по ту сторону от воплощения.

А здесь конечной точкой, до которой нас пронесит толчок воплощения, оказывается предельная вовлеченность в общественные отношения.

Вот они-то и являются крайней точкой нашего бытия, их-то и надо изучать как свое первое тело и первую ступень на пути к себе.

Затем пойдет то, что было в детстве - изучение мира природы и своего тела, как части этого мира. А через них - и как я и моя душа проявляются сквозь мое тело.

И только следующей ступенью оказывается изучение души, которую вполне можно видеть той пуповиной или мостиком, удерживающей связь с миром, из которого нашего Я заглядывает в этот мир.

Вот последовательность шагов, которые я предлагаю проделать на пути самопознания. В сущности, я повторил то, что говорил в предыдущей главе, проведя вас к той же цели еще одним путем, и сделал это вполне осознанно, поскольку начало слишком важно, чтобы ошибаться в нем.

Ступень первая. Общественное тело

Большинство людей считает, что не знает, как устроено общество. Поэтому в школах нам читают курс обществоведения или обществознания, в котором рассказывают об обществе, и о том, как человек с ним связан.

В действительности, это определенный обман и самообман. Авторы учебников обществознания, а в России сейчас учатся по двум учебникам - А.Кравченко и Л. Боголюбову, - почти искренне считают, что дают подросткам знания о том, что те не знают. Это верно - такого, что не знает человек, много, и всегда можно найти что-то, что можно запихнуть в его голову... дополнительно!

Подчеркиваю: дополнительно к уже имеющимся у него знаниям. В частности, к знаниям об обществе, его устройстве и о том, как в нем выживать. Ребенок с детства познает общество и ко времени школьного курса обществознания уже прекрасно знает об обществе всё, что ему необходимо. Но не все, что необходимо от него обществу. Вот здесь и скрывается ложь этих школьных курсов.

Они обучают не знаниям об обществе, а выполняют, как это называется, социальный заказ, то есть заказ того же общества ко всей школе: сделать детей управляемыми и вырастить из них удобные обществу рабочие особи.

Кравченко незаметно проговаривается об этом в первом же абзаце первой главы:

"В этой главе мы рассмотрим комплекс проблем, связанных с сущностью общества и его взаимоотношением с природой, проанализируем типологию человеческих обществ с древности до нынешних дней, выделив главные типы общества - доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное. Переход от менее развитого общества к более развитому составляет содержание социального прогресса, который проявляется через революционные сдвиги и постепенные реформы.

Затем мы рассмотрим вопросы социализации и воспитания человека, процесс становления личности, разберем мир человеческих потребностей и желаний. Личность формируется в тесном контакте с социальной средой, составляющей ближайшее окружение индивида. Это его родители, родственники, друзья".[1]

Правда, это читается привычно и узнаваемо? И мы даже знаем, как-то исходно, наверное, еще из школьной поры, что дальше нам сделают полезно. К примеру, научат, как лучше обращаться с обществом. И никто не задумывается о том, что так нас готовят к обеду, как тех самых знаменитых устриц Кэролла, которых Плотник и Морж готовят не на огне, а долгими беседами.

Конечно, думающий человек сумеет извлечь пользу из того, что почерпнет в этих учебниках. Но при этом он все равно окажется и в качестве гостя, и в качестве еды за этим огромным обеденным столом, зовущимся Обществом. Общество не озабочено судьбой своих членов, оно - дикий, первобытный великан, озабоченный только своей личной судьбой и требующий от всех своих клеточек, чтобы они бездумно жертвовали собой ради его жизни.

Хорошо это или плохо - совсем другой вопрос. Если хорошенько подумать, то мы не случайно родились именно в этом обществе, в другом нам было бы хуже. Поэтому беречь свое общество нужно, вплоть до того, чтобы пожертвовать за него жизнью. Но пожертвовать, выполняя свою задачу и по своей воле, а не быть сожранным просто потому, что ты поверил сладким речам политиков или их говорунов, обрабатывающих наше сознание!

А то, что наше сознание обрабатывают, видно хотя бы потому, что целый век люди говорили о том, что прогресс - это довольно опасная вещь, прогресс уничтожает Землю, прогресс пожирает наши души, прогресс ведет к улучшению человеческой жизни лишь местами и временно, а потом жизнь значительно ухудшается. Академический ученый, создававший учебник для школьников, не мог не знать об этой стороне прогресса, но, тем не менее, нисколько не сомневается в нем. Почему? Потому что знает, что в нашем обществе все еще жива магическая сила этого слова, и само ближнее окружение человека убедит его, что прогресс - это хорошо.

В действительности, никакого прогресса нет. Есть изменения. Были одни общества, их сменили другие. Меняется человек, меняется среда, которая ему соответствует. Чтобы сказать, что новые общества стали лучше, надо сказать, что лучше стал их заказчик и творец. Но разве человек стал лучше?

Кстати, теория прогресса - явление историческое и очень новое. Ее не было еще три века назад. В восемнадцатом веке французские философы-дилетанты, готовившие кровавую резню по имени Французская революция, чтобы подъясть устои Церкви придумали довод в их споре: бога нет, а в природе все развивается естественно, то есть само. И ничто не остается таким, как его создал творец. Все развивается от простого к сложному, в силу чего - человек венец природы, то есть то, что должно заменить бога.

Вот так родилось понятие о прогрессе, то есть о движении от худшего к лучшему. В итоге религия была разрушена, а с ней и государство. Король был низвергнут, а власть захватили прохвосты и проходимцы, как и в России в семнадцатом году. Что значит, что теория прогресса - всего лишь орудие в политической борьбе за власть в этом мире. И работает она всегда через просвещение народных масс.

В середине девятнадцатого века эта политическая идеология была усилена биологическими сочинениями Чарльза Дарвина, попытавшегося перенести теорию прогресса, то есть последовательного естественного развития от простейшего к сложному, на живую природу и написавшего несколько сочинений о естественном отборе. Он же сделал и попытки доказать, что человек - это животное, почему полностью укладывается в законы биологического развития видов.

Эти его построения так очаровали "думающую публику" середины века, что были применены ко всем общественным наукам. После него бурно расцветают антропология и социология. Социология, придуманная Огюстом Контом еще в 1830-х годах, была исключительно политической наукой о том, как менять общество революционно - через "союз философов и пролетариев". Но после Дарвина она резко бросается в объятия биологии, и целый век старается вывести свои основания из жизни животных.

Антропология же, особенно в лице знаменитого английского этнолога Эдуарда Тайлора, увязывает с прогрессом развитие первобытного человека и первобытных обществ. В итоге все те народы, что жили в девятнадцатом веке не так, как англичане, объявляются первобытными или, как писал Люсьен Леви-Брюль, - примитивными. И тем самым политики получают оправдание для разворачивания бешеной колониальной гонки за раздел мира, приведшей к первой мировой войне.

Теория прогресса - очень опасная игрушка. История это показала и доказала с очевидностью. И если человек, допущенный к тому, чтобы обрабатывать сознание половины русских школьников, использует ее, значит, это кому-то нужно. И не трудно найти кому - Обществу, конечно же.

Перечитайте последний абзац из выдержки, которую я привел. В нем прямо указана задача, ради которой в нас вкладывают знания об обществе: социализация и воспитание.

Эти книги не дают знания об обществе, они скрыто воспитывают нас и социализируют, то есть вписывают в общество, делают существами общественными. Личностями. Как?

Там же объяснено: через изучение потребностей и желаний. Точнее, прямо через потребности и желания. Общество "формирует личность", прививая и насаждая ей нужное поведение через потребности и желания. Мы живем в обществе потребления. Чтобы заставить тебя работать на общество, достаточно учитывать твои потребности. А чтобы заставить тебя вести себя правильно, надо обращаться и к желаниям, играя на них. Как играют, заставляя нас покупать то, что приносит наибольшую выгоду производителям новых товаров...

Можно ли извлечь пользу из подобных учебников? Конечно, и весьма разнообразную. К примеру, учебники обществознания можно изучать, как правила дорожного движения, чтобы знать, как проще и выгодней перемещаться по общественному устройству. Хотя по нему перемещаются совсем не теми путями, что описаны в школьных учебниках...

Но гораздо верней взять эти учебники и прочитать их на себя. Я использую это странное выражение, чтобы обозначить такой вид чтения, когда ты читаешь не так, как тебе это вкладывают авторы, а постоянно сопротивляясь их усилению затащить тебя в нужные им образы, но при этом постоянно же обращая сказанное на свою жизнь, на то, как это уложилось в твоём сознании, как описанное проявляется в твоей жизни.

И тогда чтение учебника обществоведения становится самопознанием. Тем самым описанием себя, с которого надо начать.

Учебник этот, если вдуматься, описывает изряднейший слой того, что ты впитал в себя, слой твоей лопоти, как говорили мазыки. Пусть это далеко не все твои знания об устройстве общества. Но это их немалая часть.

И она уже описана старательным человеком!

Значит, всего лишь прочитав такой учебник, ты избавляешь себя от труда описывать самого себя. И обучаешься, как составлять такие описания. Как вы поняли, на первой ступени описание себя можно составить с помощью того, что уже сделано человечеством. Лично я проработал с этой целью несколько сотен подобных описаний, составленных другими людьми, постоянно стараясь не поддаваться их очарованию и читать на себя.

Мой пример вполне может послужить уроком, для желающих освоить этот прием самопознания. Все мои "научные" книги написаны именно так. Читайте книги, господа. Если вы научитесь их читать, то обнаружите, что вас уже описали.

[1] Кравченко А.И. Обществознание 8-9 класс. - М.: Русское слово, 2005, с. 10.

Глава 1. Личность

Общественное тело, тело, которым мы обращены в общество и одновременно защищены от него, называется личность.

В советское время нам внушали: человек должен быть личностью! Личность, благодаря этому давлению государственного общественного мнения обретала ценность. Но вдумаясь: не было ли за этим внушением какого-то обмана? Не было ли какой-то выгоды, которую преследовали те, кто внушал?

А кто внушал?

Радио, школа, наука. В общем - государственные органы, призванные вести идеологическую обработку сознания граждан или членов общества. И уже одно это настораживает. Настораживает настолько, что становится ясно: личностью надо быть для государства и общества. Это им надо, чтобы мы были личностями.

А что надо нам?

Условно говоря, быть сущностями, а проще - самими собой. И делать то, что мы делаем, по собственному разумному выбору. Прежде, чем перейти к разговору о том, что такое личность, все же приведу еще один пример того, как надо составлять описание себя. Одновременно это пример того, как читать уже сделанные другими описания на себя, видя, как наше сознание обрабатывается и «формируется» в личность.

Это начало, точнее, Введение во второй из школьных учебников Обществознания, написанный под руководством академика Боголюбова. В сущности, прекрасная книга для познания себя. Если не попадаться на раскиданные в ней по заказу общества крючки и уловки. Я постараюсь в разбор этого Введения вложить несколько уроков. В частности, попробую показать, как отзываются наши души на правильные слова, и как нам подменяют наши желания на то, что нужно обществу, чтобы вести нас. Вести нас, значит, прививать правильное поведение.

Итак:

"Курс обществознания открывается разделом о человеке и о человеческом отношении ко всему, что его окружает. Человеческое отношение по-другому называют гуманным (от латинского homo - человек). Гуманным называют великодушное, доброе отношение к людям, готовность понять другого, стремление видеть в нем равного себе, достойного уважения человека"[1]

Продедаем упражнение.

Обратитесь внутренним взором к тому, как вы читали эти строки, и скажите: не произошла ли у вас смена отношения к написанному, когда вы поняли, что быть гуманным, значит иметь великодушное, доброе и так далее отношение к людям? Что-то вроде внутреннего восклицания: а, если быть гуманным, значит иметь готовность понять другого, уважать его, то я согласен быть гуманным!

Если хоть след подобной смены исходной настороженности на открытость сказанному произошел, вы чуточку познали себя.

Теперь вы знаете, что хотите быть добрыми, великодушными и человечными. И даже если в ответ прозвучало: фиг вам! Вы все равно живете внутри этого требования, лишь с противоположным знаком, лишь сопротивляясь ему. И это вы тоже теперь про себя знаете.

Теперь вы это знаете... Не странно?

А что же до того, как вы это прочитали? Вы этого про себя не знали? Или не хотели? Или хотели, но не знали, что хотите?

Даже если кто-то может сказать про себя: я прекрасно это знал, вы поняли главное - вот так, читая чужие мысли на себя, можно себя познавать.

Но это не все самопознание. Главное начинается с вопроса: так вы действительно этого хотите, или же вы этого стали хотеть однажды? Скажем, прочитав этот курс обществознания, или в школе, или, почитав умные книги...

Это знание, что вы хотите быть гуманным, было с вами всегда, или же оно приобретенное?

Отвечу: оно приобретенное, и это видно в самом рассуждении учебника обществознания. Просто перечитайте его еще раз, обращая внимание на точность рассуждений авторов:

Курс обществознания открывается разделом о человеке и о человеческом отношении ко всему, что его окружает. Человеческое отношение по-другому называют гуманным (от латинского homo - человек).

Гуманным называют великодушное, доброе отношение к людям, готовность понять другого, стремление видеть в нем равного себе, достойного уважения человека

Вглядитесь: первая часть рассуждения неумна, но точна и хитра. Действительно, если мы изучаем человека, то определенно знаем, что он может иметь отношение ко всему, что его окружает. И поскольку речь идет о человеческом отношении, то вполне можно сказать, что это отношение гуманное, поскольку на латыни человек зовется homo. Непонятно только, зачем нам знать, как оно зовется по латыни?!

А затем, чтобы совершить подмену, которая вдруг происходит во второй части рассуждения, а именно, чтобы мы приняли определенный образ поведения, соответствующий понятию "гуманный": великодушное, доброе и так далее отношение...

Если вы были строги к точности рассуждения вещателя, то заметили, что у него два понятия гуманности. Первое строго соответствует тому, что еще Сократ объяснял под именем arete - достоинства человека. Он его показывал на примере понятия "лошадность". Человечность - это свойство от понятия человек. Человеку свойственно быть человеком, поэтому ему свойственна человечность, как лошади свойственна лошадность.

Иными словами, человечность - это итог описания того, что мы называем человеком. Создать такое описание можно, просто глядя на человека. Вот он ест, пьет, дерется, плодит детей, сосет дешевое пиво, сплетничает, ворует, спасает детей из горящих домов, предает и мечтает...

Человек не звучит гордо, человек звучит сложно и неуправляемо. И так хочется его сделать проще и попользоваться!

И вот нам говорят: отбросим все лишнее, просто забудем его, и постараемся утратить свою природу, свою человечность и стать вместо этого гуманными, то есть добрыми, любящими и понимающими...

Так нас проще вести по жизни. Это вы увидели.

А увидели ли вы, что вы этого хотите?

Хотите, чтобы вас вели...

Кстати, изначально, в четырнадцатом веке, когда старое латинское слово "гуманизм" лишь обретало вторую жизнь во время Возрождения, оно означало всего лишь начитанность... знания литературы, особенно греческой... Все гуманисты той поры были литераторами и... идеологами, творившими новое мировоззрение, вкладывая его в сознание людей.

"Гуманизм - это не только определенное отношение к человеку, но и его определенное поведение. Такое значение гуманизма дает нам возможность предположить, что все люди достойны уважения и им присущи добрые качества. Хотя, конечно, не всегда добро, заложенное в людях, проявляется свободно и беспрепятственно. Иногда обстоятельства мешают доброму поступку, развитию лучших качеств. Во многом гуманизм как принцип поведения зависит от устройства общества, законов, по которым живут в нем люди. О справедливости и гуманности общества люди мечтали веками. Гуманное общество - это общество справедливое, в которое главное - человек, его благо." [2]

Прекрасное пожелание, но как мы от познания общества перешли к его переделке в желательном направлении? И как мы и авторы не заметили этого? Точное рассуждение

требует быть последовательным в своих мыслях. Порядок этот нельзя нарушать, если хочешь быть точным, конечно. Но что делать, если нельзя, но очень хочется?

Для самопознания это важный урок, и очень важно увидеть его в самом начале: когда нам очень хочется, мы с готовностью подменяем самопознание на самосовершенствование или на совершенствование окружающих. Мы начинаем не познавать, а учить, к примеру... Мы - воплощенная охота, охота обретшая тела для исполнения себя.

Наша личность - довольно простое для понимания явление, хотя и очень сложное по своему устройству и трудоемкое по познанию. Простота понимания личности заключается в том, что она вся построена на желаниях. Желания же наши выложены в целеустройении нашей личности. Слово "цель" не русское, оно существует лишь с начала восемнадцатого века. Но привилось, обрело понятное значение, и вполне принимается нами сейчас. Используем его.

Личность целиком целеположна, как говорится. Она вся состоит из целей. Если разобрался со своими целями, понял свою личность и познал себя, как общественное существо. Надо только увидеть разницу между желаниями и потребностями, на которые распадается наша охота в действительности.

[1] Боголюбов Л.Н. Обществознание, 8-9 классы. - М.: Просвещение, 2005, с.6.

Глава 2. Человек - это общественное существо

Как разобраться со своими целями? И как отделить желания от потребностей?

Тут придется взять еще один урок самопознания.

С него начинается тот же Боголюбовский учебник обществознания:

"Что такое человек? Чем он отличается от животных? Над этими вопросами люди задумывались давно. Древнегреческий философ Платон отвечал на них так: "Человек - это двуногое животное без перьев". Через две тысячи лет известный французский физик и математик Б.Паскаль возразил Платону: "Человек без ног все же остается человеком, а петух без перьев человеком не становится."

Что отличает человека от животных? ...

Великие мыслители пришли к выводу: самый важный признак человека заключается в том, что он существо общественное, или социальное...

Дитя человеческое после рождения - самое не приспособленное к жизни из всех живых существ. И человек из него вырастает только в семье, в обществе, где его учат жить, дают ему знания об окружающем мире, формируют умение трудиться."[1]

Прекрасное описание, которое полностью ложится на мои представления о себе. Но чтобы сделать его полезным, его надо уточнить и, самое главное, сбросить те чары, что наложил автор.

Первое - это "возражение" Паскаля Платону. Паскаль не возражал Платону, он возражал тем, кто сделал из этого изречения Платона расхожую фразу. Платон же вовсе не давал такого определения человеку. Кто знает Платона, помнит, что эти слова вложены им в уста Сократа, а значит, и действительно могли ему принадлежать. Для Сократа же это всего лишь шутка, издевка над софистами.

Сам же он показал истинное отношение к человеку через своё понятие самопознания. И уж приписывать ему такой поверхностный бред мог только человек, который совсем отвергает самопознание. Кстати, именно самопознание и отвергают авторы учебников обществознания - они целиком направлены наружу, во вторую часть своего определения человека - в общество.

Вот тут утверждения обществоведов кажутся бесспорными: человек - существо общественное.

И именно тут начинается наш урок.

Является ли человек существом общественным? Он бесспорно являет себя таким для наблюдателя. Наблюдателем же этим, которого здесь называли "великими мыслителями" были классики марксизма, которые именно на этом наблюдении выстроили свою социологию, ставшую идеологией социалистического общества. И у Боголюбова это понятие именно из Маркса, Энгельса и Ленина. Освободиться же от него он не может даже после

падения марксизма потому, что это утверждение кажется очевидным: человек - существо общественное.

Однако задумаемся.

Человек ли суть общественное существо?

Или же им является лишь его личность? А именно то, что впитывает дитя из своего общественного окружения, из семьи и общества?

Вспомните сами те знаменитые примеры, когда дети воспитывались животными, или когда их лишали в детстве общения. Эти дети вырастали узнаваемо людьми, но они были зверенышами или нелюдями по своей сути.

Значит, человек может быть кем угодно. В том числе и существом общественным. Древние, наши предки, отчетливо это осознавали, отчего и развился, наверное, во всех обычных обществах закон гостеприимства: того, кто стучится к тебе в дом надо принять и приветить. Почему? А потому, что в человеческом обличье к тебе может заглянуть бог или демон. И тогда ты можешь наприсниться на большие неприятности.

Внешность человека не означает, что перед тобой человек - вот большое знание, которым обладала древность, и забыли мы. Нам стерли это знание, чтобы привить гуманность и демократические принципы. В итоге для нас все люди равны, и потому мы готовы низвергать царей и сажать на их место кухарок.

А люди не равны, люди очень, очень разные. Равны лишь личности, и лишь тогда, когда их "формирует" одно и то же общество. К примеру, демократия американского или имперского типа.

Но для самопознания это не важно, важно лишь то, что личность отделима от меня. Она становится равна человеку лишь потому, что никто из нас, включая обществоведов, не задавался целью дать определение используемым понятиям. Если не определять, что такое "человек", то и вправду вполне допустимо заявить, что человек - существо общественное, как и то, что он - двуногое животное без крыльев.

Без определения используемых понятий эти заявления равноценны!

Именно это и высмеивал Сократ. Именно высмеивал, ловя на это поверхностные умы, ибо сам он делал только одно: из беседы в беседу определял и уточнял определения понятий, которые мы используем. И все эти уточнения сводились к тому, чтобы понять, что такое человечность и приложить это к себе.

Вот урок. Урок различения понятий. Теперь можно перейти и к желаниям и потребностям.

[1] Боголюбов Л.Н. Обществознание, 8-9 классы. - М.: Просвещение, 2005, с.8.

Глава 3. Желания и потребности

То, что желания и потребности разные вещи, понятно с первого взгляда. Но вот когда пытаешься дать этому различию определение, разница эта как-то стушевывается, как говорил Достоевский. Желания становятся вездесущими и перекрывают собой потребности.

Это происходит потому, что наш язык следует за нашими понятиями, а понятия у нас неуточнены. Мы ими мало занимаемся. Но попробуем пройти сократическим путем, и разобраться в понятиях, которые имеем.

Начнем с того, что и у потребностей и у желаний есть общая основа, мазыки называли ее Охотой. Охотой жить.

Охоту считали тем "клеем", который крепит душу в теле. Но сама природа охоты, как они ее видели, предполагает не столько ее вещественность, как если бы она действительно была клеем, сколько подвижность. Как это смог понять я, охота, скорей, похожа на поток, который, подобно ветру, дует сквозь тело из мира душ в мир вещества. Именно он подхватывает души перед их воплощением, и загоняет в тела, так что они оказываются направлены своим видением изнутри тела наружу, в этот мир. Он же их и удерживает в телах, оказываясь на поверку влечением к вещам этого мира.

Пока поток этот силен, сильна и жажда жизни. Им же меряется и жизненная сила человека. Как только он слабеет, человек теряет интерес к вещам и делам мира сего, и начинает подумывать об уходе...

Охота влечет человека к чему-то. Как вода влечет челн... Это и есть суть как желаний,

так и потребностей. Они есть воплощение влечения или охоты.

Но при этом влечет в нас то, из чего мы состоим, по-разному. Условно говоря, разные части подвержены влечению сами по себе. Влечения могут относиться ко мне или к моим телам. Собственно меня, Я влечет в тело сама охота. Мою душу влекут желания, а вот мое тело - потребности.

И если вы взглянете на понятие "потребности" именно с этой точки зрения, то увидите, что их вполне можно назвать желаниями, но при этом все их будет отличать то, что без их исполнения мы умрем. Словари определяют потребности как сущностные желания, надобности. То, что необходимо для жизни.

А вот желания по своей сути кажутся человеку, склонному к аскетическому образу жизни, каким-то баловством, потому что без любого из желаний можно и обойтись. И про любое желание ребенку могут сказать: перетерпишь, не помрешь!

Да, тело будет жить без удовлетворения желаний. Что будет от этого с душой, сказать трудно. Наверное, она тоже выживет...

Впрочем, иногда говорят о душевных потребностях, и уже одно это словосочетание есть свидетельство, что душе можно отказывать не во всем. Иначе что-то важное может умереть в тебе.

Однако, как бы там дальше ни углублялось наше понятие желаний и потребностей, сейчас важно остановиться на том, что при первом приближении желания оказываются тем, что нужно не телу для его выживания. Они оказываются чем-то дополнительным к телесным потребностям. А дополнительным к телу в естественнонаучном мире стали считать сознание, под которым понимали то, как человек думает.

В итоге желания в сущности были связаны с личностными проявлениями. Потребности у тела, желания у личности. Вот первое разделение этих понятий.

Однако, как мы уже договорились, личность можно считать нашим общественным телом, то есть неким тонкоматериальным телом, сквозь которое проявляется душа. И значит, прикасаясь к теме желаний, мы вступаем на поля изучения души. Это, пожалуй, преждевременно.

Прежде надо изучить то, что более доступно, а именно то, как я проявляюсь сквозь мое тело. В частности, и через потребности, но в первую очередь все-таки через движение.

Глава 4. Целеустройство

Личность вся соткана из желаний и способов их удовлетворения. Даже если мы исключим из рассмотрения телесные потребности и душевные влечения и порывы, желаний этих невероятно много.

По силам ли человеку, даже неординарному, сделать полное описание себя, или хотя бы своих желаний? Думаю, нет. Но это и не требуется, потому что делать надо не полное, а полноценное описание, описание, которое позволит освободиться от лишнего и понять себя.

Полноценным описанием личности является не описание всех желаний, а описание того, как вообще уложены в нас желания. Мазыки называли это мне Целеустройством, но существовали и иные названия. Сам поток желаний назывался Стремнина, а работа с ним - Стремянкой.

Оба эти слова явно связаны с понятием "стремление". Стремянка же означает лестницу с подпорками. Образ лестницы или лествицы вообще часто использовался мазыками для рассказов об устройстве человека и нашей жизни. Очевидно, потому что это иное имя для пути, а самопознание - это путь.

Понятие Стремянки облегчает работу над собой, потому что в этом образе уже содержится понятие об определенных подпорках, а также об устройстве того, что мы изучаем. У стремянки, как и у любой лестницы, есть устремленные вверх, к какой-то цели, столбы или шесты, их называли тетивами. Тетивы указывают направление, в котором ты устремлен, и цель, к которой ты стремишься. Они как образ дороги, уходящей не вдаль, а вверх, к какой-то жизненной вершине, которую ты избрал достичь и покорить.

А поперек этих тетив, чтобы достижение стало возможным, пришиваются ступени. Они назывались грядки или рядки.

Грядками, как вы помните, зовут горные отроги. Это значит, что грядка - это маленькая горка, и каждая из них - маленькая вершина. Иными словами, если смотреть снизу, то

каждая из целей-ступеней сама кажется вершиной, к которой ты устремлен. И только достигнув ее, ты понимаешь, что она была нужна тебе лишь затем, чтобы добраться до более высокой цели...

Обычно человек карабкается по ступеням жизненной лестницы, видя только те задачи, что прямо маячат перед его носом. Но если задумываешься о самопознании, то задашься рано или поздно и вопросом: ради чего я живу? И вот тогда образ стремянки сильно поможет, потому что покажет, что все те цели, что окружают тебя роем зудящих и погоняющих оводов, в действительности уложены в какую-то последовательность. Жесткую последовательность, если уж быть точным.

Никаких самостоятельных целей, не связанных с тетивами целеустроения у нас не бывает. У нас, то есть у меня. Мои цели, цели Я жестко увязаны, так что тетивы звенят от напряжения. Но среди них попадают такие, которые вы никак не можете связать с остальными, хотя и достигаете.

Это вполне могут быть в вас чужие цели. Цели из сумасшествий или западков, как это называли мазыки. Иначе говоря, цели или желания, привнесенные в ваше сознание другими людьми помимо вашей воли.

Как это происходит, я подробно описал в книгах, посвященных очищению. Поэтому сейчас скажу лишь то, что все ваши цели надо проверить на то, ваши ли они. И, если вы задумаетесь, то чужие стоит убрать. По крайней мере, если вы живете ради самопознания, то есть познания себя, а не других.

Как их убирать, я тоже подробно рассказывал в Учебном курсе Училищ русской народной культуры. Скажу лишь, что убираются они либо очищением сознания, либо отменой. В общем, это все просто, хотя бывает и трудоемко.

Важно лишь понять, что убирание чужих целей и желаний является первой ступенью Стремянки, то есть работы с собственными целями или описанием себя как личности через свои желания.

Второй ступенью будет обретение способности видеть натяжение тетив. Это непростое, но сильно действующее упражнение. Надо просто сесть одному или вдвоем с помощником, и позадавать себе вопросы. Примерно, так:

- Что я хочу?
- Того-то.
- А зачем?

И как ни странно, всегда придет ответ, объясняющий, ради достижения чего ты построил эту степень своей Стремянки, то есть целеустроения. Тогда ты спрашиваешь себя:

- А зачем мне это?

И тут же приходит ответ, объясняющий, зачем тебе и то, ради чего ты строишь первые ступени. И так далее и далее, отодвигая конечную цель куда-то в Небеса.

Что в итоге? Вспоминаю собственные ощущения, когда со мной проделали подобное упражнение в первый же год моего собственного ученичества. Оно называлось Мазохой и буквально потрясло все мое существо.

Сначала ты вдруг понимаешь, что все твои - именно твои - цели связаны между собой. Затем тебе начинает казаться, что они убегают бесконечной лестницей куда-то вдаль. И тут тебя пронзает мысль, что нет никакого облака желаний, окружающих тебя, все они только казались веревкой, намотанной на твое тело. В действительности, они выложены по прямой нити, по тетиве, как стрела...

И ты обретаешь видение собственного жизненного пути.

А затем вдруг приходит осознание, что эта лестница не устремлена вверх и не убегает куда-то в недостижимую даль. Все гораздо хуже: она стремительно раскладывается вниз! И раскладывается она потому, что для достижения каждой следующей ступени ты сам с недоступной для твоего осознания скоростью творишь все новые ступени, так пытаешься упростить свое движение...

А затем ты еще и начинаешь замечать, что не умеешь подыматься по ступеням, созданным тобою же, последовательно. Ты даже не замечаешь, что жил все это время в отчаянии от того, что никогда не успеешь сделать все, что наметил, и поэтому постоянно отвлекался от стоящей прямо перед тобой задачи, и, забегаая вперед, решал кусочки из других, выхватывая маленькие ступенечки из других ступеней. Из ступеней, до которых еще

не добрался...

Старики называли это "ловить синичек". Это из той поговорки, что лучше синичка в руках, чем журавль в небе.

Не верьте, единожды приняв эту мудрость законом своей жизни, вы обрекаете себя всю жизнь ловить мелких синичек, которые во множестве подворачиваются нам на пути, потому что жизнь любит подбрасывать искушения. Только журавль, только журавль! Но продуманно и последовательно, чтобы не проиграть.

А чтобы не проиграть, победу надо готовить.

Как только вы примите для себя такой подход к жизни, вы непроизвольно сделаете следующий шаг в целеустройении. Рано или поздно, но вы придете к нему, потому что он - неизбежность: если вы хотите достичь вершины собственного целеустройства, если вы хотите поймать своего журавля или птицу собственной мечты, вам надо отказаться от лишнего, и сократить то, за чем вы охотитесь по жизни. Иначе ее не хватит.

И вот тогда вы сядете за собственное описание своих целей, и переберете всю Стремянку, выкидывая то, что устарело, или что было принято в качестве цели детским умом, или что давно и многократно достигнуто, но не было замечено и оценено по каким-то причинам...

Как это делать, тоже описано мною, но думающему человеку будет достаточно и этих подсказок. Впрочем, творческие способности лучше бросать на главные битвы своей жизни, а подобные технические сложности преодолевать, пользуясь мудростью предков. Так что, быть может, в данном случае - для познания себя как личности и освобождения от этой ловушки - будет выгодней просто взять школу мазыкского целеустройства, благо, старые люди немало об этом думали.

Глава 5. Множественность личностей и миров

Самое неприятное в нашем общественном теле, то есть личности, то, что она множественна, как будто мы идем по жизни с большим запасом личин, которые меняем в подходящих случаях. Однако, если заглянуть в само понятие личности поглубже и понять ее природу, именно это свойство личности оказывается и большим подспорьем для самопознания. Судите сами: что легче копать - одну большую запутанную свалку хлама или несколько куч, разложенных по порядку.

А личности наши возникают не случайно и в весьма определенном порядке.

Я не смогу в этой книжке рассказать подробно ни о личности, ни о мышлении, частью которого она является, ни о сознании, в котором содержится мышление. Это слишком большие предметы, чтобы уместить их в пару глав. Но вкратце необходимо сказать следующее.

Для того, чтобы понять себя, как общественное тело, надо понять, что такое сознание. В данном случае необходимо понять или принять, что сознание наше - это отнюдь не точка, из которой я осознаю себя. Это некое пространство, в котором хранятся содержания, в частности, мысли, представления, то есть образы. Второе, что необходимо увидеть, если хотите, чтобы у вас получалось очищение, что содержания сознания - некие вещи, соответственно имеющие вещественность или материальность. Очень тонкую, почти духовную, но определенно позволяющую на эти "вещи" воздействовать.

Если воздействие на образы невозможно, то с ними ничего и нельзя сделать. Тогда мы обречены. Однако мы живем и очищаемся, значит, естественные науки, пытавшиеся внушить, что люди - это только тела, - что-то проморгали, если, конечно, не намеренно скрыли от нас.

Сознание, как его видели мазыки, двойственно. Оно способно осознавать, то есть быть неким лучом внимания, который превращает все, что созерцает в часть сознания - сознает. Часть сознания - это образы, кроме них в сознании нет ничего. Сознать - это превращать в образы определенного качества.

Но какого бы качества ни были образы, они все сотканы из вещества сознания и хранятся в нем. Вещество это мазыки называли пара. Парой вообще весь русский народ называл души тех существ, которые отличаются от человека. У зверей нет души, у них одна пара, - говорили русские крестьяне.

Сознание вещественно, сознание может хранить в себе образы, будто оно безмерное

пространство, сознание может осознавать. Осознает оно тоже образы, образы, так сказать, низшего порядка, переводя их в более удобное для работы разума состояние, именуемое понятиями. Если сознанию удастся осознать, что же хранится в его собственных глубинах, условно говоря, как его бессознательные или неосознанные содержания, появляется понимание, а с ним и освобождение.

Самое малое, что дает понимание - это некое ясное видение и возможность обобщения огромного количества образов под одним именем, которое и есть понятие. Как только появляется понятие о чем-либо доселе смутном и неясном, разум становится хозяином, а с ним и Я прихожу в те части себя, которые были мне доселе недоступны и поэтому неведомы. Я словно бы теку по свету, который разливается разумом в окружающем мире.

В действительности, в мирах.

Мир, в котором живу я, вроде бы всегда один. Я не чувствует переходов, но это не потому, что их нет, а потому, что Я свойственна внутренняя цельность, и оно остается собой, в какой бы мир ни пришло. Просто вспомните себя во снах, вспомните эту поразительную способность оказываться там в иных телах, но по-прежнему знать, что это ты. Самое большее, что нам доступно в подобных случаях, это удивиться: как я сюда попал!? После чего мы благополучно забываем о вопросе и принимаемся жить или страдать в новом мире...

Я приспособлено для жизни в любых условиях. Некоторые люди умудрялись перепрыгивать на время в животных, и осознавали себя и мир из них. И им это нравилось. А главное - они, оказываясь, вполне были приспособлены к тому, чтобы жить так. И их я не чувствовало перехода. Но мир птицы или кошки - это иной мир, чем мир человека, правда? Даже если они существуют в единой с нами физической вселенной.

Так вот и в обычной жизни мы живем во множестве миров сразу, а еще больше оставили в своем прошлом. Мир работы, мир дома, мир увлечений, даже "Мир ковров" или игровой клуб "Компьютерра" - это все разные миры, где мы вынуждены вести себя по-разному, потому что этого требуют законы тех миров и наши цели, ради которых мы там оказываемся.

В детстве мы последовательно переходим из мира в мир, и до какого-то возраста эти миры складываются в почти неизбежную цепочку, которая есть у каждого: дом, двор, улица, школа...

Затем жизненные пути разбегаются множественными дорожками, и каждый собирает свое ожерелье из миров и мирков. Это неизбежность нашего воплощения. И важнее всего здесь то, что для каждого такого мирка мы создаем свою личность, в которую вкладываем набор образов, обеспечивающих нам выживание там. По сути, создаем тело для существования в каждом из новых миров.

Личности вспомнить трудно, они творятся нами почти незаметно для осознания, потому что их создает мышление, которое состоит из образцов поведения. А образцы тем хороши, что не требуют думать. Это значит, что личности творятся не разумом, а, можно сказать, автоматически, почему и плохо помнятся.

Конечно, не всегда и не во всех своих частях. Разум, безусловно, участвует в покорении нового мира. Но он не творит личность, он ищет, как выжить в новом мире, и создает образы себя, то есть орудия, которыми ты можешь покорять миры. Образы всегда продуманы, а часто еще и выстраданы, потому что подходят не сразу, и их приходится менять, работая над собой.

Но как только образ сработал, разум спешит решать новые задачи, отдавая использование образа той части себя, что хранит образцы, то есть мышлению. И образ тут же омертвляется и превращается в жесткий и неизменный образец поведения. Вот так и рождается основа новой личности. К ней могут добавляться новые черты, найденные разумом дополнительно, но и они омертвляются, чтобы не нужно было на них тратить время и силы, потому что силы нужны для решения еще нерешенного, а потому опасного для жизни.

Все такие образцы поведения в виде личин или личностей вполне дееспособны, потому что подсаживаются к общему корню - изначальному пониманию того, как надо вести себя в мире людей. Это "изначальное понимание" называлось Личностным деревом. И по сути является всего лишь той цепочкой личностей, которую мы создавали, пока проживали

общечеловеческую цепочку миров от дома до школы.

Поскольку все наши личности соответствуют мирам, для которых создавались, мы получаем возможность их легко разложить в очень определенную, даже жесткую последовательность. Личности мы помним плохо, а вот миры, которые завоевывали и покоряли, очень хорошо. Потому что они либо наши большие победы, либо горькие поражения.

Если вспомнить миры, в которых ты жил телом или душой, то с неизбежностью вспомнятся и личности, которые ты создавал ради них. И тогда появляется возможность освободиться и вернуть свои силы.

Судите сами: разве вы не считаете, что личность - это и есть вы? А если личность осознается нами собой, и так каждая личность, какую мы создаем, то не расточительно ли держать себя в таком количестве копий? Это хранение требует усилий и огромного расхода жизненной силы.

Стоит только переписать свои личности и отпустить те, что больше уж не нужны, как вы делаете огромный скачок в познании себя и обретаете силы для движения дальше. Для такого описания существовала работа, которую мне давал еще самый первый из моих учителей-мазыков. Она называлась Непрощенные миры.

Имеется в виду, что мы расстаемся со многими мирами, в которых жили, но забываем их отпустить, не прощаемся с ними. В итоге наша душа оказывается разбросанной по мирам, и там она теряет покой. Поэтому ей надо прощение, как любой неуспокоенной душе...

Эта работа большая, и я не смогу ее описать в этой книге. Но она дается в Академии Самопознания и в Училищах Русской народной культуры. Впрочем, вы всегда можете ее проделать так, как подскажет вам ваш разум.

Заключение общественного тела

Я намеренно использую такое странное название для этого заключения. Я хочу показать, что в общественном теле, в личности мы находимся в ловушке, Я заключено в нем и не может вырваться и обрести силу для путешествий в неведомое, пока не познает себя...

К счастью, как вы, надеюсь, поняли, природа раскладывает всю нашу жизнь в весьма определенном порядке, который вполне доступен для наблюдения. И вполне обозрим. Иными словами, нам надо создать описание самого себя, но это уже почти сделано нашим сознанием, разложившим все воспоминания о себе строго по единицам хранения - мирам и личностям, им соответствующим.

Достаточно лишь записать последовательность своих личностей, и вы овладеваете описанием, вполне достаточным для самопознания.

Конечно, с ним еще надо работать, если вы хотите познать себя глубже. Для этого надо извлечь себя из тех миров, где вы завязли, потому что не справились, к примеру. В любом случае, путеводной звездой будет боль - та самая душевная боль, которую принято избегать. Теперь вам придется научиться ее любить, потому что она ведет вас к освобождению и возвращению блаженства.

Как это делать, я много рассказывал, когда преподавал в Училищах русской народной культуры, и продолжаю описывать в книгах. Впрочем, ничего сложного для думающего человека в этом нет. Надо только очень захотеть пойти дальше...

И мы в этой книге тоже пойдем дальше. К познанию себя через тело.

Ступень вторая. Тель или физическое тело

Следующая ступень лестницы самопознания, которую предлагали освоить мазыки, было познание себя через тело или сквозь тело. Именно так: сквозь тело, а не как тело.

Познать себя как тело просто и одновременно невозможно. Просто, если рассматривать его анатомически, как этому обучают студентов-медиков. Конечно, тогда надо будет запоминать много названий и латинских слов, поскольку русское тело научно без латыни не познается, но это очень простая и даже туповатая работа. Ее, конечно, можно

слегка усложнить, и попробовать восстановить русские названия для различных частей тела, и все же, это почти ничего не прибавит. Разве что немножко осмысленности...

Но, проделав это жестокое упражнение над самим собой, изнасиловав свою память ненужными терминами, а тоже самое тело недосыпанием, ты сдаешь экзамен, получаешь отличную оценку и вдруг осознаешь, что тело, которое ты изучал - твое. Твоё! Но не ты! То, что принадлежит мне, не может быть мной.

Еще трудней изучать себя как тело тем, кто из него выходил и для кого жизнь после смерти тела очевидность. Тело - лишь орудие, которое мы многократно сменим за время самопознания. И нужно оно нам лишь затем, чтобы проделать какое-то исследование в плотном мире. Какое - мы знаем лишь тогда, когда отправляемся сюда. Но можно сделать некоторые предположения.

Если Я хочет познать себя, то можно исходно принять, что самопознание не является задачей воплощения. Оно гораздо шире, потому что должно сохраняться как задача и вне воплощения, всегда, когда есть Я и во всех видах его существования.

Следовательно, у воплощения есть своя задача в рамках самопознания. Какая предположительно?

Все указывает на то, что она должна быть связана с тем существованием, которое мы ведем. А мы ведем телесно-душевное существование, воплощаясь в тель и личность, и страдая и наслаждаясь как душа. Наслаждаемся мы душевно тем, что дает тело и общение с другими душами: восприятием плотностного существования и душевностью...

Страдаем всегда от одного: от несовершенства - своего или других душ.

Следовательно, задачей нашего телесного воплощения вполне можно считать самосовершенствование, через которое и ведется познание себя.

Иными словами, чтобы познать себя истинным, нам надо избавиться от себя неистинного, то есть от несовершенного. Следовательно, самопознание начинается как познание собственного несовершенства. А как познать свое несовершенство? Надо совершать ошибки.

Как?

Да просто действуя. Не надо напрягаться, не надо как-то особо выискивать, что в тебе еще несовершенно. Достаточно просто жить и действовать, главное - действовать, а не изображать мертвяка - и ошибки появятся. Можете быть спокойны!

Они появятся, и ваша личность захочет расстроиться и спрятать их. Но ошибкам надо научиться радоваться, потому что они не случайны и не плоды людской злобы, они - выражение несовершенств.

Несовершенств чего? Всегда души. Хотя может казаться что тебя или личности, или тела.

Чепуха!

Если задаться вопросами и поискать корни, все ошибки земного воплощения вырастают из тех или иных душевных несовершенств. Все остальные среды - тель и сознание - лишь выявляют их, позволяют проявиться сквозь себя.

Само по себе тело просто не может ошибаться, хотя бы потому, что само по себе оно не может действовать. Оно будет неподвижно лежать, пока не разложится, если в него не вдохнуть жизнь. А жизнь в него вдохнет душа. И дальше, тело будет действовать только так, как душа обучит его. И никак иначе. И если у тела не получается что-то, это только потому, что либо вы требуете от него нечто, для тела невозможное, либо ваша душа не смогла его обучить. По какой причине - совсем другой вопрос, которым мы займемся особо.

Пока важно одно: несовершенства, которые мы обычно считаем телесными, в действительности есть лишь выражения гораздо более глубоких несовершенств, несовершенств, ради которых мы пошли на пытку воплощением, то есть обретением плоти.

Поиск этих корней - увлекательное и далеко не простое упражнение. Оно подобно поиску источника теней, а тени, как вы знаете, имеют свойство сильно исказить образ того, что их отбрасывает. Но при этом, при небольшом опыте, связь эта становится прямой и очевидной. И тогда становится возможна действительная психология, действительная наука о душе и ее познании. Но сначала надо научиться видеть и познавать тело.

А как его познавать?

Собственно говоря, просто познание тела вы уже сделали, прекрасно понимая, как оно у вас устроено, вполне можете его описать, подбирая одежду для занятий на семинаре по самопознанию. Одежда, если вы вдумаетесь, есть описание вашего тела, и довольно точно его описывает, к слову сказать.

Теперь вам надо задуматься о более глубоком познании, а глубже тело познается через то, как оно движется. И это все, что делает тело.

Оно либо как-то движется, даже когда неподвижно. Либо оно мертво.

И всё, что мы можем извлечь из тела для собственного познания, воплощено в его движениях. И в таких, какие мы совершаем руками и ногами, и таких, что совершают наш язык или глаза. Письмо, тоже есть вид движения, выражения лица, прическа, нанесение на тело раскраски...

Мы начнем с изучения тех видов движения, в которых ярче всего видна некая основа, обеспечивающая нашу жизнь на земле - разум. Движения эти боевые, потому что там, где появляется опасность для жизни тела, разум проявляется произвольно и даже у тех, кто обычно очень хорошо спрятался в искусственные способы поведения или сумасшествие.

Первым делом нам надо выявить и описать собственный разум, как вполне определенную способность души. Поэтому мы будем изучать его в той среде, где кроме него ничего нет, в среде насквозь пропитанной опасностями для жизни. У мазиков, которые обучали меня этому, было орудие, предназначенное именно для такого погружения в собственный разум. Называлось оно Бой на любки.

Мы обучаем этому древнему искусству и в Академии самопознания и в Школе любков. Но для тех, у кого нет возможности попробовать любки вживе, я просто расскажу о том, как они позволяют познать себя, и постараюсь быть в этом предельно наглядным и очевидным. Но сначала несколько слов о самом разуме.

Глава 1. Разум

Эта глава и несколько следующих являются общими для этой книги и для книги о Любках, написанной мною. Объясняется это тем, что в какой-то миг самопознание должно обратиться к тому, как ты проявляешься сквозь собственное тело. Но сквозь тело ты проявляешься как душа, душа же - источник движения, и значит, видна в движении, в том, как движутся наши тела. Поэтому действительное самопознание с неизбежностью приходит к изучению движения, которое доступно нам лишь как движение тела.

Но тело не движется само, и оно не в состоянии просто воплощать душевные порывы. Оно вынуждено воплощать их только так, как может, а может оно лишь в соответствии с законами нашего мира. Иначе говоря, телесное движение есть воплощение душевных движений, преломляющихся в свете законов земного существования. И это вовсе не такой простой предмет.

Только физикам кажется, что движение так же просто увидеть, как яблоко, падающее на голову Ньютона. В действительности как раз в падении яблока и не было никакого движения. Это было лишь перемещение тела под действием земного притяжения. Движение так же трудно для нашего наблюдения, как и душа. Оно - источник перемещений тел, и поэтому скрыто и спрятано этими самими телами.

Тела так захватывают наше внимание, что мы просто не в силах видеть ничего, кроме них, и почти никогда не замечаем того, что заставило их перемещаться. Движение - не невидимка, но оно редко кому показывает себя. Это даже не искусство видеть движение, это дар. Впрочем, дар этот нам естественно дан, и его просто надо восстановить и развить.

Как его раскрывать могу показать, в частности, на примере нашего собственного тела. Чтобы увидеть движение, надо расширить свое сознание на огромный временной отрезок - от рождения и до настоящего. И попробовать посмотреть на любое перемещение, что вы совершаете сейчас, удерживая осознание его огромности и длительности. Вот, к примеру, вы протянули руку и взяли книгу...

Сделайте это и понаблюдайте за собой. Где здесь движение?

Я намеренно взял привычное действие. Мы миллионы раз за жизнь протягивали руку и что-то брали. Это позволяет забыть о книге, что у нас в руках, и увидеть, что мы берем Нечто. Все равно что - навык один и тот же.

Вот теперь протяните ее еще раз и возьмите то же самое Нечто, что только что брали, не обращая внимания на то, что это такое. Просто ограничьте себя только чистым

движением, которое созерцаете.

Ваше состояние определенно изменится, оно станет созерцательным, и будет таким до тех пор, пока вы не впустите узнавание взятой вещи в свое сознание. Но не впускайте. Берите просто вещь, тогда вы будете только брать, и это уже очень близко к движению. Но это еще не оно.

Чтобы пройти дальше, нужно еще расширить сознание, и вспомнить, как вы учились брать вещи. Весь этот опыт тоже закрывает от вас движение различными перемещениями руки. Для начала вспомните то, что живее всего: например, как вы берете горячее. Ожоги болезненны, и поэтому перекрывают видение, вынуждая помнить некоторые правила обращения с горячими вещами. И это - лопоть, пелена образов, перекрывающая ваше видение.

Потом вспомните, как брали холодное, мокрое, скользкое... слишком большое для одной руки, крошечное, что едва уцепишь ногтями... мягкое, вроде перышка, лепестка или крылышка бабочки... живое...

А теперь осознайте, что прямо сейчас вы проделали огромный путь во времени, и вполне можете вспомнить, как дети пытаются взять игрушки, которые висят у их люльки. Им еще неведомо расстояние, и поэтому они одинаково тянутся как к круглой погремушке, так и к луне... И вы делали так же... Пока не поняли разницу.

Так вы учились. Но что вы обучали в себе?

Разум.

Разум рождался как орудие выживания в этом мире, как то, чем вы приспосабливаетесь к земным условиям жизни. Разум, как мы все знаем, позволяет не только действовать, но и думать. Но при этом он весь состоит из вот таких простейших образов движений, ошибок и находок...

И если вы это увидели, скажите вперед по возрасту, прямо в то время, когда вы впервые пришли в боевые искусства. Вспомните, как вам с трудом давались бойцовские движения. Как трудно было запомнить и освоить эти странные движения руками, ногами, телом. Как они не слушались, разъезжались и расползались. И как вы заставляли и заставляли их слушаться, повторяя одно и то же движение раз за разом, нарабатывая его...

Кого вы в действительности обучали, кого заставляли и натаскивали? Тело?

Ничего подобного. Если вам сейчас выключить сознание, если вы потеряете память, двигательные навыки тоже исчезнут, потому что они хранятся в разуме, записанные в виде образов. Образов движение.

Именно их-то вы и нарабатывали. Когда спортсмен раз за разом повторяет какое-то движение, скажем, пытаясь повторить учителя, он не просто двигает телом. Он заставляет тело двигаться точно в соответствии с тем образом, что усвоил и пытается повторить. Нарбатывая движение мы в действительности нарабатываем образ движения. Тело лишь вливается в него. И ошибки наши при этом не есть ошибки тела. Телу совершенно все равно, что делать. Если оно не порвется или не сломается, оно выполнит любое движение.

Но вот образы наши несовершенны. Вот вы, к примеру, работаете над тем, как правильно подсесть под противника при броске через спину, и у вас почти все получается, вот только вторая нога никак не хочет встать вместе с первой между ног противника. Она все норовит встать снаружи его ноги. Почему?

А потому что у вас есть образ того, что так стоять уязвимо, вы неустойчивы и обязательно упадете. Вот поэтому посреди воплощения образа броска у вас включается образ того, как остаться устойчивым. И бросок не получается, просто потому, что вы не сумели создать или удержать образ...

Точно так же любой каратист может вспомнить, как трудно вначале бить одной рукой, поворачивая ее кулаком вниз, а другую в это время дергать назад, разворачивая кулаком вверх. Но вы работаете, и однажды образ усваивается, и ваше движение пошло...

Вот так разум строит ваши боевые движения. И уже из этих примеров видно, почему тренеры кричат лучшим своим бойцам: думай! Думай в бою! Не лезь биться силой, не ломи!

Думай, значит, создавай такие образы, которые позволят выполнить прием, учитывая не только земное притяжение, но и противника. Но учитывая в точности так же, как при броске через спину. Просто дотачивая образ до совершенства через учет помех и

понимание их природы: попробовать сделать прием, увидеть помехи, назвать их, понять, и найти способ их преодоления. Вот что значит думать.

Но редкий тренер может это внятно объяснить. Даже тот, который сам думал в бою. Чаще всего думать мы учимся как бы помимо себя, случайно или побочно. И уж точно в мире нет ни одного учебного заведения, которое могло бы нам объяснить, что такое разум, и как он думает. Почему-то человечество не обращалось к этому предмету, будто бы исходило из того, что думать нам естественно, и учить тут нечему.

Думать нам действительно естественно, а вот учить можно и нужно.

Особенно если мы хотим наблюдать, как проявляем себя в движении. Ведь движение это окажется вовсе не тем, что видно при перемещении руки к вещи. В том, как рука тянется, чтобы схватить что-то, движение вообще почти невозможно рассмотреть. Почему?

А потому, что движение вырывалось из нас в чистом виде только тогда, когда мы не умели протягивать руку и хватать. Лишь когда мы пытались схватить луну, движение было с нами. Вот тогда был порыв. Но как только нам это удалось первый раз, мы поняли, что надо делать и создали образ. А потом следующий, следующий, следующий... И теперь, когда мы протягиваем руку, мы безусловно делаем движение, но вот видим только эти бесчисленные слои образов, которые управляют нашей рукой.

Так нарабатываются приемы, так перемещения наших тел становятся узнаваемыми. И мы с первого взгляда определяем по тому, как перемещается противник, кто он - боксер, каратист, самбист, борец... Мы глядим на тело, а видим образы, по которым оно перемещается. А где же движение?

Оно внутри и где-то давно в прошлом. До движения еще надо дойти. Но если до него дойти, станет возможным подняться над всеми стилями и школами. Не знаю, сделает ли это тебя непобедимым, но точно приблизит к познанию себя и своей истинной природы.

Впрочем, действительно хорошие бойцы выходят на эти уровни боя, как говорится, интуитивно. И каждый помнит такие мгновения, когда у него «катило», когда он видел намерения противника, читал его, опережал, будто стоячего, иногда даже видел будто в замедленном кино...

У меня бывало такое еще до встречи с любками, в уличных драках, и я такие состояния вспоминаю до сих пор, как лучшие мгновения моей жизни. Мазыки же объяснили мне, что это - выход за пределы разума, в состояние, которое называется Стих. Стих - это безобразное состояние сознания и ума. Душа проявляется в нем непосредственно, без искажений.

Глава 2. Стих

Стих - это стихийное или стихийальное состояние сознания. Можно сказать, состояние сознания как некой стихии. Конечно, сознания, как его понимали мазыки. А они понимали его и как способность осознавать, и как некую вещественную, как сейчас говорится, тонкоматериальную среду, разливаемую душой вокруг себя. Среду, которая обеспечивает выживание души в теле, и выживание тела на земле, поскольку именно она позволяет учиться, думать, решать задачи.

Правда, надо оговориться. Поскольку народ считал, что у человека две души - чувствующая и живая или животная, то предполагалось, что и сознание не однородно. Чувствующей душе принадлежит собственно сознание, а душе животной или телесной принадлежит пара.

Признаюсь честно, я пока еще с большим трудом понимаю разницу между ними и в работах не смогу всегда уверенно сказать, на что именно воздействую. Эту часть мазыцкого наследия надо еще исследовать. Но до такого исследования нам еще идти и идти, потому что не освоено слишком много того, что ему предшествует. Впрочем, мы идем, и дорога явно ведет нас и к этим исследованиям.

С точки зрения боевых искусств освоение стиха так же желательно, как и с точки зрения самопознания. Для самопознания умение выходить в стих - знак немалого пройденного пути... Для бойца - это возможность освоить бой на ином уровне, условно говоря, на том, о каком мы все когда-то мечтали, насмотревшись фильмов про таинственных китайских дедушек.

Но чтобы освоить такое, надо понять: к этому месту в себе, как и к подобному искусству нельзя прийти теми способами, что сделали вас успешными в прежнем мире. Человек, слепо верящий в силу своего кулака, так и останется костоломом, для которого просто нет иного искусства. Костоломство надо однажды преодолеть и оставить в прошлом. Иначе новый мир никогда не придет.

Кстати, нельзя и двигаться теми путями, что показали нам американские фильмы про китайцев. Как вы помните, в них некие таинственные дедушки-учителя принимают к себе ученика и обучают его так, что у него открываются сверхспособности. В итоге он возвращается в свой прежний мир и мстит всем своим обидчикам. Кстати, подобные фильмы так и называют "кинематограф мести".

Чем очаровывали подобные фильмы бойцов? Понятностью всего, что предлагалось. Мало кто сумел понять, что предлагалось, но все узнали и приняли. И знают теперь: хочешь раскрыть особые способности, надо только найти дедушку, и все получится. И ведь ищут. Но какого дедушку они ищут?

Именно такого, какого узнают по фильмам.

Что же за образ учителя и обучения поселен в наши души этими фильмами? Первое: чтобы принять бойца в обучение, дедушка должен убедиться, что у ученика есть желание и силы. Точнее даже, сверхжелание и сверхсилы, потому что обычного человеческого желания и обычной силы недостаточно. В сверхспособности перерабатывается именно то, что сверх обычного. Где их взять?

В некоем внешнем источнике - к примеру, в сильнейшей обиде, взывающей к мести. Вот жажда мести может быть тем материалом, из которого дедушка будет лепить бойца. Поэтому он сразу пытается новичка на предмет его готовности отречься от всей остальной жизни ради обучения. Обычно это показывают как то, что дедушка долго отказывается учить искателя, заставляя того упросить себя. На самом же деле он всего лишь убеждается, что решимость ученика действительно велика.

В каком-то смысле это и верно: нет решимости, нет настоящего желания, ничего не добьешься. И это узнается всеми бойцами, поскольку соответствует их спортивной жизни. Поэтому, если они ищут ученичества, они исходно ожидают подобной проверки. А поскольку бояться ее и знают, что уже не выдержат, то и не ищут ничего нового, если уж быть честными. А только болтают об этом. Сами же предпочитают сохранять свой уютный мирок, в котором они мастера, вечно мечтающие о том, чтобы снова стать учениками...

Как видите, что-то уже не так. Но это только смутное подозрение. До действительного понимания еще надо суметь добраться. И скрывается оно в совсем ином мировоззрении, из которого видно: весь этот путь - обман. Он возможен, теоретически... Но он ложен.

Объясню. Мечь - это, конечно, движитель. Но это цель, выстроенная на движении души восстановить справедливость в мире людей. А душа не принадлежит к миру людей. Все подобные цели для нее временные, случайные и вообще - проходные. Попасть в жажду мести для души означает попасть в ловушку, удерживающую ее в воплощении. Попросту говоря, добровольно отдать себя в ад.

Ад лежит в противоположной стороне от того мира, из которого приходят души. А те сверхспособности, о которых идет речь, совсем не способности тел! Они даже не сверхспособности. Это просто способности вашей души, и ее вовсе не надо насиловать, чтобы выбить их из нее. Она ими всегда обладает независимо от ваших усилий или обид. Мечь нужна затем, чтобы протащить эти способности вместе с душой как можно глубже в адские миры ваших обид...

Не нужно и такое обучение, как выстраивают кинематографические дедушки.

Не нужно по той простой причине, что крепость души не вскрывается штурмом тела. Хотите открыть в себе особые способности, задайтесь вопросом: чьи эти способности? Первый ответ, ответ человека не самопознания, - мои! Но ты - сложное явление. Сделай шаг дальше, спроси себя: а кому во мне они принадлежат? Телу, личности, душе?

И вы увидите, что ваша личность сможет использовать эти способности, тело будет наслаждаться, пребыванием в них, но принадлежать они могут только душе... Так что же вы направляете свои усилия не туда? А если вспомните дедушек, то однозначно увидите, что их обучение всегда направлено на укрепление тел и личностей.

Не надо штурмовать крепость души. Душа и так принадлежит вам, и крепость тоже ваша. Что же вы ее громите?! Немножко забылись и чуточку сошли с ума, штурмовать собственные крепости?

Надо просто успокоиться, посидеть в тишине, подумать, посозерцать. И вам откроется, что душевные способности вскрываются тогда, когда вы возвращаете соответственные кусочки своей от замороженной души. Опишите их и отогревайте. С теплом будет возвращаться душевное совершенство, а с ним и то, чем вы хотели поражать людей...

И тут вскрывается второй обман, которым очаровывали бойцов всего мира американские фильмы. Сверхсила и сверхобίδα не нужны, чтобы раскрывать те способности, которые считаются особенными. Это все от спешки, от желания перескочить через естественные ступени роста, которым болеет всё мировоззрение прогресса.

Все эти способности приходят естественно, просто потому, что душе пришло время их раскрывать.

И это не значит, что ничего не надо делать, или, что не нужно к ним стремиться. Стремиться можно и нужно, потому что они - показатель движения. Знаки пути. Если подобные способности раскрываются, значит, ты действительно движешься, и движешься верно. Да и в бою они могут пригодиться и спасут тебя.

Но стремиться к ним - не значит, насиловать себя и принуждать к тому, что не хочется. Стремиться можно, но путь иной, почему и не удастся находить сверхдедушек ищущим их бойцам. Разве что какой-то одаренный человек начинает этакого дедушку изображать, чтобы удовлетворить запросам желающих расстаться с деньгами.

Действительный путь гораздо мягче и гораздо яростнее.

Он идет через исследование и изучение себя. На нем ты просто убираешь помехи тому, что хочешь раскрыть, но убираешь их, не проламывая дыру в стене, за которой лежит твоя способность, а очищая саму крепость, в которой живешь. Ты просто убираешь помехи простой и естественной жизни в самом себе.

Способности приходят, когда ты начинаешь жить в согласии с самим собой и с миром, в который пришел. Почему?

Очень просто. Может быть, слишком просто.

В действительности, все эти сверхспособности - это лишь оружие из твоего собственного арсенала. И ты всегда им владеешь, но ослеп. И не можешь пользоваться, потому что не видишь. Чтобы способности вернулись, чтобы оружие снова оказалось в твоих руках, надо всего лишь его увидеть. Чем лучше твое видение, тем больше у тебя способностей и тем легче ты ими пользуешься.

А помехи, которые засоряют твою крепость, это помехи в твоём сознании, мешающие тебе видеть.

Вот почему так важно было научиться выходить в Стих, в то состояние сознания, которое предшествует и разуму, и мышлению, и сумасшествиям. Просто чистое, стихийное состояние сознания, в котором даже нет образов. То состояние, в котором: увидел - сделал...

Я не буду его расписывать. Вы можете посмотреть его вживе или в фильмах, посвященных Накату и Темной. Там оно ощущается. Можете попробовать сами. И надобность в словах отпадет.

Говорить надо о том, как его достичь и вернуть способность входить в него свободно и по собственному желанию. Хотя бы пробить крошечную дырку в той мути, что окружает нас, сделать эту дырку кусочком своей земли, и расширять, пока не очистишь все свое сознание.

Для этого не надо свирепых китайских дедушек, пропущенных через американскую мечту. Для этого достаточно просто понять себя.

Глава 3. Мышление

Лестница всегда начинается с самой дальней от цели ступени. И если в обычной жизни через нижнюю ступень можно перепрыгнуть, то в самопознании это бесполезно. Только привычный образ мысли говорит нам, что в таком случае она будет преодолена, и останется позади. В действительности это ловушка.

Вдумайтесь сами в то, что прозвучало в предыдущих строках: если перешагнуть через нижнюю, дальнюю, начальную ступень, то можно сразу заняться главным, потому что она

будет преодолена и останется позади. А если есть сила, то можно перешагнуть, перепрыгнуть сразу через несколько ступней и даже уцепиться и подтянуться еще выше, сразу отбросив множество шагов подготовительной работы...

Где позади? Когда вы говорите: если перешагнуть нижнюю ступень лестницы, и сразу перейти к главному, вы говорите о жизни, о мастерстве, о деле, о самопознании, но при этом продолжаете использовать метафору лестницы, то есть образ обычной лестницы, для того, чтобы сделать понятной свою мысль о движении по ступеням мастерства или внутреннего развития. Даже не говоря слово «лестница», мы все равно видим именно ее, как то понятие, что используем. Именно оно лежит в основе нашего мышления, когда мы говорим о «ступенях развития или движения», об «уровнях», «разрядах», пьедестале почета, чемпионстве, вхождении в сборную, приглашении на сборы и вообще о любом прогрессе.

В основе всей европейской теории прогресса лежит понятие о лестнице на Небеса, в сущности, двойной - вверх и вниз. Вниз ведет библейская лестница Иакова, по которой ангелы небесные спускаются на землю. Вверх - рукотворная Вавилонская башня, столп, по которому люди хотели подняться до небес и низвергнуть оттуда богов...

Прогресс - это вавилонская башня, всегда завершающаяся крахом, потому что построена людьми, чтобы подчинить себе природу. Видим мы ее как огромную каменную лестницу, свернутую спиралью. Поднимаясь по ней можно скакать через ступеньку или даже две, спускаться приходится кубарем, и потому пересчитывать все... Но это рукотворная лестница, и потому очень обычная.

Лестница Иакова нерукотворна, дорога ангелов явно совсем иная, и все же мы можем ее видеть и говорить только как о лестнице, которую опускают с Небес... На это надо обратить особое внимание: даже когда мы хотим сказать о том, что совсем не является лестницей, а всего лишь позволяет двигаться из одного места в другое, нам нечем это выразить, кроме образа лестницы.

Почему и что это значит для нас? Лестница - это очень простое орудие. Каждый видел, знает и может ее использовать. И использует множество раз на дню. Лестница - это настолько привычно, что мы даже пытаемся думать с её помощью... Как она так пробралась в наше сознание? Как она захватила наши тугие и неподатливые умы, которые не так уж охотно осваивают новое и сложное? Своей простотой?

Лестница настолько непроста, что её появление в жизни человека можно считать чудом. Лестница - это орудие борьбы с бесконечностью и безмерностью, это способ войти дважды в один и тот же исток, она так же невозможна, как остановленное мгновение или естественная наука, но она есть! Лестницу внесли в наше сознание каким-то чудом.

Как это объяснить? Вспомните древний пример, описывающий чудесность пространства и невозможность движения, как это считает философия - апории Зенона. Например ту, что Ахиллес не догонит черепаху.

Перед Ахиллесом, как и перед всяким спортсменом, стоит самая обычная задача: начать бег в точке С - старт и завершить его в точке Ф - финиш, пробежав расстояние в 100 стадий или любых других мер. Тем самым он должен преодолеть соответствующее этому расстоянию пространство. По условиям задачи одновременно с ним это же пространство преодолевает черепаха, которая начинает бег раньше и успевает пройти часть пути. Ахиллес - самый быстрый бегун Эллады. Он бежит в 5-10-20-100 раз быстрее черепахи. Но философ утверждает, что он никогда её не обгонит. Почему?

Потому что черепаха уже впереди. Совершенно все равно, насколько. Допустим она уже проползла 90 стадий, Ахиллес, бегущий в 10 раз быстрее её, пройдет эти 90 стадий, но черепаха успеет проползти на 1 стадию вперед, Ахиллес мгновенно преодолеет её, но черепаха окажется впереди на 1 десятую стадии. И так бесконечно.

Что породило эту странную задачу про бесконечность? Возможность совершить чудо - поверить алгеброй гармонию и превратить хаос в порядок. Попросту говоря, наложить на бесконечный поток меру, разбить нечто, не поддающееся ни измерению, ни описанию, сетку из наших представлений о том, как нам удобней жить. Делается это просто: ты встаешь в начале пути и называешь это место точкой, а потом посылаешь другого себя, чтобы он встал в том месте, куда ты хочешь прийти, и называешь это место тоже точкой, точкой выхода или завершения пути. А потом разбиваешь этот путь на какие-то равные отрезки, скажем шаги...

И вот перед тобой отрезок пути равный ста шага, ста стадиям, ста мерам...

Нет пути, нет сетки, меры, отрезков, есть поток неведомого, на берегу которого ты стоял, считая, что пометил это место точкой. Точки тоже не было, потому что она тут же исчезла, размытая бесконечным движением, да её и поставить-то было не на что...

Но ты удерживал её в своем воображении и нырнул, послал в плавание второго себя, и им выпрыгнул в каком-то ином месте этой безмерности, и утвердил себя там... И это было чудом. А после этого ты протянулся навстречу самому себе тонкими нитями воображаемых нитей, и нарисовал в своем сознании линии, похожие на лестницу из 100 шагов. И впечатал её в эту движущуюся безмерность. И из пространства родилось расстояние. А внутри него стало возможно двигаться не в потоке, а по ступеням и это было второе чудо.

А потом человек взял два куска вещества, из того, что назвал деревом, положил их вдоль звенящих от напряжения, как тетива нитей, впечатанных им в пространство, и стал прибавать к ним поперечины из того же дерева. И так родилось орудие, для преодоления непреодолимого. Теперь воображаемое расстояние овеществилось и стало орудием покорения пространства. Теперь его можно было приставить к любой желанной точке, и так соединить два куска безмерности расстоянием.

Ахиллес, способный свободно играть в безмерности стал достижим для черепахи, если его удавалось загнать в рамки этого воображаемого орудия покорения природы. Черепахи сильнее Ахиллесов в том мире, в котором существуют лестницы, потому что в лестницах их сила, сила, пролитая в мир, сила, проложившая мосточки над невероятным и потому позволяющая нам не тонуть в безмерности.

Сила эта воплощена в строгие, жестко закрепленные связки из образов, имеющих точную мерность. Называются эти цепи образов образцами, пока они в сознании и лестницами или науками, когда вовне.

Но фокус в том, что когда мы пытаемся говорить о сложном, мы произвольно опираемся на образ деревянной лестницы, в которой нам все понятно, а не на понятие, лежащее под ней. А под ней то, в чем движется Ахиллес, стихия, которая не имеет меры.

В итоге, когда мы собираемся преодолеть нижние ступени, мы предполагаем, что то, через что мы перепрыгнем, привязано к ним. А оно - единое целое с тем, к чем мы перепрыгнем.

Пропусту говоря, если ты пропускаешь первую ступень, и сразу переходишь ко второй или третьей, она просто становится вдвое или втрое тяжелей, потому что содержит в себе все предыдущие...

Да и сами вы можете увидеть: пропустить нечто, чтобы оно осталось позади можно, когда лестница вне себя. Но как оставить позади то, что внутри? Позади чего останется пропущенная тобой часть тебя?

Самопознание - это не лестница, бегущая в небо, оно, скорее схоже с корзиной с ягодами, на дне которой наливное яблочко. Уж хочешь ли ты есть ягоды, или предпочтешь их высыпать, но идти придется последовательно.

Поэтому начинать надо с того, что дальше всего от цели, от Я. А дальше всего - эта самая пена из образцов, называемая мышлением. Именно с её помощью разум покорил хаос этого мира, и так обрел себя на вечную ловушку в тюрьме воплощения.

Глава 4. Мастерство

Вот теперь появляется возможность поговорить о том, как достигается мастерство вообще и в боевых искусствах в частности, так сказать, о самой природе мастерства.

Для боевых искусств обычное понимание таково: мастер - это тот, кто может побеждать других. Вопрос: за счет чего? - в сущности, не задается. Точнее, он присутствует лишь скрыто, потому что перекрывается готовым ответом. Ответ же этот обладает силой очевидности: надо делать так, как делают победители, которых ты видел. Этому же учат и тренеры.

Верный ли это подход? Конечно. Чтобы побеждать противников, их нужно знать, нужно изучать их сильные стороны. Но это нужно тем, кто выходит на соответствующий уровень мастерства. Начинающим закладывают основы в виде, условно говоря, «азов школы». Что это такое?

Это отдельные приемы, соединяющиеся в боевые связки всё большей сложности. И так, пока уровень твоей сложности в бою не станет таким, что ни один противник не сможет тебя «прочитать», то есть понять, как ты ведёшь бой.

В сущности, это все искусство хитрости, позволяющей обыгрывать других. И это все верно, как понимание мастерства, но поверхностно. Поверхностно именно потому, что направлено наружу, на других, и не идет вглубь тебя, не занято тобой. Мастерство бойца есть искусство укутывания себя во множественные слои хитросплетенных образов, из-за чего оно становится непреодолимой ловушкой для Я.

Не могу сказать, что другие подходы будут успешней, и что они позволят легче побеждать, возможно, как раз побеждать-то и станет трудней. Но пока мне важно лишь то, что другие пути возможны. По крайней мере, один путь. И это не путь победителя.

Это путь самопознания. Для бойцов могу сказать в оправдание этого пути одно: даже если он не облегчит ваши победы, он никак и не отменяет прежнего пути к мастерству через хитрость. Скорее, наоборот. Начав чуточку лучше понимать себя, вы будете лучше понимать и человека вообще, а значит, и противника в частности.

Впрочем, возможно, что самопознанием вы всё испортите себе, потому что пропадет само желание побеждать... Но это уже никак не признак потери мастерства.

Итак, путь к мастерству описан и пройден множеством мастеров, и поэтому он есть путь подражания. Его обучающая суть в предписании: делай, как я.

Но путь к мастерству лежит и через другие двери - за ними возможность увидеть, понять и подумать. Увидеть истинную природу себя, противников и мастерства, и овладеть ею. Почему этим путем не идут? Только потому, что путь подражания проще, как кажется.

В действительности, это далеко не так. Мастер, по которому ты делаешь жизнь, мог обладать таким телом, личностью и способностями, что ему было легко делать то, что позволяло побеждать. Ты же подражаешь, то есть пытаешься повторить его с твоими возможностями, и это может потребовать колоссального труда. И все же так проще. Потому что не требует думать...

По своему опыту могу сказать: самые красивые вещи в Любках получались у меня тогда, когда я прекращал тренироваться, переставал преподавать, садился за книги и думал об устройстве мира, жизни и себе...

После этого получались удивительные вещи, такие, каких я никогда бы не смог достичь, идя путем тренировок и усилий.

Думать, все-таки надо, потому что это сокращает путь к победе.

Но что мы увидим, если задумаемся про природу мастерства?

Первое и очевидное, что «мастерство» есть понятие, с помощью которого мы понимаем множество разных и одновременно сходных явлений. Иначе говоря, мастерство - это обобщающее имя для множества «мастерств», соответствующих разным делам. Это значит, что мастерства можно достичь в любом деле, а дел может быть бесконечно много.

Значит, и мастерств тоже бесконечно много, но имя «мастерство» выделяет в них нечто общее и дает ему имя. Поэтому мы можем считать, что слово «мастерство» означает некую суть присутствующую в разных мастерствах, которые назовем видами мастерства. Если появляется понятие «вид», значит, речь пошла о чем-то скрытом, что лишь показывает себя, являет, делает видимым, оставаясь скрытым. Это есть признак обобщающего понятия.

Обобщающие понятие - это образы, имеющие особое устройство, а самое главное, созданные из более легкого сознания, чем обычные образы. В силу этого понятия всплывают над образами, а обобщающие понятия над понятиями. Но тонкое правит грубым, а легкое тяжелым. Вот беда! Нас учили обратному, и все естественнонаучное мировоззрение убеждает: бетон, камень, железо тяжелее мысли и ей не подвластны! Разве неподвластны? Разве это не очевидность, что мысль двигает горами из бетона и стали?

Вот так же и легкие образы управляют тяжелыми. Вы говорите имя и множество образов откликаются на него. Вы говорите: стакан, - и множество образов стаканов, которые вы видели за свою жизнь, подпрыгивают и звякают в готовности служить. Вы говорите: друг, - и лица друзей выстраиваются в ряд, чтобы напомнить о вашей жизни, о долгах, о битвах, где вместе сражались вы. Вы говорите: измена, и не только воспоминания болезненных измен всплывают в памяти, но и сами эти состояния обрушиваются на вас, мешая телу дышать легко и свободно...

Разум решает задачи нашего выживания с помощью образов. Для этого он думает, но думает он понятиями, потому что понимание достигается только с их помощью. Когда мы говорим: виды мастерства, мы говорим о тех способах, какими эта странная вещь

являет нам себя в разных делах. Но чтобы научиться мастерству, а не этим делам, надо достичь понимания, надо понять, то есть создать себе ясное и четкое понятие о мастерстве.

Понятия создаются разумом, разум умеет только думать, значит понятия создаются думанием. Одно из средств думания - рассуждение. Попробуем порассуждать о мастерстве. Что это такое?

Очевидно, что мастерство - это некая человеческая способность, а именно способность делать что-то лучше других. Откуда мы это знаем? Из жизненного опыта: про того, кто делает что-то лучше других, говорят, что он мастер. И это повторяется из разу в раз. То, что повторяется, вызывает ощущение закономерности, а значит, истинности. Но тут может скрываться ловушка. Судите сами: если я сто раз перегибаю проволоку, и она не ломается, может сложиться ощущение, что она вечная и перегибание её не ломает. Но на сто первый раз она сломается. Значит, длительный ряд повторений не означает закона, он лишь живучая случайность.

Вот и то, что лучшего называют мастером выглядит законом, но нет ли из него исключений? И да, и нет. С одной стороны, на уровне языка люди всегда лучшего будут называть мастером. Но при этом мы точно знаем, что сам он может сказать про себя: какой я мастер! Вот такой-то был мастер! Я ему в подметки не гожусь...

Что же выходит? Что понятие «мастерство» предполагает две части: оценку людей и нечто за этим. А именно действительное владение делом. А ведь любое дело можно понять до такой степени, чтобы действительно мочь сделать все, что возможно в этом деле, и сделать так, чтобы ни в одном из твоих действий не было ни ошибки, ни погрешности.

Овладев делом до такой степени, ты можешь и не стать мастером, поскольку это звание дают люди, оценивая тебя. Это возможно, если некому оценить. Единственный в племени, умеющий читать вслух, никогда не будет оценен как мастер, потому что его не с кем сравнивать. Племя скажет про него просто: еще у нас есть такой, который читает.

Но если есть кому оценивать, умеющего делать дело в совершенстве однажды обязательно объявят мастером. Это умение - суть и основа мастерства. Оценки же, по сравнению с другими есть лишь способы использовать это понятие для целей общества. Но что же такое умение делать дело в совершенстве? Если вы вдумаетесь - это вовсе не умение ковать, ткать или сражаться. Оно не имеет никакого отношения к железу, молоткам, нитям или мечам. Совсем никакого!

Оно относится только к образам, только к понятиям и пониманию того, как использовать эти тряпки, железяки или отношения между людьми.

Мастерство - это действительное понимание. Но не понимание вещи или мира, а понимание того, как с ними обращаться и как их использовать. Мастерство - это наличие образов действий, целостно вписанных в образ мира или дела, которым ты живешь. И мастерство в боевых искусствах - это понимание, всего лишь действительное понимание того, что и как надо сделать, чтобы победить противника.

Но кто твой противник? Он человек, он личность, он тело, и он душа. Если вы не поймете этого, вы сможете побеждать, ведь и кирпич убивает, сорвавшись с крыши, но мастерами вам не стать.

Глава 5. Понятие движения

Освоение любого другого дела, но особенно боевых искусств, позволяет очень глубоко заглянуть в себя. Особенно, если дойти в этом до мастерства.

Мастерство для человека самопознания - не самоцель, но прекрасное средство погружения в собственные глубины. Думаю, из предыдущих глав уже ясно, какого рода это погружение, и какие ступени удастся преодолеть с его помощью. Боевые искусства, в частности, Любки, позволяют пройти от мышления, через разум и тело до стихийного состояния сознания. И мышление, и разум воплощены в разные «тела», составленные из образов, но задача пройти за них, чтобы открылось видение.

Видение - вот то орудие, что поведет нас дальше, в стихе существует лишь оно. Но чтобы к нему дойти, надо освоить первую ступень самопознания, которая ведется с помощью понимания, то есть разума. Поэтому, пока мы познаем себя как мышление и разум, мы изучаем не действительный мир, а собственные понятия о нем. Так же мы поступим и с движением. Именно оно открывается нам в боевых искусствах, а через себя показывает душу. Мы начнем с понятия о движении.

Что такое понятие? Все знают: это то, с помощью чего мы знаем что-то или о чем-то. Нет понятия - и ты не имеешь даже представления о вещи или явлении. Чтобы освоить движение, надо понять его, надо обрести понятие движения. Это абсолютно верно, и это абсолютная ловушка. Вдумайтесь. А лучше всмотритесь.

Понятие - это всего лишь образ созданный нашим разумом. Это всего лишь лестница, которую перекинули через неведомое. Вот только что было нечто стремительное и неуловимое, для чего мы придумали имя Движение. Раз имя придумано, значит, в действительности нет никакого движения, потому что слово "движение" лишь имя, а вещь не может быть равна своему имени. Имя обозначает нечто, но именно в силу своей способности быть знаком, оно никак не может соответствовать вещи, оно может лишь указывать на неё. И значит, то, что мы называем движением, не есть движение, потому что "движение" - не больше, чем восемь букв и примерно столько же звуков. Мы могли бы назвать его как угодно, скажем movement, Bewegung. Movement и Bewegung не есть движение, даже если они обозначают одинаковое нечто. Следовательно, нет никакого movement, и нет никакого движения, и есть нечто, которое мы можем называть по-разному хоть до посинения.

Оно за именем, и оно за понятием о себе. Понятие во мне, вещь снаружи, они не могут быть едины. Вещь никогда не соответствует понятию, понятие не передает вещи. Оно позволяет нам понимать, о чем идет речь, в сущности, подсказывает, куда глядеть. Но при этом именно это, на что надо глядеть, понятие и закрывает от нас. Мы глядим туда, куда указывает понятие, и видим лишь его, потому что для того, чтобы понять, что мы видим именно то, о чем говорим, его надо узнать. А узнать мы можем только одним способом - накинуть на вещь узнавание, то есть имеющийся у нас образ этой вещи.

В итоге, мы глядим на вещь лишь миг, затем мы рассматриваем её сквозь образ, а значит, видим его...

Чтобы понять движение надо суметь пройти за понятие о движении. А откуда мы знаем, что есть движение? Из жизненного опыта. Мы договорились некие узнаваемые явления называть движением. И теперь, когда обнаруживаем признаки, соответствующие нашему понятию о движении, мы узнаем, что перед нами движение.

Но каковы эти признаки?

Главный, если не единственный из них - вещь перемещается в пространстве. Вот поэтому мы и судим, решая, что в наличии есть движение. Но где оно? Разве движение скрывается внутри перемещения?

Нет, перемещение вполне самостоятельно, это самостоятельное явление, лишь сопутствующее движению. Почему я могу это утверждать? Да потому что, если вспомнить физику, предмет физической вселенной не может начать самостоятельного движения. Он либо будет бесконечно пребывать в покое, либо его нужно вывести из покоя внешним воздействием, толчком. Но это значит, что в самом предмете движения не было, оно не было ему свойственно. А если оно не свойственно ему, то его нет и когда покой утерян.

Движение могло быть в том, что вывело предмет из покоя, и оно могло передаться предмету после воздействия. Однако, после воздействия предметы лишь перемещаются строго в соответствии с законами механики из точки покоя в точку покоя. Изменить скорость или направление этого перемещения они не могут, что свидетельствует, что в них нет собственного источника движения.

Это всё становится очевидно при сравнении с живыми существами. Одушевленные существа с очевидностью обладают источниками движения. Они могут его начинать, менять и прекращать. На то они и одушевленные. Иначе говоря, этим источником в человеке является душа, которая и отличает его от предметов ньютоновской механической вселенной.

Но как увидеть движение в себе самом? Оно тоже не на поверхности. На поверхности тело, которое, если убрать душу, есть лишь вещь, предмет. И значит, предметом является каждая его часть. Поэтому, если приглядеться к собственным движениям, можно увидеть, что тело совершает множественные перемещения. Поведите рукой. Сначала вам покажется, что рука движется, но скоро вы поймете, что это перемещается вещь-рука. Пошевелите ногой, и увидите тоже самое. Даже когда вы пойдете, это будет всего лишь перемещение вещи-тела.

Движение было где-то раньше, там, где вещь получила толчок, пустивший её в

перемещение сквозь пространство. Чтобы его рассмотреть, надо вспомнить выражение: родилось движение.

Движение рождается где-то в глубине меня. Родившись, оно бурлит и клокочет, пока я не создам образ, по которому хочу пустить свое тело в перемещение. Но как только он создан, движение выплескивается из его источника и толкает тело, тело перемещается по образу до тех пор, пока не исчерпается. Не исчерпается что? Отнюдь не движение. Его уже нет. Пока не исчерпается образ. Тогда нужно создать новый, и сделать еще один выплеск движения, который и даст новый толчок вещи. Если толчки будут частыми, а образы малыми, перемещения станут точней. Внешне такой человек будет казаться мастером движения. У него будут учиться.

Но, даже считаясь мастером, он не будет хозяином собственному движению. За него кто-то будет управлять им. Кто-то в нем, кто-то, кого не найти без самопознания.

Как увидеть движение? Надо научиться получать наслаждение от того, что не выпускаешь его. Лучшим упражнением является русская пляска, когда от звучания песни и ударов ног, что-то вдруг начинает гулять и играть в теле, и ноги, как это называется, рвутся в пляс.

Вот именно такое состояние и надо поймать своим созерцанием, и не выпускать его из себя, пока не станет уж совсем немоготу. Именно на овладении им строились чародейские приемы вроде гусель-самогудов. С их помощью движение отрывается от одного человека и передается другому. В определенной мере этим чародейством владеют все. Но чтобы сделать его по-настоящему, надо стать хозяином собственному движению. И начать надо с того, чтобы научиться его видеть.

Глава 6. Устойчивость

Через движение можно познать собственную душу. Но чтобы понять движение, начать надо с того основания, без которого вообще нельзя было бы понять, что оно существует. В бесконечно текучем мире невозможно осознать, что все находится в движении, просто потому, что не с чем сравнить, ведь ничего иного и не существует. Это как с воздухом, который мы замечаем лишь тогда, когда его не хватает.

Конечно, наблюдательный человек мог бы заметить движение и по каким-то косвенным признакам, но начать лучше с самого простого и очевидного. С нашей способности стоять.

Все течет, все изменяется, все вокруг - лишь сетка узнавания, брошенная нашим разумом на клубящееся нечто, текущее в бесконечность. И посреди этого моря изменений человек вдруг обнаруживает себя стоящим...

Как это возможно? Что это за чудо такое - человек, способный утвердить себя посреди безтвердия?!

У меня нет определенных и однозначных ответов. Я всего лишь познаю себя и исследую, исходя из подсказок, что давали мазыки. Когда-то я безоговорочно верил им, сейчас хочу видеть и понимать. Даже если их учение было верным, я не могу быть уверен, что понял их, а не узнал что-то свое. Поэтому я буду думать, смотреть и рассуждать. Хорошо бы уже иметь некую исходную теорию, позволяющую рассуждать верно, но я не могу создать ее до того, как наберу необходимый объем наблюдений над действительностью и опишу достаточно большую часть мира, относящуюся к моему собственному устройству. Таким образом, именно в этом исследовании я собираю исходный материал для создания теории прикладной культурно-исторической психологии.

Итак, я умею двигаться. Это чудо. Но я умею стоять, я могу не просто останавливаться в пространстве, но и быть устойчивым. И это не меньшее чудо. Ни один "объект механической вселенной" не может быть устойчивым. У него есть масса инерции, но даже крошечное воздействие извне перемещает его. Пусть чуть-чуть, но неизбежно. Я же могу выдерживать очень большие воздействия, и оставаться на месте, гася их.

Как возможна устойчивость?

Не думаю, что многие из бойцов задумывались над этим, но при этом все они не только умом, но и самим телом знают, как она важна. Этим люди боевых искусств отличаются от остального человечества - их частенько считают не очень далекими, даже туповатыми,

поскольку они плохо осваивают сложные понятия, вроде научных или культурных. Но при этом они в своем развитии доходят до того, что недоступно сложным людям современной цивилизации. Они доходят до простого, а в силу этого философского.

Боец, как и ребенок - не человек культуры или технологии, он - философ. Даже если с трудом может сложить пару слов о философии. Он философ-прикладник. То, что он осваивает - так трудно и так велико, что он вынужден отдать его пониманию все силы своей души, для чего отымает их у других способностей. В итоге многое проходит мимо. Но если в боевом искусстве удастся достичь мастерства, прорвавшись сквозь начальные сложности, все наверстывается, поскольку обретается понимание мира большей глубины, чем доступно обычному человеку, то есть человеку, идущему обычными путями, созданными для него обществом.

Возрастная и детская психология внушает нам, что ребенок начинает с освоения самых простых понятий, которые постепенно складываются у него в сложные и все более сложные, которые однажды путем такого усложнения превращаются в философские категории. Детские психологи, похоже, никогда не наблюдали за детьми, о которых пишут. А если и наблюдали, то строго по методикам, созданным их незрячими предшественниками.

Дети начинают свое развитие с освоения самых сложных понятий, вроде плотности, движения, пространства, света... Затем они осваивают телесность вообще и тело, как орудие выживания на Земле. А потом они учатся превращать себя в существа, принадлежащие разным мирам, к примеру, людскому обществу или сообществам зверей. Не думаю, что кто-то из профессиональных философов в состоянии объяснить значение этого упражнения по превращению себя в существо определенного мира. Факт таков: всегда происходит превращение, но зачем, как, почему?

Профессиональные философы современности просто не в состоянии рассмотреть за этим движение духа, потому что они даже не заметили, как предали философию и сделали ее служанкой естествознания, когда-то выделившегося из философии. А естествознание утверждает: превращение человека в человека - "естественный процесс", вроде биологического вызревания организма. Человек - существо общественное, следовательно, ему и свойственно превращаться не просто во взрослую особь, а именно в члена общества... Дух же - понятие идеалистическое, значит, не то, чтобы отсутствующее или неверное, но нежелательное и даже запретное для приличных людей!

Однако все люди воинских искусств живут ради обретения ратного духа, все они постоянно заняты воспитанием своего духа, он смысл их жизни, а при этом его нет... И нет его лишь потому, что кто-то решил его запретить и изгнать из нашей жизни!

Естественная наука отбросила слишком много важных философских вопросов. В итоге люди, вынужденные выживать в естественнонаучном обществе, теряют возможность говорить о том, что выходит за рамки дозволенного. И если они при этом заняты чем-то, вроде движения, устойчивости, ударов, взаимодействий, то выглядят неспособными связать двух слов, а остальные, кто предпочел подчиниться обществу, смеются над ними.

Однако отсутствие языка для описаний не означает отсутствие понятий и уж тем более видения. Я ощущаю себя именно таким уродом, которого общество, решив двигаться дорогой в ад цивилизации, лишило даже языка для рассуждения о том, что меня занимает. Я мычу, шевелю губами и пальцами, и не могу высказать то, что вижу. Но я не сдамся, и попытаюсь описать мир таким, как он открывается человеку, познающему себя через воинские искусства. В частности, через способность стоять на своих ногах, через устойчивость.

Пойду просто, как вижу. В бою устойчивость проявляется в нескольких видах. В борьбе она позволяет не попадаться на броски, в рукопашной - не падать от ударов. Но еще важнее устойчивость при перемещениях: переместился - утвердил себя, сделал боевое действие, опять переместился...

Пожалуй, я могу выделить три вида устойчивости: при перемещении я утверждаю себя, при ударе, когда я удерживаю себя от падения, и в броске, когда меня тянут или толкают. Это разные виды воздействий, а значит, я по-разному проявляю устойчивость. Но ими не исчерпываются все возможности для исследования устойчивости. Когда меня отрывают от земли при броске, а я не даюсь, - это уже не устойчивость, а нечто иное. Скорее, способность воздействовать на противника, выводя из устойчивости его.

Следовательно, я вижу устойчивость не только в себе, но и в другом.

Кстати, как и тогда, когда поддерживаю кого-то - просто так или в пляске.

Что же я при этом такое вижу, что заставляет меня почти непроизвольно бросаться, подхватывая себя, либо другого? Очевиден ответ: тело. Я вижу, как падает тело. Ответ этот не просто очевиден, он излишне очевиден. И я бы не смог преодолеть этой очевидности, если бы однажды мой учитель любков Поханя не сказал мне, что я не умею стоять на ногах.

Это было, кажется, в мой первый или второй день в гостях у него. Я знал, что пришел к мастеру боевых искусств, но не верил, что русский деревенский дед может действительно знать что-то такое, что меня удивит. И я держал себя с внутренним самоуважением - все-таки за мной были бокс, самбо и карате!

- Ты меня не поймешь, - вдруг сказал он. - Ты на ногах не стоишь. У тебя устойчивости нет...

- Как нет устойчивости?! - внутренне возмутился я - меня ни разу не сбили с ног ударом за все мои драки. И вообще в драках я побывал на земле только три раза, когда меня просто сваливали толпой, вцепившись в руки и ноги.

Но он предложил мне:

- Вот, давай поборемся. Встань крепенько, как если бы боролся.

Я встал, он протянул руки, как будто бы мы сцепились в захвате за руки, и подергал меня взад-вперед. Я стоял крепко и был вполне уверен в себе. А потом он сказал:

- А вот теперь смотри... - и неуловимым движением освободив свои руки, подхватил меня указательными пальцами под кисти возле запястий. В первый миг я думал, что сейчас перехвачу захват, но вдруг почувствовал, что цепляюсь за его пальцы своими кистями, точно крюками... У меня по телу прошла оторопь, точно внутренняя вспышка: это было невозможно! Невозможно, но я висел на его пальцах и не мог оторваться.

В следующие мгновения до меня начало доходить, что я очень плохо стою.

- Давай, давай, встань покрепче, - тут же подхватил он мою мысль.

Каким-то непонятным мне самому способом я все-таки восстановил жесткость моей стойки. Только руки почему-то по-прежнему цеплялись за его пальцы, и я никак не мог высвободить их, чтобы вцепиться в его руки своими. Так и висел на кистях как на крюках.

- Стоишь? - спросил он. - Крепко стоишь? Тогда смотри.

И начал мягко двигать пальцами то в одну сторону, то в другую. И я забегал...

Я бегал за его пальцами, семеня ногами, будто воздушный шарик, за которым волочатся мокрые ленты, липнущие к полу... Иногда я резко присаживался, чтобы уцепиться за пол, тогда Поханя делал круговое движение пальцами, и я бежал в другую сторону. А иной раз он мне улыбался, велел сопротивляться как можно сильнее... и сдвигал меня прямо против моего усилия, будто не было моего веса и напряжения мышц...

- У тебя корешков нет, у тебя одни опоры... - сказал он и убрал пальцы.

И я остался один на один с плывущими под моими ногами облаками, похожими на крашенный пол деревенской избы...

Не знаю, сколько я так простоял, восстанавливая себя, помню только, что постепенно пол перестал подо мной плавать и стал управляемым. И помню, что мне этого не хотелось, потому что пока он плавал, был я, собранный Поханей в одинокую цельность посреди неведомого... А потом мир всосал меня в себя, и остались только тоска и жажда самопознания.

Глава 7. Упругость

За счет чего мне удастся сохранять устойчивость? Вероятно, причин много. Возможно, их можно назвать моими способностями. Способностями чего? Кажется, что тела. Ведь я вижу тело, вижу, как оно стоит, вижу, как падает. Но если вдуматься, тело вообще не может стоять...

Без сознания тело - не более, чем мешок с жидкостью, которое не складывается комком только потому, что ему мешают кости. Это значит, что стоим мы вовсе не из-за телесной способности стоять. Да и чего тут говорить, просто стоит вспомнить маленьких детей и становится понятно, что стоит не тело. Стоит, да еще и держит тело стоящим, нечто, что я воспитываю в себе годами усилий и упражнений. Наверное, некий образ.

Что позволяет ребенку однажды встать и удержать себя на хлипких опорах его

суставов? Неимоверное усилие овладеть этим сложнейшим орудием выживания на земле, порыв, устремленность вверх. Если вдуматься, то стоим мы исключительно на одной охоте летать. Не стоять же! Стоять - это немножко летать, насколько позволяет само тело. И если для тела это все то же стояние, то для того, что несет в себе охоту, порыв и движение, это полет внутри мешка по имени тело.

Душа парит в теле над землей. Для этого она обучает его совершать многочисленные движения и усилия, позволяющие ему извиваться вверх. И вот тело вьется и колыхается, словно водоросль, удерживаемая душевным порывом и бесконечно сложными образами, приводящими все телесные составы во взаимодействие. Иногда мне кажется, что ноги - это не опоры, позволяющие стоять, а якоря, не дающие оторваться и полететь. Они цепляются за землю, тем самым удерживая и мировоззрение, позволяющие жить и решать задачи земного воплощения...

Нарисованная мною картина, скорее всего, неверна. Но она дает возможность взглянуть на устойчивость с иной точки зрения. И главное здесь - понять, что устойчивость - это чудо!

Мазыки научили меня видеть человека чем-то вроде пузыря на тонких отростках, завершающихся пушистыми кисточками. Этими кисточками он и держится за землю. Именно про них Поханя и сказал, что у меня нет корешков, а есть только опоры. Когда начинаешь видеть человека таким, становится возможно сдвигать его пальцами, потому что при этом испытываешь удивление не от собственной силы, а от того, что ЭТО вообще может хоть как-то цепляться за землю. К тому же, оно цепляется и не за землю...

Цепляемся мы за то, что течет и изменяется под нашими ногами. А это значит, что цепляться-то и вообще невозможно. Так как же мы можем стоять? Тем более, выдерживать толчки, давления, удары?

Как это ни странно, но эта мыслящая водоросль умеет пускать корни и быть упругой. Вот за счет упругости мы и удерживаемся в потоке, который стремится смыть всю грязь с лица земли. Мы постоянно движемся под его воздействием, уклоняясь от давления тока жизни. Если вы приглядитесь, то начнете замечать эти бесчисленные движения в самом неподвижном человеке. Таким образом мы преодолеваем давление, пытающееся обрушить нас на землю. И так же мы сопротивляемся любым боковым давлениям.

Без упругости мы бы вообще не могли бы ни стоять, ни ходить. Упругость - это основа, одна из основ нашего существования на Земле. И опять возникает вопрос: что упруго? С очевидностью отвечается: тело. И это тем очевидней, что мы прекрасно различаем упругие и рыхлые тела. Тело безусловно несет в себе упругость... но оно ли упруго?

Почему не является упругим тело ребенка? Почему упругость обретается по мере взросления? Похоже, и упругость относится не к телу, а к образам, которыми мы заставляем свое тело действовать в ответ на давление тока жизни.

Если это так, то упругость - тоже свойство души? Это странно, и не вяжется с нашими представлениями о душе. И хочется сказать, что упругость - не свойство души, а ее пожелание. Она вкладывает охоту в то, чтобы научить тело быть упругим. Ей это нужно, чтобы тело обучилось выживать на планете, и она его обучает.

Иными словами, душа лишь видит упругость, для тела же ее созерцание становится приобретенным свойством. Тонкое правит грубым, а образы воплощаются в вещество, наполняясь телью...

Возникает вопрос: можно ли в таком случае воспитывать в себе упругость? И нужно ли это?

Любой боец однозначно скажет: чем выше устойчивость и упругость - тем лучше. Но для чего? Кажется, для того, чтобы побеждать других. Вот такая ловушка ума.

Но зачем побеждать других? Для бойца, чаще всего, это вопрос без ответа, это само собой разумеется, потому что он создавал себя как машину для побед. Так ему кажется. Но вот победы свершились или стали невозможны, что тогда? Тогда жизнь разрушена, и можно спиваться...

Но есть другой взгляд на вещи, любобшный: не упругость и устойчивость нужны для побед, а победы для того, чтобы проверить, насколько ты освоил эти душевные способности. Победы преходящи, а вот способность обучать тело, воспитывать его и

взрачивать так, как задумал, останется с твоей душой навсегда. И в следующем воплощении ты уже не будешь так стремиться к победам, потому что они потеряют смысл, поскольку ты научился быть естественно упругим и устойчивым. И ты посвятишь жизнь чему-нибудь еще, в чем твоя душа еще несовершенна.

Если взглянуть с этой точки зрения, то становится ясно, что упругостью надо заниматься. Хотя бы затем, чтобы понять собственную душу. Но как можно ее изучать? Как можно развивать в себе?

Лично мне для этого не нужно ничего, кроме любков и обычного труда. Но они ничего не дадут для понимания, если не научиться видеть саму упругость. А для этого придется стать очень внимательным к собственному телу. Боевые искусства - лучший способ обрести такую внимательность, потому что они обучают с помощью средств, от которых нельзя отмахнуться. Они просто вынуждают познавать себя.

Глава 8. Удар

Упругость, когда о ней задумываешься, высвечивает следующий ряд вопросов. Их множество, поэтому ограничусь пока лишь одним. Когда понимаешь, что упругость лишь видна сквозь тело, но не является телесным качеством, возникает недоумение: чем же тогда я отражаю удары?

Любой боец-кулачник, особенно тот, что бился на соревнованиях или улице, знает выражение: держать удар. Оно обозначает искусство принимать удар на тело и не падать, не прекращать бой. Удержаться на ногах после пропущенного сильного удара не просто, и кажется, что удастся это как раз за счет упругости тела. Но это лишь на первый взгляд. Уже в следующее мгновение вспоминаешь, что держаться приходится на "силе воли". Это понятие тоже заслуживает изучения, потому что у воли никакой силы быть не может. Но пусть пока звучит так.

Главное, что даже при наличии "силы воли", пока ты борешься с последствиями удара, нужно, чтобы тело продолжало работать и уходило от следующих ударов. Именно в это время особенно заметно, упруго ли оно, гасит ли оно удары, или же оно окостенелое и принимает их на себя с предельным ущербом.

Упругое тело "гасит силу ударов", как это говорится. Оно двигается под ударами, слегка отклоняясь, когда получает их, и возвращаясь в удобное для моих боевых действий положение, как только обретает такую возможность. Если тело умеет это делать, я ощущаю себя уверенно. Если же оно способно еще и упруго пропускать удары, уклоняясь от них, я неуязвим! Упругость чрезвычайно важна в бою, но как тело может быть упругим или не упругим? Чем отличаются разные тела в этом смысле и как обучить свое тело упругости?

Ясно одно: тело обучается. Это видно по тому, что мы все приходим к боевым искусствам с разным уровнем телесной упругости. Значит, наша предшествующая жизнь по разному воспитывала нас. Если бы этого не было, мы бы все обладали одинаковой упругостью, каковой и обладаем при рождении. Но те, кто больше упражнял тело, воспитывают в себе и большую упругость. Или можно сказать: обретают ее. За счет чего?

Сначала кажется, за счет большого количества различных телесных нагрузок. Однако в боевых искусствах не считается полезной "перекаченность" - именно от нее и теряется упругость. Тело становится жестким и неподатливым. Следовательно, вопрос не в количестве и тяжести упражнений. Вопрос в их подборе. Определенные упражнения воспитывают упругость, другие - не дают ее или даже портят.

Попробую понять это на примере главного упражнения для бойца - умения бить и держать удары. Для борца это было бы лучше всего рассмотреть на умении проводить броски и сопротивляться их проведению. Но пока я ограничусь только ударами.

Чтобы понять, как взаимодействуют тела через удары, придется всмотреться в сам удар. Что это такое?

Это так понятно, что вовсе не просто дать определение. Поэтому воспользуюсь для начала толковыми словарями. Как раз на примере Даля лучше всего видно, насколько непросто это понятие. Даль просто расписывается в своей беспомощности:

Удар - действие по глаголу ударить.

Ударить, ударять кого, что, по чём, чем; бить, разить, колотить, стучать, поражать, толкать, наносить удар, ушибать.

И дальше - примеры.

Это не определение, это подсказка, как понять слово через сходные понятия. Но определения нет не потому, что Даль слабый языковед, а потому, что он честный языковед. И над ним не висит обязательство выглядеть знающим всё. Поэтому он не может просто предложить отписку вместо действительного определения.

Академический словарь русского языка дает четыре значения:

1. Резкий сильный толчок, производимый кем-либо, чем-либо с размаху; резкое столкновение предметов, лиц при движении.
2. Какое-либо несчастье, неожиданная неприятность, жизненная невзгода, вызывающие сильное душевное потрясение у кого-либо или ведущее к очень дурным последствиям для кого-либо, чего-либо.
3. Стремительное нападение, внезапная и решительная атака.
4. Кровоизлияние в мозг или закупорка мозгового сосуда, сопровождающиеся внезапной потерей сознания, параличом.

Это очень хорошее для языковедов определение, академики постарались. Глубже должны идти только те, кто изучает сам удар. И самое важное, что в этих четырех значениях просматривается возможность понять действительную природу удара, разрушив обычное понимание, обретенное еще очень детским умом. В детстве мы не пытались думать о таких понятиях, как удар. Мы просто запоминали, что называют ударом старшие.

И мы все отчетливо знаем, что удар не есть толчок, просто потому, что толчок нельзя нанести с размаху. Толчок тем и отличается от удара, что для него надо сначала положить руки на человека. И даже если мы говорим: толкнуть с разбегу, то добавляем: ударившись о то, что толкаем. Иными словами, толчок с разбегу, с расстояния не есть толчок, но называется так, потому что решает задачу "столкнуть" нечто с места. А удар решает совсем другую задачу. Какую?

Давайте взглянем в остальные значения этого слова.

В них описано именно то, что делает это явление нашей вселенной тем, что мы используем как удар. И, возможно, нам станет ясно, что удар мы освоили не больше чем микроскоп, если забиваем им гвозди.

Удар - это не бросок кулака с расстояния в лицо противнику. Это не перемещение физического объекта "рука" для столкновения с физическим объектом "голова". Удар - это то, после чего предмет начнет перемещение в пространстве, а человек либо испытает боль, либо прекратит свои действия, либо потеряет сознание. В худшем случае, умрет.

Бойцовский удар - есть лишь одно воплощение Удара, как действия или Явления. То есть облечение себя плотью, в частности, бойцовских тел. Поскольку бойцов слишком много обучают нанесению телесных ударов, эта грань понятия "удар" вытесняет из их внимания все остальные грани. Боец как бы "заикливаясь" только на нем, и так сужает себя даже в бою. Не говорю уж про жизнь. Но в итоге, как это ни странно, усложняется освоение и телесных ударов.

Народ всегда видел понятие удара гораздо шире. Даже бойцы в старину начинали либо с кобений, либо со словесного поединка. Доходило до того, что когда русские города осаждали иноземцы, на стены городов выходили полураздетые женщины и показывали врагам срамные места, чтобы вывести их из себя. И это тоже были удары, оказывающие вполне определенное воздействие.

Мы утратили широту понимания самих себя очень во многом. В том числе и в боевых искусствах. Но при этом мы все понимаем: если дома у бойца случилось несчастье, на ответственные соревнования его лучше не выпускать. Он выйдет на ринг или ковер как бы после пропущенного удара и будет заранее слабее противника. То же самое с ним может сделать слабая и нежная девушка. Достаточно, чтобы она перестала его любить. И это будет удар, пострашнее лошадиного копыта.

Чтобы понять, что такое удар, нужно вспомнить, что Словарь прямо говорит о душевном потрясении и потере сознания. Вот суть и основной смысл действия по имени удар. Для кого-то это может быть неочевидно, но это так.

Бойцам только кажется, что они бьют по телам. Возьмите тело, потерявшее сознание, и попробуйте его бить. В этом не будет никакого смысла, если только вы не хотите

переломать ему кости, чтобы оно не могло ходить или шевелить руками. Но это уже совсем другая задача по сравнению с той, что решает удар в бою, которым мы ограничились. Для решения задачи избития проще бросить такое бессознательное тело под грузовик. И он поломает и порвет его без ударов, просто давлением, которое разрывает ткани и крошит кости.

Тем не менее, многие считают, что удар должен повреждать тело и причинять боль. Иногда бьют именно с этой целью - нанести как можно больше повреждений телу. Такое использование удара возможно. Но в бою оно ведет к тому, что ты устаешь, а противник звереет и не сдается. И однажды побеждает тебя.

Бойцовский удар должен приносить победу. Если рассматривать его в рамках этого ограничения, описание исследуемого явления сужается, но зато высвечивается его суть. Хороший удар завершает бой мгновенно, мастеру, обладающему таким искусством, бывает достаточно одного удара, чтобы завершить схватку. Что он при этом делает?

Он лишает противника сознания. Без сознания боец - не противник. Более того, как раз такой удар чаще всего не причиняет телесных повреждений, он наименее разрушителен. В итоге у противника не держится боль, а с ней и злость на тебя. Именно после того, как я завершал свои уличные схватки таким образом, мы становились друзьями с моими противниками. Им не за что было меня ненавидеть - на драку они напросились сами, вызвав меня на поединок, но жестокости я не проявлял, и их беспомощностью не пользовался. Я достойный человек в бою, меня можно уважать, со мной можно дружить...

Но что значит "лишить человека сознания"?

В жизни-то все это видели, но все ли задумывались? Я довольно много писал о природе сознания, изучая, что об этом думали самые разные ученые. Исследовал я это явление и самостоятельно. И пока могу сказать лишь одно: единственно правильным мне кажется понимание мазыков, которые считали сознание тонкоматериальной средой, создаваемой душой человека. Именно в ней творятся образы, с помощью которых движутся наши тела, включая и образы тех крошечных движений, которые мы не замечаем, но узнаем как упругость.

Лишение сознания с помощью любого удара - это действительно лишение тела сознания. Чтобы тело упало, нужно удалить все те образы, с помощью которых оно движется. А это возможно только если оторвать хранящую их среду, то есть сознание. Мазыки называли ее Парой, так показывая отличие разных способностей сознания, - в частности, способности хранить образы от способности их создавать, то есть сознавать.

Чтобы человек потерял сознание, то есть способность понимать, что с ним происходит, нужно удалить саму среду, в которой у него живут образы, и которая позволяет понимать и двигаться. Удалить Пару.

Очевидно, что хороший удар делает это. Если ударить правильно, человек теряет сознание и падает. Но мы знаем, что можно потерять сознание и от сильной боли или от удушья. Последнее особенно показательно и важно для понимания происходящего.

Удушье ведет к смерти быстро и легко. Почему? Потому что мы задыхаемся, нам не хватает воздуха и мы умираем от удушья или удушья. Вслушайтесь в эти слова. В них ответ.

Мы умираем потому, что уходит душа. Именно поэтому некое действие, скажем, перекрывающее дыхательные пути, было названо У-ДУШ-ием, то есть исторжением ДУШИ.

Когда мы хватаем кого-то за горло, нам кажется, что мы душим, всего лишь душим... А в действительности мы делаем обрядовое действие по изгнанию души из тела. И видим это, если нам хватает смелости наблюдать за удушаемым. Мы вполне способны видеть, как меняется человек, как уходит из него жизнь вместе с душой, и как в наших руках остается только тело...

И то же самое происходит и при ударе.

Настоящий удар - это действие направленное на быстрое исторжение души из тела. Пара покидает тело вместе с душой, унося и образы движения, и упругость. И остается только мешок с жидкостью и костями, который можно теперь беспрепятственно порвать, а можно использовать для того, чтобы взглянуть в себя.

Заключение

Нельзя объять необъятное. Я показал пример того, как с помощью любимого дела или

ремесла можно познавать себя, углубляя свое видение привычного. Я не могу в этой небольшой книге заниматься этим исследованием подробней. Поэтому я завершаю этот раздел, в сущности, лишь поставив вопросы.

Мне важно показать, что вопросы эти существуют и с неизбежностью всплывают, стоит только действительно постараться достичь мастерства в избранном деле. И чем сильнее такое усилие, тем выше сопротивление того, что ты осваиваешь, и тем красивей и интересней становится жизнь. В ней появляется большой, если не великий смысл, и становится ясно, зачем ты столько лет отдал освоению того, чем жил. Еще точнее, зачем твоя душа жила этим...

Дальше я поведу исследования разными путями, и потому завершаю этот совместный для двух книг раздел. В книге о Любках я подробней расскажу о том, что такое боевое искусство с точки зрения русского народа. А в Учебнике самопознания попробую в самом общем виде описать приемы исследования самого себя. Они приемлемы и для бойца, но это уже дело личного выбора, использовать ли их. Поэтому в этом учебнике я больше не буду учитывать бойцов и буду писать для тех, кто избрал достигать мастерства совсем в иных делах.

Для меня же было важно в этом разделе, чтобы стало понятно, как неведомо и глубоко то место, в котором я вдруг обнаруживаю однажды себя - мое тело. И как оно прекрасно! Мы любим миром, в котором живем, но тело полностью ему соответствует, оно - часть этого волшебного мира, который мы не сумели рассмотреть, потому что не научились видеть. Изучить тело, значит, научиться видеть. Мир, себя, душу...

Изучение тела, которое обладает только зрением и лишено видения, как ни странно, открывает видение, без которого невозможно ни одно искусство и ни одно мастерство. Думаю, одно это оправдывает существование Класса телесного самопознания в нашей Академии.

Степень третья. Скрытый состав человека

Этот раздел тоже будет общим для двух книг - Учебника самопознания и книги о любках. Я делаю это затем, чтобы дать пример тем, кто познает себя, как можно использовать для самопознания любимое дело. А бойцам хочу показать, что мастерство достижимо, но для этого надо знать не только, как бить, но и то, что бьет... Все-таки совершенствовать надо нечто, с чем хотя бы знаком.

С точки зрения самопознания, этот раздел является переходом к следующей ступени работы над собой: от созерцания того, что снаружи тебя, мы все больше переходим к созерцанию того, что внутри, что скрыто и недоступно зрению. Пока это еще будет не прямой разговор о душе, но это уже то, через что душа проявляется. Этот духовный состав, в действительности может быть назван скрытым или внутренним телом человека, том, в чем живет душа.

Душа не может жить в теле, каким его описывает естественная наука. Это тело - слишком механично и грубо, в нем нет места ничему, чтобы не являлось предметом анатомии, физиологии или биологии. А они уверенно заявляют, что ничего, кроме плоти в теле нет. Разве что камни и проглоченные в детстве вилки...

Заявляют-то они это уверенно, но уж очень не любят отвечать на каверзные вопросы, которые есть у всякого любознательного ребенка. Так и говорят: сие наука не знает... Но если наука чего-то не знает, как она может быть уверена, что определенно знает, что души нет?

Душа есть. Я сам выходил из тела, и уж слишком много накопилось подобных свидетельств за последний век. Их уже нельзя игнорировать, делая вид, что занят более важными делами. Куда уж важней, чем вопрос о бессмертии!

Но для науки очень важно, чтобы мы были смертными, попросту, кусками биологической плоти, которая разложится в атомы. Важно потому, что пока мы видим мир таким, мы управляемы, и нами можно править. Править человеком бессмертным нельзя, потому что у него нет страха! С ним придется договариваться, а это гораздо трудней, чем держать его в средневековом мраке...

Впрочем, это дело науки. Если у вас был внетелесный опыт, вам ничего не надо доказывать. И даже если вы хоть смутно помните что-то об иной жизни или иных мирах, вы уже иной человек, и вам достаточно просто рассказывать о том, что имеющий око способен

видеть.

В этом разделе я буду говорить о достаточно очевидных вещах, которые становятся видны, если направить на них внимание. Чтобы внимание это развивалось и удерживалось на этом, я применяю прием - я увлекаю людей боевыми искусствами, любками. Но в действительности это может быть любое занятие, где возможно много телесного движения. Танцы, к примеру, гимнастика, какое-нибудь ремесло...

Глава 1. Зримый состав

Прежде, чем начать изучение своего духовного состава, необходимо описать то, что доступно самому простому и легкому познанию. Зримый состав, как это называли в старину, - это то, что видимо зрением, осязаемо руками и может быть исследовано приборами, как это делает наука. Он очевиден, он есть, и говорить только о духовном составе, значит, разрывать себя, отрываться от той основы, к которой привыкли как к самому себе.

Зримый состав человека изучают физика, физиология и биология. Анатомия его описывает. В него входят ткани, кости и различные органы, с их жизнедеятельностью. Являются ли их описания, сделанные наукой, ошибочными? Безусловно, но столь же безусловно и то, что они верны.

Безусловно ошибочны описания науки лишь в том смысле, что достижение абсолютной точности в подобном деле, наверное, невозможно, и в описаниях ученых постоянно вскрываются какие-то ошибки. Однако, это не значит, что в целом эти описания тоже неверны. И физика, и биология верны в рамках тех законов, которыми они себя ограничили. Поэтому не принимать их в расчет было бы большой ошибкой. Все, что описано в отношении меня физикой, биологией и физиологией, действует. И это было бы не лишним знать.

Но вот беда - не хочется!

Мы все до какой-то степени знакомы с научным описанием самих себя, то есть человека. И нам неинтересно углублять эти знания. Любопытно, почему? Когда я пытаюсь ответить на этот вопрос лично для себя, то ощущаю, что мне просто не хочется забивать свою голову, скажем научно, излишней информацией. Научные знания больны бессмысленностью, вот в чем их порок. Поскольку они никуда не ведут, кроме увеличения самих себя, то и нужны только тем, кто их производит.

Главное же мы все знаем еще из школы: человек - это куча хлама по имени атомы и молекулы, которые каким-то естественнонаучным чудом собрались вместе, но не надолго. Скоро они распадутся и растворятся в исходном хаосе. Очень важно, что научные знания о человеке ведут в смерть и только в смерть. И самое главное: углубление научных знаний не может привести к открытию пути к жизни. Таков закон, в рамках которого наука исходно изучает человека: человек - не духовное существо. Души нет, духа нет, жизни, кроме телесной, тоже нет...

Наука очень подходит обществу потребления. И еще больше она подходит для уничтожения духовности. Но именно поэтому она скучна, и нужна только тем, кто на ней зарабатывает себе деньги и славу. Остальные либо живут научно, то есть скотами, либо поворачиваются к науке спиной, и изучают то, что она отказалась не только изучать, но даже признавать.

В сущности, все они - искатели пути в бессмертие, в жизнь и другие миры...

Тем не менее, прямо внутри того, что можно считать научным описанием человека, есть дверки к знанию об иной жизни. Вот, к примеру, вопрос о том, как сознание передает образы движения телу? Как вообще возможно движение, если есть только биоэлектрическая машина, кости и мышцы? Каким-то образом эти самые электрические импульсы, вызывающие мышечные сокращения, должны быть отражением образов, которые есть в моем сознании.

Этот вопрос не решен ни физиологией, ни психологией. Но он прямо ведет к созерцанию души, потому что образы, какими бы они ни были, будут воплощаться только если душа этого захочет. Если не душа, то я. Кто-то должен захотеть и вложить силу своего желания в один из необозримого множества образов, имеющих у меня.

Захотеть, сделать выбор и вложить силу.

Это самое краткое описание лестницы, ведущей ко мне, какое могло бы быть доступно психологии. К сожалению, она боится сюда заглядывать, потому что посередине одной из ступеней будет сознание, другой - душа, а между ними еще множество тонких тел или сред, которые передают желание и избранный образ, все уплотняя его до такой степени, пока он не станет прямо вызывать в нервной системе электрические разряды. И эти разряды сложатся в тот же образ, но уже в веществе не сознания, а тела. Оно называлось Тель.

Когда я говорю "тель", я знаю, что это неожиданно и незнакомо. Современный человек уже не помнит этого слова, хотя оно есть в словаре Даля. Но мне важно, чтобы вы почувствовали, что раньше народ видел человека иначе. Это чувствуется в том, что для телесного вещества было имя не мясо, не ткань, а тель. А само состояние, в котором тель находится, пока в нее не вошел образ, мазыки называли Лухта.

Лухта по офеньски - жидкое, кашеобразное состояние. Сказать, что тело лухтово, значит, показать, что ты видишь его жидким и текучим. Жесткими в теле являются только кости. Но тело бывает жестким отнюдь не из-за них. Кости всего лишь не дают телу сминаться, но жестким и напряженным его держат образы. Убери у человека образ внутреннего напряжения, и его тело вдруг блаженно расплывется... в бою это можно показать ярко.

Если видеть себя не так, как предписала наука, а так, как видел народ, становится возможным многое, о чем мы и мечтать не смеем. Если удалось сделать тела лухтовыми, можно видеть, как они впитывают в себя образы и принимают их, меняясь на глазах. И это не гибкость и не пластичность, как сейчас говорят. Это не временное.

Народ, к примеру, не случайно связывает два понятия: дура и дурнеть. Если баба подурнела, старики-мазыки принимались ее ругать, будто это ее личная вина. И даже готовы были отлупить. Ругали и били за то, что она дура. И ведь вот чудо - я и видел это и сам после делал - стоит ей разобраться с причиной поглупения и вернуться в разум, как она хорошеет! Видимо для женщины быть красивой не есть данность от рождения, скорее, это выбор жизненного пути, который как-то очень жестко связан с выживанием. А обеспечивает выживание разум...

Подобных наблюдений, которые заведомо необъяснимы наукой, много у каждого человека с жизненным опытом. Некоторые из них я и хочу разобрать дальше на примере любознательного понимания того, что мы называем телом и телесной работой.

Глава 2. Душевные движения

Наблюдений, необъяснимых и не объясненных наукой, у нас всех, как кажется, много. Но стоит только попытаться о них рассказать, как оказывается, что это удивительно сложно. Мы настолько не умеем говорить о душе, о скрытом своем составе, просто о себе без общества и для общества созданных одежек, что нам проще отречься от своих наблюдений. Вроде что-то было, но, можно сказать, и не было ничего. Так, померещилось!

Это поразительная ловушка неведомости, в которой находится человечество, сама по себе стоит описания и исследования. Каждый из нас видит душевные движения и откликается на них своей душой. Причем уверенно и однозначно. Можно сказать, что ошибиться, когда увидел в другом душевное движение и откликнулся на него, невозможно. Но стоит только задать тебе вопрос, почему ты так поступил, и вместо ответа будет что-то невнятное, вроде: ну, вот так захотелось... Смешно...

А всей-то беды только то, что человечество не создало языка для описания подобных явлений. Души есть, движения душевные тоже, видеть всё видим, душами в ответ откликаемся, но вот слов нет, и нам проще отречься от этой части собственной жизни, чем задуматься и создать этот самый язык душевных движений.

Просто вдумайтесь в то как мы устроены, это, безусловно, даст шаг в самопознании и видении своего скрытого устройства: все есть, все видим и можем, но не придумали слов, и потому отречемся. То есть используем то речение, что подсунули другие люди: ничего нет и наука это считает антинаучным. Создание языка душевных движений антинаучно, что значит, противоположно, враждебно науке, ибо ее отменяет. Почему наука и лишила нас языка души.

Но он был. Был язык, были понятия, значит, было понимание и видение. Вот только мы

не сберегли. Но если хотим пойти дальше в познании себя, нам придется этот язык восстанавливать или творить заново все необходимые понятия. Но чтобы это получилось, начать придется с самых простых и вовсе неглубоких описаний того, что считаем собой и своим скрытым составом. Как пример попробую описать то, что я ощущаю душевными движениями. Опишу именно так, как делал бы это лично я, а в следующих главах покажу, как видели подобные явления мазыки, которые постарались сохранить язык души.

Как для меня, как для обычного современного человека, проявляется душа? В чем я усматриваю душевные движения и как их узнаю?

Как мне кажется, я вижу такую странную и, наверное, совершенно невидимую вещь, как душевное тепло. Даже и примеры приводить не хочется, потому что я ощущаю душевный отклик у вас, у тех, кто читает. Мы все умеем чувствовать и видеть душевное тепло, мы тоскуем по отчужденному дому. И если замечаем со стороны кого-то такое теплое отношение к себе, то любим и бережем такого человека, потому что душевное тепло в этом мире вещь редкая. Его надо беречь вместе с источником.

Это первое и исходное наблюдение, которое описывает, так сказать данность этого мира. Что-то вроде: в мире встречаются люди, от которых я ощущаю душевное тепло. С этим описанием еще ничего нельзя делать, оно такое, какое есть. И его можно либо принять, либо оспорить. Но это еще не самопознание.

Самопознание начнется лишь после обращения этого наблюдения на самого себя. И не просто с вопросом: а я умею изливать душевное тепло? Конечно, умеешь. Но это еще не вопрос. Вопросом будет: умею ли я управлять этим душевным свойством?

И ведь действительно, тот же жизненный опыт, те же бесчисленные бытовые наблюдения показывают: вот человек относится к тебе с душевной теплотой, но ты его обидел, и он вдруг становится в тебе холоден. Значит, ты хозяин тому, как изливать тепло из своей души. И ведь я точно знаю, что могу любить человека, а потом закрыться и лишиться его своей любви или тепла, и сделаю это так, что он это точно почувствует, чуть ли не с первого взгляда на меня. Просто взглянет на мое лицо, и воскликнет: Что случилось?! Ты на меня обиделся?

На что он взглянет? На лицо. И мое лицо, особенно, глаза вдруг станут окном и зеркалом души.

И опять же наши наблюдения, наш жизненный опыт говорят: душа точно видна сквозь глаза человека. Душа сияет в них любовью или восхищением. Душа светит из них внутренним светом, если человек думает о красивом. Душа делает глаза человека глубокими, если он живет богатой внутренней жизнью...

Примеров множество, мы все их видим, знаем, но попробуйте обсудить их с человеком науки, и вы почувствуете себя неловко. Каким прибором можно исследовать глубину глаз? Как зарегистрировать вспышки искорок веселья? Какой методикой можно исследовать улыбку, которая непроизвольно раздвигает наши губы? Для них существует только один «прибор» - душа человеческая. Почему? Да потому что ничто из мира тел и не может измерять то, что относится к миру душ! Эти вещи и эти явления не принадлежат к одному миру, хотя и существуют в одной Поселенной.

Но также, как химический состав нельзя определять с помощью электрического счетчика, так и для душевных движений надо применять то, что в состоянии их ощущать. Говорить, что физические приборы не регистрируют душу, так же остроумно, как искать ключ там, где светлей. Приборы для измерения фюзиса могут искать только там, где есть фюзис, а душа начинается как раз за его пределами и, значит, за пределами чувствительности приборов. Это исходная данность, закладывавшаяся в устройство приборов изначально!

И если ты сам исходно создавал приборы с одним жестким условием, чтобы они меряли все, кроме душевных проявлений, как же ты теперь можешь это использовать для доказательства того, что души нет?! Все верно: её нет для твоих приборов. Кто-то очень ловко надул самого себя.

Но если мы можем видеть душевные движения, то неужели нет ничего, чем мы можем их изучать? Конечно есть... Все та же душа.

Просто ее надо обучать. И никакого прибора лучше и чувствительней не будет. Чтобы видеть все, что связано с душой, нам не хватает лишь одной крошечной вещи: желаний жить ее жизнью. Но стоит сделать выбор, и всё появится. Просто потому что оно есть и всегда было. И даже больше: ждало, когда же мы наконец, наиграемся с телами.

Впрочем, если игры с телами так нас захватывают, значит наши души живут в этих играх. Поэтому в познании себя есть смысл пойти именно через то, что влечет, что способно будить душевные силы.

Дальше я буду рассказывать о скрытых составах человека на примере такой телесной игры, как любви.

Глава 3. Перовой состав

Мазыки говорили, что у человека, кроме духовного, еще три состава - Телесный, Парной и Перовой. О духовном я пока говорить не хочу, но вкратце исхожу из того, что пишу эту книгу для тех, кто понимает, что у человека, кроме тела, есть еще душа и дух. Телесный - это как раз то, что изучается естественнонаучно - ткани, кости, органы.

Парной состав или содержание пары, мы бы сейчас назвали устройством и содержанием сознания. Разум, мышление и то, что обеспечивает их работу, входят в это понятие. О перовом надо говорить особо.

Перовой состав - это то, что обеспечивает душе возможность жить в теле и использовать его. Это всяческие тонкоматериальные вместилища, среды и, условно говоря, устройства, которые не видны обычным зрением, но могут быть замечены, если изучать не главное в теле, а всяческие странности и особенности. Почему мы обычно их не видим? Да именно потому, что знаем, что считать главным.

Цель, ради которой мы познаем мир определяет не только средства своего достижения, но и пути, из которых мы составляем ткань нашей жизни. Иначе говоря, этот выбор путей определяет и то, что мы считаем своей жизнью, и то, что мы избираем знать, понимать и просто видеть. Он становится шорами, которые позволяют отсечь лишнее и собрать все силы в пучок, чтобы справиться с покорением избранной вершины. Но в итоге, глядя на явление, мы видим не его, а то, что хотим увидеть, то, чем хотим, чтобы оно было.

Если оно втиснется в задуманные нами для него рамки, то нам станет удобней жить, а вопросы, мучающие нас в пределах неведомого, пропадут из поля зрения.

В действительности, вопросы эти сохраняются, они лишь уходят из нашего сознания вместе с отсеченными кусками искаленного явления. И однажды догонят и накажут, причем обязательно, потому что приспособленное к нашим целям искаленное явление было искажено таким способом «понимания». А это значит, что мы вплели в ткань своей жизни ложный кусок. Хотим мы того или не хотим, но мы разошлись с действительностью и уже не сможем достичь истинной цели.

Разве что цель наша была обманывать людей...

Вот и телесная жизнь становится отказом от видения духовной части жизни. Отказ этот удобен, пока не приходит время, уходить... Ты хорошо обманул себя научными словами о том, что ничего кроме тела, нет. Они ведь позволяют оправдывать то, что тебе хочется потакать своим телесным прихотям. Но приходит день, и обрушившийся дом, который ты себе создал, ставит тебя перед мыслью: ты умираешь. И умираешь навсегда! Тебя больше не будет, и все было бессмысленно, а вкус телесных наслаждений сбежал от твоего стареющего тела. Предатель, ради которого ты жил и предавал всё, что только было святого!...

Всего лишь выбор, не более. Но ты можешь обратить взор в ту часть себя, что не была главной для телесной жизни. Ты можешь вообще избрать жить жизнью души еще в теле. И тогда, даже если ты будешь сомневаться или подозревать себя, ты все же будешь жить в блаженстве, и старение тела будет означать для тебя приближение радостного события - ты выполнил свою задачу на земле и возвращаешься к родным душам в свой настоящий мир. В мир, где у тебя снова будут крылья, где ты сможешь летать.

Летать - это не слова, не пустые мечтания, это единственный способ перемещения, доступный душе. Мы уже говорили об этом, но повторю еще раз: даже находясь в теле, душа не может ходить. Она летает внутри него. Поэтому совершенно не случайно про людей счастливых или влюбленных говорят, что они летают или порхают.

Они ходят, и тела их не стали легче, но люди видят, что они летают. Почему? Потому что счастье и любовь делают души виднее, чем тела. И мы глядим на человека, но видим не то, как ходит его тело, а то, как летает душа, вселяя в это тело движение.

Увидьте это, всмотритесь в то, как ваши души летят прямо внутри тел, когда вы движетесь. И вам станет понятно, что внутри тела должно быть что-то, что обеспечивает это

движение, делая полет души возможным. Что это? Если описывать точно, то все те мышечные напряжения, которыми мы заставляем тела подыматься и двигаться, оторвавшись от земли. Их можно назвать опорами. Мазыки называли мостошами.

Но это с точки зрения тела. А что с точки зрения души?

Если говорить образно, то для полета нужны крылья. Вот этими крыльями и оказывается тело, ибо это оно несет душу над землей в её невысоком, но яростном полете. А то, что делает тело способным быть крыльями, мы вполне можем назвать перьями.

Вот потому то, что обеспечивает в теле возможность душевного полета, и называлось перовым составом человека.

Глава 4. Мостоши

Перовой состав нужно суметь однажды увидеть, и после этого он, как почтальон в кустах, проявляется и становится виден навсегда. Это видение можно использовать в жизни, в быту, особенно в тех делах, утонченного владения телом, благодаря ему возвращается жизнь и здоровье. Но важнее всего видеть его в боевых искусствах.

Боевые же искусства, в частности, любки, и позволяют рассмотреть перо. Причем, с помощью любков можно обрести начальное видение, а потом улучшать его и доводить до совершенства, поскольку боевые движения проявляют наш скрытый состав.

Происходит это за счет того, что движения в бою предсказуемо разнообразны, и чтобы их произвести, приходится постоянно менять положения тела, создавая различнейшие напряжения мышц.

Перья же наши - ничто иное, как мышечные напряжения. Правда, пока они внутри тела. Иногда эти скрытые опоры способны выходить за телесные пределы. И хоть до видения таких перьев не просто дойти, но знать об этом надо изначально.

Итак, как же душе удастся взлететь телесно? Она заставляет тело собрать сложнейший и совершеннейший рисунок напряжений, который заставляет все наши опорные суставы собраться в стоячее положение, опираясь только на самих себя. А затем этот же сложнейший образ стояния разворачивается вокруг себя лепестком дополнительных напряжений, удерживающих его стоящим.

Стоять - это слишком привычно. Поэтому мы не осознаем, какое чудо те образы, которые делают это с нашими телами, насколько они сложны и уравновешены. И насколько хрупко это божественное состояние.

Но попробуйте смотреть на способность стоять не как на стояние. Попробуйте увидеть, что это не вы встаете, а душа взмывает вверх на крыльях мышечных напряжений. Для того, чтобы прочувствовать, что такое «взмывать», неплохо бы сначала проделать несколько игр, дающих ощущение полета. К примеру, была такая игра, я помню её еще с детства, когда один, назовем его летающий обхватывает другого со спины так, чтобы его голова оказалась на плече другого. Второй приседает и плотно берется за плечи летающего. В это время третий подхватывает летающего за плечи и подымает их себе на плечо, так что летающий оказывается висящим между ними. Чтобы он не прогибался, держать желательно поближе к бедрам.

Летающий закрывает глаза и свешивает голову вниз, а два других начинают с ним ходить, приседать и подыматься. Ощущение полета, падений и взмываний оказывается настолько сильным и пронзительным, что в какой-то миг ты забываешь о своей телесности, и осознаешь себя душой, пронзающей бескрайнее мировое пространство.

Вот после этого опыта вы сможете исследовать свои мостоши самостоятельно. Для этого надо встать на колени, уткнуться головой в пол, положив под глаза ладони, и закрыть глаза. Посидев, а точнее, полежав в таком положении какое-то время, вы почти произвольно начнете раскачиваться. Это можно сделать намеренно, но иногда достаточно увидеть, что раскачивание уже идет внутри вас.

Внутри вас - означает не просто внутри тела. Ощущение тела довольно скоро растворится, и вы ощутите себя внутри сумрачного и безграничного пространства, где зарождается нечто. Это нечто вдруг осознается движением, и оно вас в какой-то миг захватит. Как только это произойдет, раскачивания вбок начнут превращаться в толчки вверх. И вас начнет распрямлять. И будет распрямлять, пока вы не взовьетесь в полете. Это так и ощущается.

Возможно, это действие вас заморозит, и в первый раз вы будете захвачены только

самим взмыванием. Оно обязательно произойдет, и произойдет внезапно, когда накопится движение. Пусть это будет так в первый раз. Взмывание надо испытать однажды в чистом виде и насладиться им. Но в последующем постарайтесь увидеть как толчки, рождающиеся будто сами по себе в вашей глубине, собирают напряжения внутри вашего пространства.

При определенном усилии вы сможете привязать их к ногам, спине, рукам. Это тоже надо уметь, как необходимо сохранить и видение себя пространством. Разве что усилив его пониманием, что тело есть, и оно есть в этом пространстве, оно в него как-то вписано. Но не наоборот, не пространство вписано в тело.

Если вам удастся сохранить такое видение, то однажды вы начнете видеть и то, что за границами тел, но определенно относится к вам. И это тоже будут мостоши.

Опоры, которые создают тело внутри себя, чтобы стоять или двигаться, можно изучать и просто ощупывая себя руками или мысленным взором. Но тогда ваше естественнонаучное мировоззрение привяжется к телесности, и вам будет трудно отделить мостоши от определенных мышц. А это очень важно, потому что внутренняя опора собирается из мышц, но не равна ни одной из них.

Мостоши складываются из направлений множества мышц. Они как бы пронзают их тягами или распорками поперек или наискось. Это вызывает не только удивление, но, пожалуй, и потрясение, когда удается впервые рассмотреть, что мостошь торчит сквозь ногу или тело, подобно пронзающему их насквозь штырю, или идущей насквозь веревке!

Веревке, входящей в тело снаружи, а потом уходящей куда-то в пространство за пределами тела...

Но это потом, а вначале надо увидеть, что все эти напряжения складываются в какой-то сложный рисунок, образ, который похож на стоящего человека. Но еще больше, на человека летящего, на человека обретшего крылья...

Глава 5. Созерцание мостошей

Тело - это неведомая земля, которая все время рядом, но еще почти совсем не открыта и неизведана. Наверное, потому что слишком близка и доступна.

Я помню по себе, как, после обретения понятия о мостошах, с наслаждением разглядывал самого себя. Длилось это несколько лет. Сначала я, возвращаясь от Похани, просто крутился всячески, изгибался или ловил себя в неожиданных положениях, рассматривая рисунок напряжений, который сложился во мне. Потом, начав преподавать, я сначала учился видеть его у других, а потом просто наслаждался тем, что вижу невидимое.

Самым ценным было для меня, пожалуй не откровение, что мостоши вообще есть, а объяснение, как они возможны. Пока Поханя просто учил меня видеть какие-то протянувшиеся через всё тело жгуты, ленты и стержни, я вроде что-то видел, но не столько сомневался в себе, сколько не хотел видеть, подозревая, что все это лишь мое самовнушение. При этом я с каким-то невероятным почтением относился к Похане. И меня самого удивляло это противоречие. Когда я попытался в него заглянуть, я понял, что боюсь разочарования. Вот так вот начну что-то видеть при нем, а потом один не смогу...

Но когда я понял, что эти жгуты и стержни в действительности складываются из мышц, только не вдоль по сгибателям и разгибателям, а используя их в любых, нужных для создания напряжения направлениях, я испытал облегчение и стал видеть.

Потом я начал видеть и те мостоши, что выходят за границы мышц, и это уже не вызывало сомнений, хотя и было трудней.

Совершенно очевидно, что таким образом мое мировоззрение приспособляло себя к новому, меняя себя по частям, в итоге я все же потерял то, что не хотел отпускать в начале. Но потерял естественно и безболезненно, не насилуя самого себя, и не отвлекаясь на борьбу с собой. Поэтому я считаю, что изучать мостоши надо с тех, что ощупываются мышечными напряжениями в тканях.

Но сначала надо понять общее устройство опор нашего тела. Еще раз повторю: кости и суставы - это не опоры. Только анатомы считают их опорным механизмом человека. В действительности это лишь распорки, ребра жесткости, их можно использовать, но опоры мы строим из мышц и сознания. И сознание тут важнее всего, потому что судьба костей без сознания - лежать кучкой.

Да и мышцы ничего не смогут сделать, если не создать образа опоры или мышечных напряжений, в которые они должны сложиться. И что особенно важно понять: это всегда

образ действия, а не образ некой вещи или состояния. Говорю это, чтобы уточнить: опора, когда мы говорим о теле, не есть нечто вроде опоры моста - постоянное и неизменное. Человеку так трудно стоять, к тому же на него постоянно воздействует так много внешних и внутренних давлений, что его «опоры» должны быть не самым устойчивым, а самым подвижным в нем. В человеке нет ничего подвижной и изменчивой мостошей, потому что устоять в текучем и изменяющемся потоке можно только за счет постоянных изменений.

Мостоши - это поток, водопад крошечных движений, зеркально повторяющих мир, в который я пришел. Именно в них нужно смотреть, чтобы познавать мир, заглядывая в себя. И именно они воплощают мечту человечества, обрести покой внутри движения. Когда вам удастся почувствовать покой, вспомните, что в это время вы обернуты в кокон из бесконечного движения.

Как образы, мостоши идеальны. Так сказала бы старая философия. Но в действительности все образы сделаны из материи сознания, из пары. При этом они могут воплощаться еще и в мышцы и кости, а могут и не воплощаться. Или же воплощаются в общественные отношения или даже вещи, которыми мы закрываемся от действительного мира. Но об этом потом. Начать надо с мостошей, воплотившихся в телесные ткани.

У опорно-перового состава есть свое вполне определенное устройство, соответствующее нашему костяку. Мазыки использовали слово «костяк», чтобы говорить собственно о костях нашего скелета. А чтобы обозначить опорное устройство, которым является для нас костяк, говорили о нем же, как об остове.

Остов или основа опорно-перового состава, как вы можете видеть, состоит из ног, таза, позвоночника, грудной клетки, рук и головы. Всё это - тяжелые части, каждую из которых надо учитывать, потому что, давая основу для опоры, они в то же время и есть то, что надо поддерживать. Рисунок остова прост: две палочки снизу, галочка таза, палочка позвоночника, соединяющая таз с клетью, рамка из рук и плеч и шарик головы. Если мы посмотрим, как удерживать этот верх неуклюжести стоящим, то будем весьма озадачены, потому что такое стоять не должно. Но природа или бог

справились с этим. Весь остов делится на две части и посередине, прямо в таз кладется шар, который мазыки называли Вихторой. Таз, наверное, потому так и называется, что в нем плещется то, что без него разлилось бы. На телесном уровне - кишки. На уровне незримого состава - шар Вихторы.

Он тоже будто бы слегка жидкий, как ртуть, к примеру. И очень подвижный. К нему и крепятся все мостоши. Причем, крепятся внахлест, так сказать, крест накрест, чтобы можно было создавать натяжку. Как вы понимаете, ленты опорных растяжек должны уходить от Вихторы и вниз и вверх.

Вниз они уходят к ножным опорам. Они называются Подвихторы, потому что связаны с бедренными суставами. Любые суставы у офеней назывались вихторами.

Растяжки, уходящие вверх, крепятся к той части грудной клетки, что находится под головой. Голову, как вы помните, в старину клали на плаху. Поэтому часть груди, на которой лежит голова, так и называлась Плахой. Наверное, это должно было напоминать о смертности тела.

Растяжки ложатся вокруг Вихторы, накручиваясь на нее крепящимися концами, а внутрь телесной рамы, называвшейся раменье, выходят всегда двойным крестом, который назывался Мостошным или Мостовым Офесом. Крест этот двойной, как вы понимаете, потому что растяжки крепятся и под и над шаром Вихторы. К тому же вдоль по позвоночнику и по срединной линии груди идет растяжка, называвшаяся Становой тягой. Это широкая линия мышечных напряжений, позволяющая нам сгибаться и разгибаться вперед-назад.

Кроме этих основных растяжек в теле постоянно возникает и пропадает множество временных мостошей. Мостовой офес обеспечивает прямохождение, а временные мостоши - различные виды сложных движений. Если хорошо поработать с Офесом, то они все становятся видны.

Но чтобы работать с ним, надо не забывать, что растяжки способны превращаться в распорки. Точнее, временами те же мышцы работают на растяжение, а временами они становятся подобны жестким комкам, не дающим сжиматься.

Все борцовская работа в Любках строится именно на видении мостошей.

Глава 6. Мостоши сознания

Рассмотреть мостоши, творящиеся в теле, в общем-то, не трудно. Нужно лишь один раз их увидеть, и дальше глаз начнет их различать, а тело использовать, например, в борьбе. Увидеть мостоши вне тела, мостоши сознания, гораздо трудней.

И все же в этом нет ничего невозможного, даже наоборот - мы всегда их видим или, по крайней мере, чувствуем. Правда, мы стараемся скрывать такие опоры, поэтому всячески отводим от них глаза даже себе. Это всё та же детская магия - если не видеть что-то самому, так и другие не увидят...

Почему мы отводим глаза от опор сознания? Потому что сознание - очень коварное вещество. Это не камень и не бетон строительных опор. И даже не мышцы наших тел. И те и другие по сути своей просто вещи, без человека ничего не значащие. Думаю, это понятно. И очевидно: значение вещам придает человек. Но как он его придает?

Если вы задумаетесь, то поймете, что собственно у меня никаких значений нет. Они все хранятся в сознании, и хранятся в виде образов.

Это стоит осмыслить, и если это удастся, вы будете потрясены: значения имеют значение только для сознания. Они не имеют никакого значения для меня, если рассматривать меня как Я. Я дальше значений и неуязвимо для них, недоступно для их воздействия. Значения важны только для той части меня, что пролита в сознание и живет в нем, как в среде обитания. В каждой среде есть свои хищники - в океане акулы, в пустыне львы, а в сознании значения...

Я называю значения хищниками, не правда ли это странно? Но взгляните. Вот у человека умер родственник, и он плачет. Почему? Потому что для него и этот человек, и его смерть имеют значение. Другого человека обманули с деньгами, он то горит яростью, то приходит в отчаяние. Почему? Опять же потому, что для него деньги много значат... Но мы все знаем, что ни то, ни другое может ничего не значить для человека философского склада ума, к примеру. Зато его беспокоит Гондурас... Была такая шутка в Советском Союзе, когда людям было наплевать на то, как разваливается жизнь вокруг них, зато их трогала любая чепуха, которую показывали по телевизору.

Даже собственная смерть может не иметь никакого значения для человека, который освободился от привязанности к телу. Как может не иметь значения боль, голод, отсутствие денег, одиночество. Как вы понимаете это всего лишь разные состояния сознания. Одно из них полно хищников, поглощающих наши жизненные силы, другое - свободно от них.

Повторю еще раз: значения существуют только в сознании и только для сознания. Их нет для тела и нет для духа. А раз они существуют в сознании, значит, они образы с определенным содержанием. Каким?

Посмотрим на примере тех самых опор сознания, которые мы все видим, но скрываем. Вот у человека умер кто-то близкий, и человек плачет. Почему? Потому что и умерший и его смерть имели для него значение. Но какое? Почему надо плакать, а не радоваться, к примеру, тому, что эта душа отмучалась и возвращается домой?

Потому что теперь плачущему будет хуже жить. Он плачет не о том, кто ушел, он жалеет себя, оставшегося страдать в одиночестве. И даже если он не получал никаких материальных выгод от умершего, одиночество - это большая тяжесть. Его не многие могут выдержать.

Но если это так, значит, умерший имел для меня значение помощника в выживании. И я питал в отношении его определенные надежды, рассчитывал, что в определенных случаях он мне поможет, и вообще, как говорится, выстраивал на него вполне ощутимые опоры. Но скрывал это.

Почему? А потому что общественное мнение считает неприличным откровенно пользоваться другим. Нужно, чтобы все было справедливо - ты мне - я тебе. А я всегда тайно рассчитываю получить от другого больше, чем отдам.

И это очень важно, опора - это такой образ взаимоотношений с другим человеком, в котором я рассчитываю получить от другого что-то такое, что вложу в свой мирок, как большой строительный кубик, который будет всё держать.

И вдруг он умирает или обманывает как-то еще, и мой мир рушится. Почему? Да потому что он выдернул из под него важную опору.

Никакой опоры он мне не строил и займы не давал. Это я решил его так использовать и приписал ему значение тайной опоры своего мира. Но я знал, что пользуюсь им. И он тоже знал, что я им пользуюсь. Мы всегда знаем, когда пользуемся кем-то, и знаем, когда пользуются нами. Это видно, как видны детские хитрости. Видно до очевидности.

И при этом мы считаем, что не видим опор сознания...

Мы видим всё и умеем бить по опорам, как по уязвимостям. В этом смысле мы все не то чтобы прекрасные, скорее, злобные бойцы. Мы можем затаиваться на время, но потом обязательно ударим. Это выглядит коварством, но на самом деле есть лишь отражение стремления души к свободе от любых пут.

Опоры можно знать, вычисляя по значениям, какие имеют для человека те или иные люди или вещи. А можно видеть в пространстве, как определенные уплотнения сознания. И это вполне доступно для использования в бою. Мне выбивали опоры сознания все старые мазыки, у которых я учился. Отнюдь не только Поханя. И я неоднократно показывал подобные работы на семинарах.

Но это очень низкий уровень воинского искусства - бить по опорам. Им владеет любой кухонный боец, поджидающий вас дома после работы. Гораздо достойнее научиться самому вышибать собственные опоры, чтобы однажды оказаться стоящим только на своих ногах.

Вот этот уровень владения воинским искусством действительно высок, поскольку им овладевают весьма немногие. Освобождение души от пут опор сознания дает сердце льва и крылья для душевного полета.

Глава 7. Плотности и пустоты

Видение мостошей есть по сути своей видение напряжений тела или сознания. Но что такое напряжения? В сущности, это более плотные участки той среды, в которой существуют, попросту, плотности.

Плотность - понятие философское, хотя, насколько мне это известно, ни один философ его не исследовал и, наверное, даже не распознал как существенное. Философы занимались веществом, пространством, временем, энергией... Однако плотность - это именно то, что позволяет нам понять вещество и пространство. И рождается это понятие раньше всех остальных, потому что все раннее детство именно плотности, заполняющие пространство, куда пришел ребенок, создают основу его образа мира. Эта основа называлась у мазыков Материк.

Материк, как образ мира, - неизменен. Все остальные наслоения, воспринимаемые нами как образы мира или его картины, вроде научной картины мира, лишь достраивают себя на основании Материка. Но при этом они все исходят из него, и без него были бы неполноценны. Думаю, что вся достоверность религиозной или научной картин мира в действительности строится на том, что люди узнают их материковую основу как соответствующую действительности. А благодаря этому начинают верить и более сложным, поверхностным составляющим.

Иными словами, любой образ мира, который будет придуман людьми, будет ощущаться истинным или, по крайней мере, возможным, если он будет непротиворечиво разворачиваться из Материка.

Но основа Материка закладывается именно как отражение плотностей, с которыми мы сталкиваемся с самого рождения. И сталкиваемся всем своим телом - спиной, лбом, носом, локтями и коленями, ступнями...

Смешно, но философы потому и любят рассуждать о философическом прогуливаясь, что при этом они ощущают ногами плотность земли, и так восстанавливают записанные в ступни простейшие образы материка. Иными словами, философия, созданная в философских прогулках, обязательно имеет связь с действительностью, поскольку в нее произвольно закладываются образы плотностей, записанные в наши философические ступни... Кстати, именно так рождались философии Платона и Аристотеля, в них скрыто присутствует вкус дорожек Академии, где они гуляли...

Плотности, входящие в наше сознание как исходное знание того, что ограничивает во время земного существования полет души, создают в сознании некую клетку из образов, сквозь которые нельзя двигаться. Это очень важное знание. Стены, полы, потолки не

пропускают тела. Но когда человек оказывается вне тела, он тоже не может проходить сквозь них, потому что ЗНАЕТ!..

Даже оказавшись вне тела, мы живем по тем законам, что предписывает нам Материк, даже полное разрушение всей прошлой жизни и сносящее все барьеры осознание себя духом, не в силах убрать его из нашего сознания. Требуется время, чтобы понять: мир не такой!

Что же говорить о нас, пока мы в телах. Надо быть полным дураком, чтобы пытаться проходить сквозь стены. Но если показать загнипнотизированному воображаемую стену, он точно так же будет очень умно хихикать в ответ на предложение пройти сквозь нее. И, пожалуй, даже сумеет сделать себе синяки и шишки, если его заставить сквозь нее идти. Но стены нет... есть знание плотностей, лежащее в самом основании наших представлений об истинном устройстве мира.

Может ли философия или наука людей, выросших с таким знанием действительно искать иные пути и исследовать какое-то иное устройство мира? Разве что для развлечения!..

Однако человек в той же мере плотен, в какой и пустотен. Мир вообще больше состоит из пустоты, плотность - редкий гость в этих пространствах. Ее еще надо суметь встретить во время путешествий по бескрайним пространствам пустого космоса. Я подозреваю, что души именно потому и воплощаются в этом мире так охотно, что это одно из редких мест, где можно познать вкус плотности... Впрочем, как и телесности.

Не знаю, не буду фантазировать.

Но знаю точно: видение плотностей и пустот очень полезно для познания себя и для боевых искусств. В боевых искусствах видение это позволяет обыгрывать противника. И потому пустоты и плотности наших тел легче всего познавать именно в борьбе.

Если во время любобной схватки переключиться на пустотно-плотностное видение человека, он становится похож на головку сыра с большими дырками. Вдоль по плотностям он жесткий, поперек - мягкий и податливый. И его легко можно сложить в этих местах, даже вложить в самого себя...

Я очень много показывал подобных работ на своих семинарах, и потому не в силах сейчас говорить об этом - работе с плотностями и пустотами надо посвящать отдельную работу. Тем более, что в любках было особое искусство боя, называвшееся Пустенье. Это работа, подобная Накату - то есть воздействию на другого без касания, прямым давлением сознания. Но в Пустенье ты воздействуешь, не давя, а создавая пустоту на пути противника. Пустоту, которая затягивает.

Что затягивает? Как затягивает?

Вопросы, на которые не так просто ответить. Я бы хотел их исследовать. Гораздо проще показать в жизни, как идущий к тебе противник вдруг начинает заваливаться, словно попал в воздушную яму. И даже обучить этому проще, чем объяснить. Собственно говоря, меня самого обучили, как это делать, а сейчас я ощущаю себя дурак дураком, потому что могу передать это искусство, и не могу его толком объяснить...

Но смогу однажды. Я это знаю и не отступлюсь, пока не стану хозяином тому, что знаю, и самому себе.

Глава 8. Сила

Можно видеть человека сотканным из плотностей и пустот, но с таким же его можно видеть состоящим из токов силы.

Что такое плотности в человеке? Не те, что даны нам исходно, а те, что мы создаем, чтобы жить в этом мире телесно, а по сути, чтобы обеспечить душе возможность жить в теле? Это напряжения в том, на что мы можем оказывать воздействия - в мышцах. Но напряжения сами по себе не рождаются, их надо создать. А как?

Напрячься. То есть сделать усилие. Но как делается усилие?

Со всей очевидностью можно сказать, что усилие идет на то, чтобы сокращать определенные мышцы. В итоге наши суставы либо сжимаются, либо разжимаются, и мы оказываемся напряженными в каком-то направлении, скажем, толкая камень. При этом, что тоже очевидно, сила зависит от объема мышц - человек с мощными мышцами толкает камни сильней...

Это какой-то обман, но развеять его не просто. Однако мы все знаем, что объем мышц

никак не спасает такого быка, чтобы крошечная бабеночка, однажды избравшая его своей собственностью, правила им и была с очевидностью сильнее. Понятно, что тут речь идет о какой-то "иной" силе. Но сила в ней определенно есть, и немалая.

Но не все чисто и с силой, прячущейся в мышцах. Мышцы обладают только весом. Они сами не могут ничего, только лежать и, наверное, расти. Сила не исходит из мышц, у нее явно иной источник. Это ясно видно хотя бы потому, что для того, чтобы сокращаться, мышце надо получить соответствующий импульс от нервной системы. И сокращаться он будет с той силой, с какой поступает импульс!

Сила явно связана не с мышцами, а с тем, что ими повелевает. В больших мышцах просто больше того, что может сокращаться. Иначе говоря, они просто могут произвести больше работы с той же силой, в итоге, будет передвинуто больше камней или шкафов. Но сила была та же, что у человека хлипкого, который не смог сдвинуть даже одного камня.

Однако мы все знаем, что в случае ужасной опасности в нас вдруг высвобождается огромная сила, и мы можем невероятно бегать, прыгать или сгибать стальные прутья такой толщины, что, очнувшись, не верим своим глазам. И это все с теми же мышцами.

Значит, где-то либо в теле, либо, что лучше, - в нас есть источник силы, который мы можем вскрывать с помощью особых состояний сознания. Но с точки зрения точного рассуждения, это означает, что сила вообще не в мышцах. Она лишь приходит в них из какого-то внешнего по отношению к ним источника.

Внешний он в той же мере, в какой и внутренний. Нам кажется, что он внутри нас, но внутри только Я. Я и высвобождаю эту силу, когда очень нужно. Но где я ее беру?

Мазыки говорили, что Сила разлита вокруг нас в мировом пространстве. И ее надо уметь пропускать сквозь себя. Просто пропускать. Время от времени рождаются люди, которые как-то естественно или противоестественно умеют это. Они поднимают невероятные тяжести, рвут пополам толстые книги, гнут деревья...

Однажды в поезде, добираясь до места очередного семинара, мы встретили пожилого человека, ехавшего в Костромскую область. Настроение перед семинаром было хорошее, и мы баловались молодецкими забавами, играли силушкой. Он поглядел на нас, а потом рассказал, что у них в деревне был дедушка, который шутил такую шутку. Когда молодежь перед работами начинала баловать, он подходил к углу ветряной мельницы, подымал его одной рукой и клал туда свою фуражку, приговаривая:

- Вы баловники. Так понадежней будет.

И шел работать.

А, возвращаясь с работы, так же забирал ее оттуда.

Естественно, что в промежутке все парни пытались ее достать, но так никому и не удалось...

Насколько я понимаю, дедушка унес свою тайну с собой

Когда я гляжу на подобных людей, слушаю такие рассказы, я прихожу к тому, что в человека встроен какой-то сильнейший ограничитель, не позволяющий ему пользоваться силой, сверх меры, нужно для выживания в обществе. И не то, чтобы человек не дорос до своей силы, она с ним, она всегда здесь. Но ему запрещено, как и летать. Иначе он не мог бы временами вдруг становиться многократно сильнее самого себя.

Раз это удастся в особых состояниях, значит, сила всегда есть, и ты умеешь ею пользоваться и управлять, но это не нужно и бесполезно. И к тому же, мы не знаем, как это делать.

Мои учителя говорили мне: хочешь иметь силу, научись ее видеть. И ты будешь удивлен, насколько много лишней силы тебе все-таки разрешили!

Я долго не понимал, что это значит.

Но когда Поханя начал работать со мной одними указательными пальцами, что-то стало доходить и до моего упертого ума. Вот он выставляет вперед ладонь и говорит:

- Упрись посильней.

Я упираюсь грудью в его ладонь.

Он прикасается пальцем к моему плечу, и я падаю... Недоумение мое полное, я восхищен и готов признать его величайшим мастером, но от моего вида лицо его становится слегка кислым. И я понимаю, что разочаровал его. В чем дело?

- Ты восхищаешься такой ерундой! За этим вообще ничего нет. Просто разуй глаза! Смотри: вот я надавил тебе на грудь, что ты делаешь в ответ?

- Упираюсь.

- Ты не просто упираешься, ты направляешь свою силу в тело так, чтобы оно напряглось. И оно не просто напрягается, оно напрягается против моей руки. Оно всё теперь выстроилось, как стрела силы, точно в одном направлении. И сила твоя равна моей.

- Верно.

- А что в других направлениях? - и он снова касается меня пальцем, слегка надавливая на плечо сбоку. - Там силы ноль... Это называется обжалить.

И я лечу на землю. Я опять поражен, но теперь поражен собственной слепотой: если надавить на человеческое тело в каком-то направлении, вызвав у него сопротивление, то вся сила его перестроится, и будет равна силе давления. Хуже того, тогда я становлюсь опорой для противника.

С одной стороны он теперь висит на мне, с другой, сила его течет острием точно туда, куда я ее направляю своим давлением, и отсутствует там, где не нужно бороться с помехами. Там она просто равна нулю, потому что не требуется.

И это значит, что, обжалив, то есть собрав силу противника в острое и узко направленное жало, я делаю его бессильным во всех остальных направлениях. И мне не нужно прилагать к нему, чтобы уронить, силу, равную его мышцам. И даже равную моим! Мне достаточно приложить силу, отличную от нуля... и он начнет падать.

Он будет падать медленно и долго. Но если я буду при этом удерживать его обжаленным, если я не изменю давления, а значит, не дам ему возможности усомниться в своей силе, в своей способности сопротивляться внешним давлениям и стоять на ногах, мой противник рухнет, ошарашенно наблюдая за собственным телом, на которое ничто не давит.

Я много, даже очень много играл с этим на семинарах, роняя и одиночных бойцов и целые толпы, которые тщились удержать шлепок детской руки. Просто выставлял человек двадцать-тридцать здоровенных мужиков, обжаливал в каком-то направлении, а потом просил ребенка тихонечко их толкнуть.

Он толкал, все равно как и куда. Главное, что они были в это время заняты мною, моим давлением. И вот представьте, как эти богатыри наблюдали за приближающимся дитенышем, который тыкал в чью-нибудь огромную и напряженную ножищу крошечной ручонкой и стремглав убегал прочь. Ничего не происходило. И ничего не могло произойти. Они же это знали. Их столько раз толкали и били многократно более сильные противники, и они стояли. Поэтому это не могло иметь значения.

Но оно имело!

И они всем своим огромным, многоножным и многоопорным телом вдруг начинали медленно, но неуклонно оседать. Это могло длиться долго. Они боролись, они кряхтели и потели, напряжение их росло, но сила сносила их крепость...

Сила одного крошечного ребенка.

Вот вам пример того, насколько мы не понимаем силу и самих себя.

Другой пример - это крестьянская способность работать, не уставая. И передвигать самые тяжелые вещи легко. Всего лишь подумав, как это можно сделать. У каждой вещи есть слабины, как есть они и у человека. Когда умеешь видеть силу, бывает достаточно присмотреться, чтобы понять, как эту вещь будет двигать тяжело, а как легко. И она двигается.

Сейчас, когда мы строим Академию самопознания, нам много приходится использовать это умение. И мы заставляем себя не трудиться тяжело. Как это ни смешно, но человеку проще, когда ему трудно. Мы ужасно не любим работать легко, хотя потом плачем, когда видим, что просто предаем себя. Просто загоняем себя в ад, намеренно усложняя собственную жизнь, хотя могли бы, если и не жить в раю уже на земле, но, по крайней мере, блаженствовать от работы, которую делаем...

Глава 9. Лухта

Я уже писал, Лухтой мазыки называли такое состояние вещества, которое можно сравнить с жидкой кашей. Именно так видел человеческое тело Поханя. Видел и умел использовать в бою. Это было поразительное ощущение, когда я попадал ему в руки. Трудно даже описать. Сам он говорил про него:

- Не надо человека ломать, он должен таять у тебя в руках, как горячая свеча...

Как это возможно?

Если видеть человека состоящим из костей и напряженных мышц, его придется ломать, потому что иначе с костями ничего не сделаешь. Но если осознать, что кости наши, собранные в остов, стоять не могут, появляется возможность для поиска. Как сейчас говорится, у этого сооружения слишком много степеней свободы. Попросту говоря, слишком много суставов и сочленений, чтобы можно было достичь устойчивости. Удержать себя стоящим можно только постоянным напряжением огромного числа мышц. И это тем сложнее, чем яснее ты увидишь, что стоит каждое сочленение вовсе не на опору, толщиной с ногу, а на крошечном участке шара, которым в действительности является суставная кость.

Мало того, что костей слишком много, так они еще и опираются чуть ли не на булавочные головки, если попытаться рассмотреть места приложения сил и веса. Это значит, что человек только кажется твердым и напряженным, а в действительности он - бесконечная игра движений и смен напряжений. Одни мышцы напрягаются, другие расслабляются, тут же всё меняется, и уже другие мышцы напряжены. Человек - это бесконечное движение мышц.

А мышцы состоят почти целиком из жидкостей.

Человек - это водоворот жидкостных движений. И это можно использовать.

Но если к этому добавить то, что в нем постоянно меняются опоры, текут плотности, разверзаются пустоты, играют силы...

Если это научиться видеть и использовать, человек действительно будет таять в твоих руках, как разогретая свеча. Но показать это легче, чем рассказать. Потому что рассказ о Лухте потребует отдельной книги.

Поэтому я обрываю рассказ о скрытом составе человека. Думаю, я дал достаточно подсказок и намеков, имеющим глаза и желание исследовать и познавать. Дальше мои книги пойдут разными путями.

Заключение

Я рассказал о скрытом составе человека не все, что знаю, гораздо меньше того, что мне показывали, и несопоставимо мало в сравнении с тем, что есть человек на самом деле. Я старался рассказывать лишь о том, что достаточно очевидно, и что каждый может обнаружить сам при достаточной мере наблюдательности и желания.

Но я просто не знаю, как рассказать, к примеру, об устройстве сознания, не требуя при этом принять всё на веру. Я могу делать какие-то вещи, которые, к примеру, делают видимыми ту же ауру, как ее называют эзотерики. Точнее, нечто, что узнается ими как аура, хотя я подозреваю, что этим словом обозначается множество различных явлений по одному признаку: они видны вокруг человека.

Я знаю, как совершая определенное усилие - зная бы еще чем! - изменить состояние сознания человека и вызвать у него определенные способности. Но я лишь могу повторять за своими учителями, что я делаю это с помощью сознания и изменяя сознание. Я не могу просто предложить посмотреть в себя или понаблюдать за собой в разных жизненных случаях. Для того, чтобы сделать подобные явления очевидными, нужно создавать условия для опытов и прикладных исследований.

И даже тогда они будут очевидны лишь участникам. Доказать что-то человеку, который никогда этого не испытывал, все равно не удастся. И значит, наука прикладного самопознания навсегда будет обречена считаться лженаукой. По крайней мере, среди тех, кому выгодно не подпускать ее к общественной кормушке, которую они захватили.

К счастью, пока мне кажется, что самопознанием все-таки будут заниматься ради себя, а не ради общественного признания и материальных благ. Оно сильно очищает от подобных желаний.

Как бы там ни было, я надеюсь, что поселил надежду в тех, кто прочитал этот раздел: мы можем знать и видеть очень тонкие, можно сказать, философские вещи и состояния. И это вовсе не тайноведение и не заумь. Это просто желание жить в действительном мире.

Однажды я позволю себе рассказать, как мазыки видели духовный состав человека, как устроены сознание и душа... Правда, этот рассказ не простой. Мой дед, оставивший мне записи о мазыкской Хитрой науке, не смог обойтись без мифологических образов. И я подозреваю, что без мифологии себя не понять. Древние видели лучше нас, и скрыли многие ключи к самому себе в образах, которые мы теперь считаем чуть ли не сказочными.

Боюсь, дальнейшее познание себя возможно только через ту землю, которая манила

наши души в детстве. Сказка ложь, да в ней урок, добрым молодцам намек...

Ступень четвертая. Духовный состав

Три предыдущие ступени - общественное тело, тело физическое и скрытое устройство тела - позволили собрать себя, обернуть взор извне внутрь, и сделали возможным рассмотреть то, что является самым трудным для созерцания - свой духовный состав.

Почему путь был именно таким? Потому что попытки созерцать такие тонкие вещи без освобождения от множественных ловушек, живущих в других телах и с другими телами, оказывается таким же трудным, как пробке нырять в воду. Образ ныряющей пробки, которую выдавливает более тяжелая и плотная вода, очень хорошо работает, но только надо делать поправку, что он как бы обратный действительности. При изучении духовного состава без очищения, я оказываюсь гораздо плотней той среды, в которую пытаюсь погрузиться своим созерцанием.

И она не выпихивает меня. Это я постоянно выскакиваю из нее, потому что меня отвлекают и притягивают какие-то вещи, оставшиеся в более плотных частях моего существа. Как вы понимаете, это либо желанья, либо потребности. И если потребности еще можно как-то удовлетворить, отвлекшись на краткое время, неисполненные желанья живут постоянно, и постоянно требуют присутствия в них нашей мыслью.

Про всяческие сумасшествия и болезни я и не говорю. Впрочем, многим сумасшедшим нравится заниматься духовными делами, и сумасшествие им не кажется помехой в этом...

Главная сложность изучения духовной ступени самопознания заключается в том, что мы не верим теперь, что есть душа и дух. Нас убедили, что это все бредни церковников. Убедили те, кто воевал с религией не потому, что знал истину, а потому, что хотел перевернуть мир, готовя отнюдь не духовные и не научные, а те самые, настоящие и очень кровавые революции, о которых мы знаем из истории. Наука как поиск истины оказалась в заложницах и служанках у политических проходимцев, которые использовали ее не для познания, а для того, чтобы перевернуть мир.

В итоге, Наука как сообщество захватила то место в обществе, которое раньше принадлежало Церкви, и стала важнейшей опорой Власти. Но для этого ей пришлось не только прямо уничтожить врага, но и менять мировоззрение народов, которые верили в богов и знали, что у каждого из нас есть душа. После падения богов последним оплотом религии осталась именно душа. Поэтому все последние полтора столетия наука вела завоевание народного сознания, внедряя в него естественнонаучные взгляды.

Именно внедряя, или "двигая в сознание", как писали в советскую эпоху. И вот мы сдались, и даже откровенная предвзятость и бездоказательность этих "научных" утверждений нас уже не может убедить, что здесь что-то не чисто.

Мне проще, я осознанно выходил из тела. Теперь у меня вызывает сомнение любое научное утверждение, которое не учитывает такой возможности. В итоге, я пришел к полному пересмотру всех научных утверждений, связанных с душой и посмертным существованием, и убедился, что все науки, хоть как-то касающиеся этого, лживы. А рассуждения ученых, пытавшихся доказать, что души нет, а есть работа нервной системы, уязвимы и не строги. Это не наука, это вера, а точнее, научная пропаганда.

Но как убедиться в этом тому, кто не был вне тела?

Есть ли хоть какие-то возможности созерцать душу и дух прямо в том состоянии, в котором мы обычно находимся?

Попытки кончаются сомнениями в себе, и нам кажется, что наука права. Душа - это всего лишь суеверие. То есть намеренная и искусственная вера в то, что желанно, но чего в действительности нет. Но это состояние живет в нас лишь до тех пор, пока мы не ставим себе осознанную задачу не принимать на веру ничего. В том числе и естественнонаучных утверждений.

Душа, твоя душа! - это слишком важно. Так же важно, как и вопрос о том, что тебя ждет в конце жизни - разложение или вечная жизнь. Ей стоит посвятить немножко своего времени. Поэтому желающий познать себя должен на этой ступени принять решение хоть однажды собраться и ответить для себя на вопрос: что же он знает о собственной душе. Право, это стоит сделать, уж слишком подло и легко мы от нее отреклись по просьбе незнакомых дяденек!

Глава 1. Душа и Дух

Что может относиться к духовному составу человека? Наша культура говорит: Дух, душа... Может ли сюда входить что-то еще? Возможно, душевность, духовная сила, дух, как состояние сознания, например, как в выражениях вроде сила духа, не хватило духа... Вот, кажется, и все.

В действительности, мы просто не знаем этой части себя и мира, и ограничиваемся тем, что услышали между делом. Почему-то мы крайне нелюбопытны в отношении собственной духовности и бессмертия. Похоже, нам слишком много били по рукам, и так отучили таскать сладости, держать ручки под одеялом и видеть собственную душу...

Народ же говорил о нескольких душах, иногда насчитывая до трех, хотя чаще видел лишь две. Но, кроме того, были такие состояния как дух, призрак, привидение, ведогонец, ерегонь. Всех их объединяет то, что они, как и душа, оказываются некими необычными телами, в которых существую Я. Все их можно назвать духами - с малой буквы, в отличие от Духа, который есть во мне. Духами в том смысле, что так их видят внешние наблюдатели.

И означает это, что по народным наблюдениям у человечества существует довольно обильная духовная жизнь не только в том смысле, в каком нас воспитала естественнонаучная и коммунистическая пропаганда - как тяга к искусству и литературе. А как мир, дополнительный к нашему, в котором мы можем жить нетелесной жизнью.

Что мы можем сказать об этой духовной жизни? Казалось бы, ничего, поскольку сами к ней не прикасались. Однако даже те, кто не помнит за собой таких подвигов, как пребывание в духовных телах, все же совсем не мало знает об этом из той самой общей культуры, в которой существует.

К примеру, мы все, оказывается, осознаем, что любой дух, призрак или привидение - это своеобразное тело. Осознаем мы это по тем признакам, что в этих телах сохраняется осознание себя каким-то Я, часто - личностью, вроде тени отца Гамлета. И мы все знаем, что призрака можно спросить, что ему нужно, зачем он пришел. Если такой вопрос ощущается возможным, значит, мы предполагаем, что для привидений существуют причинно-следственные связи, а это уже явный признак наличия разума.

Вместе же эти признаки говорят о том, что даже у духов есть некая внешняя оболочка, которую мы видим и можем считать телом, есть некое Я, которое внутри, и для содержания которого и нужно тело. И есть какое-то сознание, способное хранить образы, делающие возможным то или иное общение.

Если вдуматься, то тоже самое относится и к душе.

Когда мы говорим о призраках и привидениях, мы чаще всего подразумеваем, что это какие-то неупокоившиеся души, которые тело покинули, но в свой мир не ушли, и бродят возле людей, пока не сделают то, ради чего задержались. Так это или не так, не столь уж важно, важно пока лишь то, что таковы наши представления.

Про них можно сказать, что это дым, который не бывает без огня.

Откуда-то у нас взяли именно такие представления о душах. Конечно, можно посчитать, что они были нами восприняты вместе с воспитанием, как образцы народных представлений. Но я подозреваю чуть большее: когда некое представление приходит к нам от других людей, мы проверяем его на соответствие действительности, непроизвольно сравнивая с тем, что видим внутренним взором. И если соответствия нет, мы ощущаем, что передаем этот образ дальше, как шутку. Но в отношении души шутить получается только у тех, кто избрал видеть мир иначе.

Да и те шутят не по поводу души, а по поводу тех навязчивых душеборцев, что проскулили своим слащавым ханжеством все уши, и в действительности не ищут действительного видения, а хотят лишь подчинять своему влиянию всех, кому нужна душа. Чего греха таить - вокруг таких важных предметов, как душа и бессмертие, греется слишком много спекулянтов и хищников.

Но что будет, если попробовать просто взглянуть в собственную культуру, проверяя то, что в ней есть, на соответствие своей внутренней действительности. Это удивительное путешествие, потому что оно открывает, что мы вовсе не так уж мало знаем о том, чего "совсем нет", как нас убедили...

Глава 2. Понятие о душе

Наука приучила нас к мысли, что души нет, а есть какие-то до неестественности естественные проявления телесности, которые мы называем душевными проявлениями. Следовательно, когда нечто являет себя так, что мы ощущаем это явлением душевным, мы должны понимать, как люди образованные и прогрессивные, что в действительности так являет себя тело...

Иными словами, души нет, а есть лишь способ говорить о некоторых телесных явлениях, которые как бы не узнаются телесными, а узнаются нетелесными, но на самом деле все же телесны, а остальное - самообман. Поддержанию этого странного и болезненного способа видеть мир способствует и специально созданная для этого наука, именуемая себя наукой о душе - психологией. Ее задача - объяснить безграмотной народной массе, что души нет, а есть лишь предрассудки, возникшие из непонимания действительного устройства тела. В частности, из незнания работы нервной системы...

Основной способ дать понятие о душе для всей научной психологии отражен вот в таком определении, созданном в советское время:

Душа - понятие, отражающее исторически изменяющиеся воззрения на психику человека и животных.

Любой человек, внимательный к своему родному языку, заметит, что сказать о душе, что она - понятие, значит, отнять у нее собственное существование, и записать в число воззрений, представлений, суеверий. Попросту, сделать душу не душой, а образом, который был придуман.

Поэтому, я надеюсь, для всех читающих эту книгу будет отчетливо видна разница между выражениями "понятие о душе" и "душа есть понятие".

Для того, чтобы говорить о любой вещи, о любом существе или явлении действительности, нам надо иметь о нем понятие. Когда есть понятия, нам легче говорить и думать о чем-то. Но, что самое важное, - отсутствие понятия не уничтожает ту сущность, к которой оно могло относиться. Простыми словами говоря: от того, что у психологов и естественников нет понятия о душе, душа не перестает существовать.

Но стоит только сказать, что душа - это понятие, как существование души перестает быть действительным. Теперь, чтобы уничтожить душу достаточно уничтожить или подменить понятие. К примеру, берем и говорим: все народные понятия души - лишь суеверия, а действительное понятие души - это понятие о психике, - и души больше нет. Для того, кто примет такую подмену, конечно.

Душа при этом у него, конечно, останется. Сколько бы ты ни отрицал солнце, оно будет существовать. Но исчезнет понятие о душе, исчезнут знания, и возможность думать и изучать. Вот так наука кастрировала умы своих последователей, лишив их языка для исследования неудобного ей предмета.

Почему?

Я уже во многих книгах писал: потому что главный враг естественной Науки - Церковь - строил свою власть на вере в богов и душу. Богов уничтожить оказалось легче, душа же жила в народном сознании на уровне ощущений и понятий. Их пришлось вытравливать долгой антирелигиозной пропагандой, направленной против суеверий и мракобесия. Как странно! Враги души выступали борцами против мракобесия!..

Как бы там ни было, но мы должны понимать: есть душа, и ее можно изучать прямо, наблюдая или созерцая. А можно опосредованно, через те представления и понятия, которые у нас всех о ней имеются. Прямое созерцание - путь Общей психологии в смысле науки о душе. Созерцание через представления и понятия - пусть психологии культурно-исторической.

Прямое созерцание кажется предпочтительней, но очень трудно в исполнении. Мы потеряли культуру подобного созерцания и не знаем, как это делать. Созерцанию надо учиться. Но зато мы можем начать с более простого, хотя и трудоемкого. Мы можем научиться судить о предмете, отбрасывающем тени, по этим теням. В случае с душой и духом, по их проявлениям в нашем сознании.

Этот путь хорош еще и тем, что он вобрал в себя множественные наблюдения, сделанные миллионами наших предков. Эти наблюдения отложились в наших понятиях и представлениях, и живут в языке.

Часть представлений, безусловно, фантастична. Часть по видимости соответствует действительности, но не является истинной хотя бы потому, что человек лишь повторяет то, чему верит, но не испытывал этого сам, не видел этого. А часть - просто наблюдения, ставшие понятиями. Их отличает то, что они вызывают ощущение соответствия действительности у всех, кто сам имел сходный жизненный опыт. А таких немало.

Подобный опыт можно отбрасывать, как ненаучный. Но наука сама решает, что считать научным, то есть внутренним для науки, ей принадлежащим. И это ничего не значит для действительного исследования. Любое сообщество может объявить нечто не входящим в его понятия об устройстве мира или о том, как надо жить его приверженцу. Объявление некой сущности ненаучной, так же не уничтожает явление, как и отказ от понятия о нем. Научна душа или ненаучна, но она есть, и будущее существует только для тех, кому не удастся от нее отказаться.

Я не в состоянии создать в этой книге достаточно подробное исследование души. Это придется проделать каждому самостоятельно. Я могу лишь подсказать, как его можно делать. Подсказать же могу на основании того опыта подобных исследований, что накопил сам, пока писал книги по самопознанию и культурно-исторической психологии. Поскольку я уже много раз проделывал подобные упражнения, сейчас я приведу лишь один пример подобного исследования понятия о душе. Для этого я воспользуюсь словарем Даля.

Глава 3. Пример исследования души через понятие

Понятия, которые мы имеем о мире и различных вещах и явлениях этого мира, создаются и хранятся в нашем сознании. При этом понятия эти могут быть личными, то есть родившимися только у меня, и общими, что значит, что создатель понятия сумел поделиться им с другими людьми, и те его либо приняли, либо обнаружили в себе сходное понятие. А впоследствии нашли способ, как сделать его узнаваемым друг для друга.

Способ, как сделать понятия узнаваемыми между людьми, называется языком. Это может быть язык слов, может быть язык движений. Может быть и прямая передача образов, но до тех пор, пока я не могу это сделать очевидным, я не буду разрушать научную иллюзию, что мысль увидеть нельзя. Это слишком важная опора естественнонаучного мировоззрения, чтобы не вызывать возмущений и споров. Ограничусь очевидностями.

Итак, понятия получают обозначения или имена, выраженные либо в звуках, либо в движениях тела. Телесные языки почти не описаны за века существования науки, и, соответственно, не исследованы. Поэтому пока оставлю их в стороне. А вот словесным посвящено множество наук сразу. Сказать, что от этого стало проще понять, что такое язык и как он работает, не могу. Общее ощущение от современного языкознания, что оно сильно запуталось, и стало культовым явлением, обслуживающим лишь верующих собственной секты.

Во всяком случае, определено одно: языковеды говорят о родном языке исключительно на тайном языке своего сообщества, который непонятен русским людям. Русским же языком они владеют чуточку хуже, чем иностранные лингвисты, которые пишут о русском языке. Хуже потому, что те говорят о нашем языке на своем родном, а наши - на их языке, который им все-таки трудно дается. Поэтому они, как и все наше научное сообщество, глядят в рот иностранным старшим братьям.

Те же, кто пытается возродить русский язык, в сообществе лингвистов не уважаются, потому что сообщество это создавалось не ради русского языка, а ради науки о русском языке.

Поэтому, показывая пример работы с понятием о душе, я не буду забираться в языкознание. Я ограничусь самым простым: я покажу, как использовать для подобного исследования записи понятий, сделанные в Толковых словарях. В частности, воспользуюсь словарем Владимира Даля.

Исследование записи понятия в словаре ради самопознания коренным образом отличается от обычного чтения подобных словарей. При обычном чтении мы, вольно или невольно, продолжаем познавать мир, и поэтому мы пытаемся понять, что говорится в словарной статье, и запомнить ее. По крайней мере, создать себе образ о том явлении, которое описано в словаре, и сохранить его. Это познание мира. Оно направлено наружу,

вовне.

При самопознании ты направлен внутрь, в себя. И тебе вовсе ни к чему загромождать себя новыми знаниями и напрягать память. Тебе достаточно научиться с помощью читаемого вглядываться в себя, проверяя, есть ли в тебе то, что описано. Это суть культурно-исторического подхода в психологии. Зная себя, как члена определенного общества, ты изначально предполагаешь, что в тебе должна жить культура твоего общества, твоего народа. Если это так, то любое общенародное понятие должно у тебя уже быть в виде соответствующих образов, хранящихся в сознании. Их не надо запоминать, их надо просто разглядеть.

Для этого ты берешь словарь, и читаешь его статьи так, чтобы проверить: отзываются ли они в тебе. И если отзываются, позволяешь себе высказать то, что отзывается. Словари пишут кратко, лишь намечая грани понятия, но чтобы восстановить понятие в его полноте, надо развернуть все эти грани так, как они уложены лично у меня. При этом надо учитывать, что какие-то черты явления у меня могут быть полней, а каких-то будет не хватать.

Это важно отметить, потому что в этих отличиях скрывается история того, как лично я обретал то понятие, которое считается общим для моего народа. Иными словами, именно в отличиях с общим для всех русских понятием, к примеру, души, скрывается для меня путь к себе.

Итак, Владимир Иванович Даль. Душа. Даль передает то, как видит душу русский народ в середине девятнадцатого века. До того, как она стала считаться понятием.

Душа - бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею...

Душа - это существо. Это соответствует моему пониманию душ, как тех духов, оставшихся после смерти бродить в местах, где они жили. Иными словами, я могу существовать как в теле, так и в душе, и при этом я сохраню разум и способность самостоятельно решать, что мне делать.

Правда, для меня понятие существо несколько неуютно, поскольку как бы отрывает душу от Я, делая ее не телом, в котором Я живет, а существом, обладающим Я. Но для себя я понимаю: душа моя, значит, она принадлежит мне, существом является не она, а я, когда нахожусь вне тела, выйдя из него душой. У меня был такой опыт, и я понимаю, что если бы меня кто-то увидел так снаружи, то не узнал бы, и сказал бы другим, что видел духовное существо. Но видел-то он меня! И существом этим был я, а не душа.

Душа моя была лишь моим телом для того состояния. Но я точно владел тогда разумом, потому что думал, и я был самостоятелен, я сам решал, что и как делать...

Душа ...в общем значении человек, с духом и телом; в более тесном: человек без плоти, бестелесный, по смерти своей; в смысле же теснейшем - жизненное существо человека, воображаемое отдельно от тела и от духа, и в этом смысле говорится, что и у животных есть душа...

Вот это, пожалуй, очень верно передает мои собственные представления о себе и о своей душе. Главное, что, говоря о душе, я действительно имею несколько понятий. Одно относится к моему обычному состоянию, когда я в теле и совершенно не ощущаю никакой души. Но зато отчетливо вижу, что веду себя таким образом, будто что-то во мне определяет, что приемлемо, а что неприемлемо. И тогда у меня может вырваться: душа не принимает. Или наоборот: это мне по душе.

Это можно назвать одной душой, одним понятием о душе. Именно на него попадает естественнаучная психология, пытающаяся приписать такие "душевные проявления" работе нервной системы, как способу приспособления к условиям внешней среды, в которой надо выживать телесно. При этом психология совершенно выбрасывает из рассмотрения второе понятие, имеющееся в народе: душа - это тот же человек, но по смерти, когда ушел из плоти и нервной системы.

Естественники про это приводят, на их взгляд, убийственный довод: мы сами этого не испытывали, и приборами не фиксировали. А дети в подобных случаях закрывают ладошками глаза и говорят: тебя нет! И пребывают в совершенной уверенности, что мир именно такой, каким они его хотят...

В действительности же множество людей и сейчас и за всю историю человечества

переживали внетелесные состояния вплоть до временных или клинических смертей, ощущая себя без плоти, и видели в мгновения просветлений других в духовных телах. Это можно не принимать в рассмотрение, но можно и исследовать. Тем же, кто все это испытал, доказывать ничего не надо, они знают: в теле ты ощущаешь себя точно так же, как и в духовном теле - просто собой.

Но вот вопрос: то, что откликается на события внешнего мира душевными движениями, - это то тело, в котором я обнаруживаю себя после смерти? Или же это нечто внутри него? Иными словами, способность душевного отрыва принадлежит той оболочке, в которой я обнаруживал себя, выйдя из тела, или же та душа, в которой я переживу свою смерть, еще не вся душа, то есть не простое и единственное существо, объясняющее все мои понятия о душе?

Или же душевные движения - это лишь то, как я ощущаю движения этого духовного тела внутри моего собственного? А оно так устроено, что отзывается на обиды и радости не просто мыслями или чувствами, а именно движениями, которые я лишь принимаю за чувства? Условно говоря, когда я говорю, что тянусь к кому-то душой, это лишь способ передать чувство приязни, или же действительно мое душевное тело пытается сквозь телесную оболочку дотянуться до того человека, что мне приятен?

Пока я не знаю ответов.

Душа также душевные и духовные качества человека, совесть, внутреннее чувство...

Похоже, позволяя себе просто выплескивать из себя то, что хранится во мне как понятия о душе, я каждый раз сам добираюсь до следующего понятия, описанного словарем, как народное понимание души.

Я ничего не могу добавить к тому, что уже сказал об этом выше: мне нужно понять - душевные движения, это внутренние чувства, или же это действительные движения души, как некоего тела, способного двигаться и когда покинет мою тель, и прямо сейчас, внутри тела, что я и ощущаю как постоянные изменения ощущений в моей груди. А их испытывали все - от щемящей боли, до радостного тепла...

Душа есть бестелесное тело духа...

Душа есть тело, в котором живет Я, и которое заполнено некой средой, именуемой Духом. Это понятие живет в нас, преимущественно, в христианском виде. Но это не значит, что у нас нет собственных наблюдений над духом и его состояниями.

Но о духе надо говорить особо...

Не буду продолжать это исследование. Думаю, что сам прием понятен, и каждый может проделать это упражнение самостоятельно, свободным от навязанных мною образов.

Глава 4. Созерцание души

Мы можем исследовать понятия, например, имеющиеся у нас понятия о душе, а можем исследовать саму душу. Безусловно, начать надо с понятий, просто затем, чтобы устранить эту помеху. Все понятия, как и представления, воззрения, суеверия и вообще образы являются лишь тем, что закрывает от нас предмет, к которому они относятся. В лучшем случае понятие позволяет узнать то, о чем оно. Но уже в следующий миг после узнавания, образ набрасывается нами на предмет, и закрывает его от прямого созерцания. И дальше мы видим предмет только сквозь образ...

Видеть предмет сквозь его образ, не значит, не видеть его, но образ накладывает свои ограничения на видение. Вернее, он предписывает, как видеть. А как, собственно говоря, надо видеть? Видеть надо по-человечески!

Пропустив говоря, видеть нас учат так, чтобы в нашем видении был смысл. А смысл - это то, что связывает нас с людьми, с обществом и делает одним из них, делает человеком... Если видение бессмысленно, оно отбрасывается. Но осмысленное видение - это видение выборочное, выделяющие из всего обилия черт те, что полезны для общения, что отзовутся у других и будут ими оценены. Оценены... как вы слышите, в этом присутствует какая-то торговля. Самым простым образом это можно передать так: мы видим так, чтобы можно было продать наше видение другим.

С того мгновения, как естественная наука ввела свои ценности, видение души

обесценилось, и люди разучились ее видеть...

Следовательно, для того, чтобы научиться созерцать душу прямо, сначала надо освободиться от естественнонаучного мировоззрения. Это не значит, что надо потерять разум и начать верить во всякую чушь, которую наука объявила шарлатанством или бредом. Естественнонаучное мировоззрение вовсе не так уж плохо, и науку надо ценить, поскольку она сделала много открытий настоящего, действительного мира.

Надо лишь осознать, что при этом Наука была вовсе не поиском истины, а сообществом людей, стремившихся завладеть этим миром, сообществом революционеров, которые избрали естествознание символом своей веры, способной уничтожить религию. Соответственно, в естественнонаучном мировоззрении есть соответствия действительности, а есть смыслы и ценности, которые предписывают как возрывать на мир "естественно".

И первое, что стоит разрушить, - это доверчивое допущение, что "естественность" естествознания естественна, что она имеет отношение к природе. Понятие "естественность" рождалось лишь как противопоставление божественности. Религия утверждала, что мир создан Богом, французские просветители, они же - философы-дилетанты, как сами себя называли, - объявили, что могут обойтись без гипотезы бога и сумеет объяснить природу из самой себя.

Естествознание - это мировоззрение, которое не видит мир, а пытается... ПЫТАЕТСЯ! объяснять его без допущения, что есть бог и все то, о чем говорила религия. Сами творцы этого подхода, вроде Ламетри и Ламарка, "выражали уверенность", что смогут это доказать. Выразить уверенность, значит, не знать, не видеть, а предполагать...

Именно поэтому естественники так озверело нетерпимы к попыткам говорить об иных мировоззрениях, кроме своего - они верят, что правы. Иначе им будет невозможно жить, столько крови на их руках. Ее не оправдать ни одной гипотезой, ни одним благим пожеланием. В действительности, даже если мир и действительно такой, как описало естествознание, кровь, которую пролила наука, не может быть прощена. Но тут естественники готовы биться за право пускать кровь, потому что наука требует кровавых жертв. Но вот если она еще и не права!.. Тогда как оправдать проданную строителям дороги в ад жизнь?!

"Естественно" естествознания не означает "в соответствии с действительностью", оно означает лишь: без допущения бога в дела людей!

Следующий шаг, который надо проделать, - это приглядеться к тому, что происходит вокруг нас. Наука, обещавшая людям рай без бога, дала сытость, но отравила человечество и Землю. Наука теперь в служанках у собственного творения - технологии, а та в свою очередь служит Мамоне - мировому капиталу, попросту, деньгам. Вся наука ползает в ногах у тех, кто платит, и ей все равно от кого и на что брать эти деньги. Поэтому мы знаем, что ученые безнравственны и беспринципны, будет возможность, они испытают на нас любое оружие, как уже испытывали. И всё искусство переполнено образами садистов ученых, которые заложат и мир и душу за право удовлетворить свое извращенное любопытство.

Где тут истина? И где тут человек?

Истина пробивается лишь тонким ручейком сквозь эту индустрию выкачивания жизненных сил из биомассы.

А чтобы самих ученых не мучили угрызения совести, нужно, чтобы биомасса была не равна самому ученому. Для этого ей нужно отказать всего лишь в одной вещи - в наличии у нее живой души. А в том, что разум есть только у интеллектуалов, ученые и сами не сомневаются.

Вот это надо увидеть и осознать: для ученых-естественников принципиально важно, чтобы у подопытных тварей не было душ. Даже последнему негодяю не так просто глядеть в глаза одушевленному существу, выпуская из него кровь, проверяя на нем новые химические вещества, ломая его в физических экспериментах, круша военной техникой... Человек просто должен быть бездушным, чтобы с ним можно было делать то же самое, что и с подопытными лягушками. Иначе как-то неловко бывает по вечерам, когда слышишь дикие крики боли по телевизору...

Да ведь и помирать однажды придется... а вдруг на суд призовут. Не совести, конечно, ее еще иметь надо...

Для того, чтобы научиться созерцать душу, надо убрать из себя ужас перед той травлей, которая велась целых полтора года по отношению ко всем, кто не хотел отречься от души. Мы просто боимся быть осмеянными, наши родители боялись, что им не занять те места в обществе, куда они стремились, если про них начнут распускать слухи, что они веруют в душу. Многих сажали в лагеря, запирали в психушки. Всего лишь за то, что они пытались бороться и отстаивать свое право жить в соответствии с собственным мировоззрением.

Не буду вдаваться в примеры, вы их найдете, если захотите поискать. Но в России вытравили все, даже знахарство преследовали в судебном порядке. У нас перевели не только колдунов, но и тех бабушек, что заговаривали пупки и грыжи, вывели даже повитух, принимавших роды. Люди боятся рассказывать этнографам не только о том, что что-то еще умеют из древних знаний, но и о том, что видели. Опасно... затравят...

И это все сделано научным сообществом из соображений прогресса, - попросту: заботились о народе, хотели создать ему лучшую жизнь, рай при жизни... Только не так, как он сам хотел, а так, как мы это себе представляли, в соответствии с лучшими образцами европейской научной мысли. Прогрессоры!..

Если хотите прямо видеть души, от прогрессорства, как составной части естественнонаучного мировоззрения надо освободиться. Человек имеет право жить так, как хочет его душа.

И тогда вам сразу станет проще: признав за человеком такое право, ты признаешь и право на душу. Она становится видна. Просто потому, что теперь ты готов ее увидеть, готов рассмотреть такие движения, которые можно назвать только душевными. Ты открыт для восприятия, и это начало искусства созерцания.

Глава 5. Второе созерцание души

Чтобы видеть душу, надо иметь готовность и раскрытость сознания для подобного созерцания. Но этого может не хватить. Одного желания мало, надо уметь. И это вовсе не простое искусство, которому можно научиться, просто сделав усилие или несколько упражнений. Попробуйте сделать усилие и несколько упражнений, чтобы научиться видеть, к примеру, воздух. Или нырните, и попробуйте увидеть воду...

Душа - это так же привычно, как и тело, разве мы видим его? Мы видим руки, ноги, иногда живот... но не тело. Мы видим только кусочки тела, которые оно являет нам. Чаще мы тело чувствуем, потому что оно болит или ему неудобно, неуютно.

Душу видеть так же трудно, поскольку мы внутри нее, как и внутри тела, и еще трудней. Тело постоянно перекрывает душу просто потому, что оно исполняет все ее повеления. Душа двинулась, и в теле родилось движение. Не будь этого, мы, возможно, могли бы увидеть вылезавшие из тела то тут, то там душевные руки и ноги, а то и живот... Но вот беда, душа - источник не только жизни, но и движения, и тело тут же воплощает все эти душевные движения, так что там, где должна была бы оказаться душевная рука мы в тот же миг видим свою телесную руку, а там, где душа собралась двинуть ногой, она движет ногой моего тела...

Это так привычно, что легче видеть воздух, отделить душу от тела чрезвычайно сложно даже в созерцании. И не случайно христианство утверждает, что человек - это не то, что переживает смерть тела, а душа и тело вместе. Действительно, человек после смерти тела уже не человек, даже если и помнит все, что знал до этого. Это уже дух...

И все же, лучший способ созерцать душу - выйдя из тела. Как кажется. Теоретически, как говорится.

У этого способа лишь два недостатка.

Во-первых, это уж очень не просто. И я считаю огромным везением то, что мне это удавалось, несмотря даже на то, что я знал, как это делать.

Во-вторых, и это ужасно печально. Оказавшись вне тела, ты больше не сомневаешься, что его смерть можно пережить, но не обретаешь ни малейшей уверенности, что то, в чем ты себя обнаруживаешь висящим в пространстве, и есть душа.

Я помню это состояние, когда я вдруг ощущаю, что начинаю подыматься в постели,

будто решил сесть. И ощущение это совершенно телесное, настолько телесное, что вызывает замешательство чувств: я же знал, что выхожу из тела, но уж слишком определенно эти ощущения поднимающегося тела схожи с теми, что бывали, когда я вставал телесно.

И лишь в следующий миг, когда оказываешься висющим где-то сбоку от кровати, да еще поперек тела, понимаешь, что ты вышел, и под тобой пол и где-то сзади тело... А ты совершенно спокоен, только восприятие будто нарушено, мир не такой, как если бы ты смотрел глазами, хотя в точности такой, как если бы ты пытался ходить завязав их. Он узнается, но как-то иначе, чем если бы ты вспоминал зрительное восприятие...

И вот это важная подсказка.

И то, как он узнаваемо неузнаваем, и то, как телесно это ощущение подъема над телом.

Ты выходишь в ином теле, назову его условно душой. Душой лишь в том смысле, в каком душой называют то тело, которое переживет смерть. Боюсь, что при этом оно не покрывает всех значений понятия "душа", какие успело накопить человечество. Подозреваю, что под именем души мы знаем гораздо больше, чем в состоянии вместить это духовное тело. Подозреваю, но пока не могу этого рассмотреть, не вижу...

Как бы там ни было, ты выходишь душой из тела, и замечаешь, что все так же, как и раньше, но как будто бы чего-то не достает. И это очевидно: недостает телесного восприятия. Но самое важное скрывается в этом: все так же!

Всё всё так же! Всё всё так же потому, что душа и ее восприятие постоянно присутствовали внутри того, что мы считаем телесным восприятием. Буде это возможно запустить тело без души в работу и посмотреть, как оно воспринимает, и мы бы поразились: в его восприятии тоже не хватает какой-то важной части. Как раз той, что сохраняется, когда я вышел из тела духовным телом.

И это не малая часть. Вот то самое удивительное ощущение телесности при подъеме в постели, что я испытал, в действительности означало, что каждый раз, когда я из лежачего положения подымаю себя в сидячее, я подымаю сначала духовное тело, и оно передает воздействие и движение на тело вещественное. Поднимаясь обычно, я думаю, что ощущаю телесные ощущения подъема, а на самом деле я ощущаю сразу и ощущения телесные и духовные или душевные. Но не различаю их.

И когда я смотрю глазами, я не только зрю окружающее. Но одновременно я вижу его и оком души. Как если бы телесные глаза были завязаны, но я бы помнил эту комнату и ощущал ее, двигаясь.

Кстати, именно на этой нашей способности основана была в любках работа в темную. Меня обучали ей, и я много лет передаю это искусство любошникам. В этом нет ничего невозможного или чудесного. Наоборот: это естественно!

Для нас естественно видеть без глаз, но это видение совсем не похоже на зрение. А мы знаем, что кроме тела ничего нет, и потому не способны его распознать и использовать. Мы просто не позволяем себе этого, чтобы нас не засмеяли и не затравили.

Но оно есть, есть...

Глава 6. Третье созерцание души

При определенных обстоятельствах мы можем выходить из тела и наблюдать себя в этом состоянии, которой можно назвать душевным в чистом виде. Но это трудно и удается немногим и редко. Надеяться на это можно, но рассчитывать не стоит. Надо искать способы созерцания души попроще. То, что я считаю третьим способом созерцания, я бы назвал случайными странностями.

У каждого человека за жизнь накапливается какое-то количество неожиданных и необъяснимых наблюдений за своими собственными состояниями. Их бы, конечно, стоило собрать и обобщить, что дало бы возможность вести исследования. Я надеюсь, эта моя глава послужит призывом для тех, у кого бывали подобные состояния, сделать их описания и выслать мне для публикации. Тогда станет возможным исследование и понимание.

Пока же я хочу лишь дать несколько примеров, чтобы возбудить желание наблюдать за своей скрытой жизнью. Примеры эти, можно сказать, случайны. Просто я в течении нескольких лет веду "дневники самонаблюдения", куда записываю все странные

происшествия, которые со мной случаются. Некоторые из них отчетливо осознаются мною относящимися к душе. Значит, мое понятие о душе как-то их узнает. Некоторые же я вижу очень странными, но не могу утверждать, что речь идет именно о душе.

Например, я помню, как несколько лет назад я проснулся утром, лежа лицом вниз. Я проснулся, но какое-то время не открывал глаз, додремывая. И вдруг я осознаю, что мое тело лежит лицом кверху! А я в нем лежу лицом к его затылку!

Это потрясло меня сразу. Как я перевернулся и восстановил свое единство, я сейчас не помню, но помню только, что потом до меня докатилась вторая волна потрясения: я отчетливо осознавал себя телом, лежащим внутри тела...

Думаю, это то же самое тело, в каком я позже выходил из физического тела. Но я не могу утверждать, что это душа. Никаких узнаваемо душевных движений я не совершил. Я только испытывал удивление от необычности своего положения. Как при выходе из тела я "думал" и "понимал". Это значит, что, находясь в духовном теле я сохраняю способность думать, понимать и удивляться. А также способность ощущать себя неким телом. Это определено. Всё остальное надо исследовать.

Другой случай, произошедший со мной в январе 1002 года я просто перепечатаю из собственного дневника, как записал его тогда. В это время я как раз осмысливал мазыкскую науку о снах, называвшуюся Ведогоныю, что объясняет некоторые странности записи.

"Сегодня был у меня странный сон. Точнее, нечто, начинавшееся во Сне и глубокое Дреме. Я имею в виду Сон, как пространство, куда уходит Душа отдыхать от тела. Начиналось все, как сон, но, видимо, вернее было бы назвать это видением. И видится мне некое место, где находятся какие-то странные, слегка светящиеся существа. Не много.

Я тут же понимаю, точно сам себе говорю, что это какая-то поляна или пустырь, где-то не слишком далеко от моего города, чуть ли не за соседними домами, недалеко от помойки. Далее, мой голос сообщает мне, что здесь они собираются, чтобы наполняться лунным светом...

И тут дикий и даже панический страх наполняет мою душу и она стремительно мчится в тело. Я же при этом выхожу из сна и спокойно и с некоторым даже удивлением наблюдаю, как меняются мои ощущения. Что-то происходит в груди, нет других слов, кроме как сказать, что душа там сжимается и прячется.

При этом самое отчетливое и яркое впечатление остается от ощущения сжимания какого-то кольца между лопатками. Словно какой-то большой сфинктер суживается и закрывается прямо посередине спины. Размером он вначале чуть не с половину спины, но сжимается постепенно, как бы в несколько движений, до размеров чайного блюдца или чуть меньше.

Наверное, я испытывал и Сивон - так мазыки называли особый озноб, возникающий при соприкосновениях с духовными сущностями, - но точно не помню, потому что все еще находился в Дреме, а не в совсем пробужденном состоянии. Впрочем, из Дремы я, похоже, тоже вышел, потому что открывал глаза и осматривал комнату.

Что меня поразило после того, как отошли все эти ощущения, это удерживающееся чувство страха. Я вдруг обнаружил, что лежу с закрытыми глазами и боюсь их открывать. Естественно, как только я это осознал, тут же открыл глаза и осмотрелся. Комната была пуста. Но, во-первых, я почувствовал отчетливое внутреннее сопротивление тому, чтобы открывать глаза и смотреть. А, во-вторых, осматриваясь, я явно ожидал увидеть висящее в воздухе светящееся существо, размером с человека...

Помню, что рассуждения, которые я в это время вел с собой, были удивительного качества. Мысли не летели обычным потоком, а текли медленно и четко... Я мог легко остановить мысль и продолжить ее. Это меня удивило и вызвало подозрения - все ли правильно с моей способностью думать? Но потом пришла мысль, что так безопаснее, так "лунным световикам" труднее меня услышать, и я успокоился и продолжил думать. Сейчас я понимаю, что я всего лишь наблюдал за тем, как течет думание в Дреме, но тогда я этого явно не осознавал.

Думал же я о том, почему душа так боится этих существ, кто они такие, и почему надо от них прятаться.

Первая же мысль была такой: как это ни поразительно, но, хоть я ничего и не помню, но

моя душа явно сталкивалась с ними раньше и знает, что надо прятаться. Судя по всему, единственное её средство защиты - сделать так, чтобы тебя не заметили. При этом тело, то ли достаточно надежная, то ли единственная защита души и место, где надо прятаться. Как ракушка, в которой можно захлопнуть створки.

Тогда у меня родилось имя для этих существ - Лунные пожиратели душ..."

Я не буду приводить эту запись полностью, опущу размышления о возможной природе подобных существ и свои предположения о том, что моя душа могла помнить столкновения с ними, а я забыл... Важно в этой записи лишь то, что этот странный опыт позволил мне разделить себя не только с телом, но и с душой. Я почувствовал, что я - не только не тело, но и не душа...

"Но как бы странно и страшно это ни было, у меня родилось поразительное ощущение свободы даже от собственной души. Впрочем, как и поразительные возможности для исследования того, как же устроен человек да и сама жизнь в этом мире"...

Глава 7. Телесно-нетелесные ощущения

В предыдущем рассказе мне особенно важно показать то, что мы все время от времени испытываем самые странные ощущения в собственном теле, вроде этого сжимающегося кольца на спине. Или зуда в отсеченной конечности.

Довольно часто в минуты душевных волнений все люди начинают ощущать, что где-то внутри тела появляется дрожь. Определить точное место дрожания невозможно, потому что нельзя понять, какая мышца дрожит. А дрожать в теле могут только мышцы, это мы все знаем из науки.

Однако иногда это дрожание появляется там, где по нашим анатомическим понятиям должна быть пустота - внутри желудка или легких. И даже когда дрожит внутри кишечника, который весь заполнен, все равно непонятно, что там может дрожать. Поэтому мы стараемся объяснить себе это ощущение чем-нибудь привычным: я струсил, это дрожь от страха. Или от волнения. И успокаиваемся.

Но это лишь отмазка, отводящая нам глаза, а не ответ. Даже если я струсил, то что может дрожать внутри кишечника? Или в легких?

Если в отношении странного сжимающегося кольца у меня на спине или внутри спины я ничего определенного сказать не могу, то о природе странной внутренней дрожи у меня есть вполне определенные знания. Их давали мазыки, и я их много лет подряд проверял.

Это ощущение дрожи нетелесно. Дрожат места, как-то связанные с устройством не самой души, а ее жилища внутри тела. Это жилище называлось Волохой и является некой внутренней оболочкой, вложенной в тело. Волоха крепится к телу, а точки прикрепления являются связями, передающими воздействия души на тело.

Назывались они Стогнами.

Стогны - это общее название всех этих связей. Но все они имеют имена. Стогна в промежности называется Промежек. Стогна в Пузе - Живот. Стогна, совпадающая с солнечным сплетением - Ярло. В середине груди находится Серeda или Середка. Ее же могли называть Сердцем, что то же самое. В Сердце живет Душа, а в Животе - Жива. Далее идут Горло, Чело и Макушка или Макошка.

Все стогны можно ощутить и заставить дрожать, то есть отзываться, если направить на них поток созерцания. Но зачем это делать и как, я говорить не хочу, потому что это все выходит за рамки этой книги.

Пока мне достаточно показать, что анатомио-физиологическое знание тела - это знание мертвое, трупное, и потому далеко не передает всего величия и красоты того места, в котором мы живем. Но рассказывать о скрытых составах тела есть смысл только тем, кто накопил достаточный опыт различных ощущений, который позволит ему узнавать сказанное, а не доверять мне.

Глава 8. Четвертое созерцание души

Созерцание души, как особого тела, которое может выходить из тела физического, из Тели, а может ощущать и внутри него, возможно. Это не простое упражнение, но оно случается. И все же, когда я задаюсь вопросом: душу ли я при этом созерцал, - остается неудовлетворенность.

Вот еще один пример.

Я сплю. Наверное, неглубоко, но вижу сны. Это я понимаю чуть позже, когда приходит осознание. Я лежу на спине, слева от меня дверь. В нее стучат первый раз. Я это слышу, но не слышу. Что слышал уже первый стук, я понимаю позже, когда раздается второй, и я осознаю его. И то, что я при этом видел сны, и что был первый стук, я вспоминаю чуть позже.

В тот же миг, когда второй стук доходит до моего осознания, я замечаю, как нечто, только что погруженное в сон, живущее в нем и присутствующее всем своим естеством, словно бы оттягивается из сна через лицо вглубь тела, а там собирается в тревожный комок у левого края грудной клетки, замерев в напряженном внимании. Оно слушает стук!..

Кто оно? Душа ли это? Или же это какое-то тело, в котором лишь скрывается моя душа, еще один такой же скафандр, как и Тель, лишь позволяющий душе жить в теле? Я не знаю, я не имею достаточно определенного понятия души, чтобы узнать в том, что во мне жило и двигалось именно душу.

Что же делать?

Придется снова погружаться в источники народной мудрости, в язык, которых хранит наблюдения поколений. До этого я приводил определения души, взятые из словарей. Но определения - это попытки вполне определенных личностей передать своё понимание, это частный способ описать понятие. Именно понятие!

А люди имели не только понятия, но и наблюдения. И закрепляли их в изречениях. И там описано всё, что распознается ими как душевные движения и проявления души. Пересмотреть все подобные языковые выражения и будет способом проверить себя, узнаю ли я душу так же, как мой народ.

Итак, снова Даль.

Человек с сильною, слабою душой, или просто сильная, слабая душа...

Мне откровенно непонятно это выражение, хотя я понимаю, что в определенном сочетании с другими высказываниями, или в каком-то жизненном положении, я бы его понял. К примеру, если бы речь шла не о душе, а о человеке, который сохраняет какие-то важные качества, несмотря на давление общества или удары судьбы. Но действительно ли это относится к душе?

Думаю, да. Сила души в данном случае оказывается ее верностью тому, ради чего она пришла и живет. Верностью своему мировоззрению, ценностям и так далее. Но чтобы сделать это очевидным, придется проделать немалый путь, раскрывающий все понятия, составляющие скрытую часть этого высказывания. Для меня оно не очевидно, и я его пропускаю.

Взять что-то на душу, на совесть; принять в чем-либо клятву, присягу; ручаться. Взять грех на душу, сделать что-либо самоуправно, приняв на ответ.

Взять грех на душу, - это так знакомо и, как кажется, понятно. Преступление против совести, это всего лишь преступление против "совместной вести", то есть против того, что люди нашего сообщества договорились считать недопустимым. Но при этом оно каким-то необъяснимым образом ложится грузом на душу. И я это чувствую. Вот это я чувствую. И знаю.

Это действительно показывает душу, потому что я ощущал изменения состояния, когда совершал подлые поступки и даже когда лишь обдумывал, не совершить ли их. При этом тяжесть эта была не умственная, она вполне "телесна", потому что я ощущаю, как сжимается что-то в моей груди, и не дает мне дышать свободно. Будто этот груз действительно давит на душу и не дает ей дышать полной грудью, а она, в свою очередь, передает это состояние на тело. И тело начинает немножко умирать...

В нем много души, в его сочинениях много души, чувства...

Душа как чувство. С душою написано, с душою сделано. Мы узнаем сделанное с душою, хотя не сразу понятно как. Возможно, у сделанного с душой есть какие-то внешние признаки, вроде тщательности отделки. Но когда говорится, что в его сочинении много души, это не об отделке и не о старательности. Для русского это, скорее всего, означает, что

писалось это с болью, которая рвалась из души писателя.

Чувство, которого много в русских книгах, это почему-то всегда боль. Или печаль. Но ее трудней рассмотреть как чувство, про которое можно сказать: много души вложил. Русский писатель вкладывая душу, либо пишет о гибели Земли русской, либо показывает что-то прекрасное, как пример того, что мы могли бы еще жить. Но за этим печаль, потому что могли бы, да не живем...

Русский писатель - это человек, чья душа болит за Россию. И это чувство он и выкрикивает миру...

Быть душою беседы, главным двигателем ее...

Тут, как будто все ясно. Это лишь образное выражение, но образ этот доступен пониманию. Глядя на "беседу", мы в действительности видим сообщество. Сообщество же, как и весь народ или толпа, всегда воспринимается нами существом, имеющим свое тело... и душу!

Это означает одно: мы никогда не теряли видения одушевленных тел, как тел, в которых живет душа, которая ими и движет. И стоит нам увидеть образ какого-то тела, пусть общественного, как мы начинаем прозревать в нем душу. И ведь она действительно есть - это душа того человека, который увлек всех, почему и ощутился душой общества.

Но то, что он стал двигателем толпы, мне не важно, важнее то, как он им стал. Ведь он увлек не тела, он увлек души. Для этого он предложил некий способ общения или его предмет, который стал всем любопытен, захватил не только их внимание, но и вызвал душевный отклик. Это значит, что душа беседы не только предлагает темы, но предлагает их так, что остальные души оказываются захвачены и увлечены...

Как видите, само языковое описание того, что делают души, является описанием неких тел. Просто тел, хотя и духовных, которые захватывают и захватываются, увлекают и увлекаются...

Душа-человек прямой и добродушный, откуда и привет: душа моя...

Душа пряма и прозрачна, личность хитрит, изворачивается, лжет... И мы всегда чувствуем, когда проходим не по душе, то есть не так, как это ей нравится. Мы видим это и всегда умеем распознать это душевное движение, которое можно назвать: не нравится, не по душе!

Какой огромный путь для исследования души открывается через эти простые слова: душа пряма и незлоблива. Что значит пряма? Как это свойственно природе души? Это относится к тому телу, которое легко увлекается образами, и летит к ним прямо, как видит? А личность ее останавливает и говорит: не всегда прямой путь к желанному самый короткий, давай-ка, душенька, схитрим, если действительно хочешь достичь этого.

И душа сжимается, сгибается и течет по кривой, понимая, что надо учитывать условия жизни в этом мире. По прямой короче, да не всегда доступно...

Что это дает мне? Еще одно подтверждение, что душевные свойства, чувства и порывы, все же есть лишь отражение того, что душа, как духовное тело, чрезвычайно легка и подвижна, и не умеет тянуть с исполнением желаний? Она просто срывается с места, как только видит то, что желает, и летит в единой порыве...

Мы же притормаживаем ее, и говорим себе: вижу, как моя душа рвется навстречу мечте, но вынужден сдерживать ее порывистость, чтобы она не уничтожила этим мое тело. Душа моя молода и отзывчива, надо ее обучать...

И вот наша жизнь превращается в борьбу с порывами души, чем, кстати, так много занимались христианские аскеты и йоги, обуздывая свои души и обучая их отказываться от желаний. В итоге, души наши меняются. Не скажу, черствеют, но становятся беспристрастней и, наверное, чище...

Это всего лишь пример, пример упражнения на созерцание собственной души. Он не доказателен. Пока. Чтобы он стал бесспорным, надо повторить его много-много раз. И каждый, кто решил познать себя, должен будет делать это упражнение, пока вдруг однажды не осознает, что отчетливо видит свою душу и умеет жить ею прямо внутри собственного тела.

Часть вторая. Дух

Глава 1. Археология понятия о духе

Все мы имеем какое-то понятие о духе, во всяком случае, мы понимаем и узнаем что-то, когда речь заходит о нем. Но что мы понимаем? И что узнаем? Да и откуда пришли нам эти знания?

Явно не из словарей, почему-то никакого желания смотреть в словарях, что такое дух, у русского человека нет. Как я это ощущаю, потому что словарь о таком предмете ничего нового ему сказать не может. Своих внутренних знаний ничуть не меньше, чем дает словарь. Да и не ожидается, что словарь может что-то сообщить тебе о духе. Вот о духовности, безусловно!

Почему так?

Как я это вижу, потому что мы все чувствуем, что словарям надо доверять избирательно. Они, все-таки, слишком научны, что значит, писались по заказу науки. И им не к лицу распространять действительно глубокие знания о таких предметах. Зато словари, опять же как творение научное, являются орудиями насаждения общественного мнения, и потому хороши для вхождения в общество или научное сообщество. Поэтому они не столько рассказывают, чем являются предметы действительности, сколько объясняют, что надо понимать под тем или другим словом, чтобы тебя принимали люди образованные и околонучные.

Вот и "духовность" словарей - это не действительная духовность, а то, что надо понимать под ней, чтобы выглядеть современным и прогрессивным. Поэтому было бы бессмысленно искать определение понятия "дух" в психологических словарях. По крайней мере, в прежних. Они решали не научные, а общественные задачи, поэтому душу определяли лишь как понятие, а о духе не говорили совсем. Зато говорили о духовности:

"Духовность - с материалистической точки зрения духовность обозначает индивидуальную выраженность в системе мотивов личности двух фундаментальных потребностей: идеальной потребности познания и социальной потребности жить, действовать "для других"."

Духовность, как выражение социальной потребности, это как раз стремление видеть за духом лишь то, что нужно обществу. Духи, как понимал и видел их народ, для "научной" психологии просто не существуют, поскольку она - продолжение физиологии и естествознания, то есть мировоззрения, исходно решившего попробовать обойтись без подобных гипотез.

То, что словари выражают мнение своих сообществ или сообществ, к которым хотело примазаться создавшее их научное сообщество, может показаться надуманным. Но всмотритесь в определение психологов: с какой стати им говорить о "материалистической точке зрения"? А с той, что психология в Советском Союзе долго была на грани запрета, почти как кибернетика или бионика. И психологи старались забраться под крылышко философам.

Философы же той поры ощущали, что никакой психологии нет, и потому вынуждены были работать за них. Поэтому философское определение духа в "Философской энциклопедии" 1962 года выглядит психологическим:

"Дух - совокупность и средоточие всех функций сознания, возникающих как отражение действительности, но сконцентрированных в единой индивидуальности, как орудие сознательной ориентации в действительности для воздействия на нее и в конце концов для ее переделывания. Таким образом дух не есть только простая совокупность функций сознания, что делало бы его пассивным орудием, но он - активно действующая сила человека".

Откуда философы взяли это маловразумительное и даже отталкивающее определение? Тут потребуются провести, условно говоря, археологические изыскания. И поможет в этом словосочетание "совокупность функций сознания".

Словосочетание это подхвачено было советскими философами из физиологии начала прошлого века. И свидетельствует о том, что у советских философов не было собственного понятия о духе. Не было и не должно было быть! Просто потому, что дух - понятие идеалистическое, а философы наши были материалистами по душевно-партийному выбору.

И их определение духа - лишь одно из возможных, а значит, определение сообщества, а не науки. За ним - лишь подсказка, как должно себя вести в философии хорошим мальчиком и девочкам.

Эту слабость советской философии отчетливо понимали в те же шестидесятые годы другие науки, что с очевидностью проступает в определении духа, созданном для нужд воинствующего атеизма главным советским религиоведом той поры И. Кривелевым:

"Дух (греч. Pneuma, лат. Spiritus, нем. Geist, франц. Esprit) - в философском смысле - понятие, тождественное сознанию и противопоставляемое природе, материи; в историко-религиозном смысле - сверхъестественное существо, один из основных объектов веры во всех известных нам религиях. Вера в духов возникла еще в первобытном обществе и в дальнейшем составляла важный элемент всех религий.

Распространенное в буржуазной философско-идеалистической и религиозной литературе толкование духа как бесплотного существа не соответствует действительным представлениям верующих. Последние обычно считают дух существом лишь меньшей материальной плотности и телесности, чем тела природы, обладающей большей подвижностью и проницаемостью, а также рядом сверхъестественных свойств, одно из которых - его меньшая, чем у обычных тел, доступность для восприятия нашими органами чувств".

Итак, дух для философа - это одновременно понятие и совокупность функций, составляющих сознание, то есть всё, что угодно, только не дух. Откуда это? Из дешевых научно-политических агиток, которыми научное сообщество готовило революции в России, ломая прежнее мировоззрение народа. Выходило их множество, издавались они дешево и потому легко расползались по всей Руси великой, Малой и Белой, в точности с пожеланиями Некрасова о том, чтобы русский мужик понес в свои дома не "генералов глупых"...

Накануне революции 1905 года изрядной популярностью пользовалась книжонка академика И.Р. Тарханова "Дух и тело". И начиналась она хоть и невнятно, но именно с того определения, которым научная братва пыталась обрабатывать сознание других, да потом и сама в него поверила:

"Приступая к изложению нашего предмета, мы прежде всего считаем необходимым определить основные черты, с одной стороны, психических явлений, из которых складывается дух человека..." (с.3).

Задача Тарханова проста: убедить всех, что "органом духа" является мозг, что означает всего лишь маленькую детскую хитрость: заставив нас принять или оспорить это, физиолог уже внес в наше сознание, что дух вторичен по отношению к какому-то из органов, то есть по отношению тела и вещества. Задача эта политическая, не зря ей так много уделял внимания Ленин, написавший "Материализм и эмпириокритицизм" как один из важнейших политических - именно политических! - трактатов. Революционные войны всегда начинаются не с крови, а с переворота в философии и мировоззрении.

Однако сейчас мне важнее показать не то, что наука предвзята в вопросе о духе, - это очевидно, и даже не научить узнавать понятия, которые она нам навязывает. Мне хочется показать, что можно видеть не только образы, которые внедрялись в наше сознание, но и швы между ними. Места, где явно не хватает образов, позволяющих вести рассуждение строго и непротиворечиво. Во второй главе Тарханов делает еще одну попытку дать определение духу. Он опять оказывается "совокупностью процессов":

"Психические явления подразделяются современной психофизиологией на две главные группы: на группу сознательных и бессознательных.

Все то, что протекает во внутреннем поле зрения нашего сознания, как-то: сознательное ощущение, восприятие, представление, понятие, чувство, аффекты, внимание и воля, - все это составляет содержание первой группы и обнимается одним общим названием - дух.

Все же, что стоит вне поля зрения сознания, ниже, как говорят, его порога, относится к области бессознательных психических явлений. Мы уже видели, что человек не сознает, по крайней мере, более половины всех тех явлений, из которых складывается его телесная жизнь, в особенности все, что связано с явлениями кровообращения, дыхания, пищеварения, всасывания, усвоения, обмена веществ, выделения и т.д.

Все эти явления протекают вне сферы сознания и, стало-быть, протекают ниже порога его; они даны о себе знать нашему сознанию лишь при болезненных отклонениях от

нормального течения, то есть когда органы заболевают, или изменяется ход их отправлений".

Сначала обратите внимание на то, как дух подменяется "сознанием" в смысле способности сознать. Подмена эта незаметна для естественников, но в ней явно есть нестыковка двух понятий, потому что сознать может только некто! Само по себе "сознание" деятелем быть не может. Но убираем дух, и "сознание" гипостазируется, как говорят философы, превращается в искусственно и неправомерно созданную вещь или сущность.

Не будь совершенно этой подмены, будь Тарханов строг в своих рассуждениях, его высказывание прозвучало бы так: когда тело само не справляется с неполадками, оно сообщает о них духу, требуя помощи...

Эту неточность в рассуждении ранних полит-физиологов научное сообщество устранило просто: оно перестало вообще упоминать дух, просто вытравило его из сознания членов научного сообщества. В итоге все те явления сознания, которые раньше произвольно соотносились всем европейским человечеством с духом, стали соотноситься с работой нервной системы. Отпала сама необходимость увязывать прежние понятия с новыми, с ней отпала и надобность в таких неловких переходах, какие делает Тарханов. Осталось лишь определение духа как совокупности то ли функций, то ли процессов.

Но это не все нарушения строгого рассуждения. Другой шов просматривается в выводах, которые делает Тарханов из приведенного рассуждения.

"Из сказанного ясно следует, что от мира сознательных актов к миру бессознательных должен существовать ряд постепенных переходов, а следовательно и обратно - должны существовать постепенные градации, путем которых бессознательные акты переходят в сознательные..."

А далее он рассказывает о физиологических гипотезах о "спинно-мозговой душе" Пфлюгера и Бунге. С них же начинал и Вундт.

"Так, даже целесообразность спинно-мозговых рефлексов они стремятся объяснять деятельностью особой спинно-мозговой души, обладающей своего рода рассуждающей способностью, хотя и более ограниченной и темной, чем сознание, доставляемое нам головным мозгом..."

...а М.М. Манасеина доказывала в своем замечательном сочинении "О сознании" существование различных степеней сознания в животном царстве и в различных частях нервной системы одних и тех же животных и предложила называть эту низшую ступень сознания сознательностью.

Став на эту весьма правдоподобную точку зрения, отрицать которую нет никаких оснований, мы должны будем допустить в человеке существование области бессознательных психических явлений, области, соответствующей низшим ступеням сознательности".

Я пока не хочу оспаривать ни одно из утверждений физиологов, я лишь показываю, как эти утверждения менялись во времени, я делаю археологию. На рубеже двадцатого века физиолог мог еще позволить себе вполне дружественно обсуждать предположения о том, что у человека может быть дух, пусть и понимаемый как "совокупность функций сознания", и может быть "телесная душа". При этом между ними очень четко разделяются "степени сознательности", а по сути, описывается, что у "Телесной души" и у "Духа" есть свое сознание и свой разум.

В позднейших сочинениях это исчезает, потому что делает физиологию уязвимой. Убирается, в действительности, жестко, порой вместе с людьми, которые смели так рассуждать. И сам Тарханов уже готовит почву для репрессий на инакомыслие в науке и обществе. Это видно по началу его книжицы. Не забывайте, что это агитка, написанная в преддверии революции, поэтому она не рассуждать, а убеждать и осуждать, что и звучит в его резком осуждении чтения мыслей, которое я приведу.

Приведу целиком, потому что это зернышко научной нетерпимости, из которой вырастут будущие травли и репрессии советской поры. Но еще важнее для меня то, что в действительности это рассуждение направлено против самонаблюдения.

"Главной особенностью психических явлений служит их резко выраженная субъективность в отличие от телесных процессов, отличающихся своей объективностью.

Каждому известно из личного опыта, как скрытно совершается работа мысли, работа воображения и чувства, как совершенно неуловимо для других мы направляем наше внимание то на те, то на другие стороны как лично нашей жизни, так и окружающей среды, как незаметно от всех других мы принимаем те или другие решения, касающиеся нашего поведения, образа действия и т.д.

Стоит вспомнить все это, чтобы сразу признать, что весь этот мир душевных явлений доступен непосредственно только нашему внутреннему чувству, только самонаблюдению, и, следовательно, весь этот мир явлений отличается крайнею субъективностью.

Недаром говорит пословица, что "чужая душа - потемки", и, действительно, читать чужие мысли, чужие чувства, несмотря на такое обилие фокусников, выдающих себя за чтецов мыслей и чувств, представляет непосильную ни для кого задачу, и если, в самом деле, некоторым фокусникам и удается угадывать задуманные в пространстве предметы и т.д., то это лишь потому, что сам загадывающий невольными движениями и толчками приводит чтеца мысли к задуманной цели...

Пока отметим только, что ни одна мысль или игра фантазии, ни чувства - если они чисто отвлеченного характера, и не связаны с представлениями о движении или положении предмета в пространстве - не могут быть угаданы никаким чтецом в мире".

Категоричность этой брошюры в действительности есть пример научных домыслов. Разве Тарханов исследовал то, что так решительно заявляет? Разве вообще кто-то это исследовал? Всё, чем он обладает ко времени этого революционного заявления, - пара посещений выступлений цирковых фокусников, которые, очень вероятно, действительно были ловкими шарлатанами. И что делает ученый? Если вдуматься, он не задумываясь и не стыдясь делает именно шарлатанов основанием для своих научных построений... Лишь бы только добиться нужному ему воздействия на умы обывателей!

В этом он подлинный ученик своего великого учителя Сеченова, который именно так строил физиолого-политические сочинения, начиная с "Рефлексов головного мозга". Сначала он потрясал и смущал воображение читателей кровавостью своего мировоззрения, а потом внедрял в развороченное и израненное сознание новые образы, которые становились модными.

Вот так и рождалось наше современное понятие о духе, как совокупности психических процессов или социальной потребности жить для других на месте взорванного и выжженного Града, когда-то утвержденного в нашей душе...

Глава 2. Языковое понятие о духе

Языковеды в своих определениях гораздо ближе к подлинной науке. Даже если они с чем-то не согласны по идейным соображениям, они не в силах не отметить сам факт существования понятия и соответствующего ему слова. Поэтому они вредят мельче, задвигая неприятные им народные понятия куда-нибудь за научные, так сказать, в зад. Исходно же должно стоять то, что лингвист считает научным.

Вот, например, как словарь Ожегова и Шведовой помогает психологии:

"Дух. 1. Сознание, мышление, психические способности, начало, определяющее поведение, действия.

2. Внутренняя, моральная сила.

3. В религии и мифологии: бесплотное сверхъестественное существо.

4. Содержание, истинный смысл чего-нибудь".

Особо приводятся и значения слова "дух", помеченные цифрой "2". Это дух как дыхание, воздух, запах. Почему выделены в особую статью именно они, а не "моральная сила", не объясняется, важно для составителей лишь то, что дух, как духовное существо, хорошо спрятан внутри и между.

Как вы уже понимаете, "психологизм" толкового словаря, тут кажущийся. Психологи, как вы помните, в этом вопросе глядели в рот философам. А вот философы, которые не могли переплюнуть физиологов, брали на себя задачи психологические и говорили от имени психологии. Так что толковые словари, определяющие дух через сознание, всего лишь подсуетились, чтобы выглядеть как свои и избежать нареканий от органов, следящих за идеологией. Иными словами, это не "психологизм", а "идеологический философизм", то есть заявление о верноподданности.

Действительные языковые определения тут лишь второе и четвертое: дух для языковеда советской поры - это моральная, внутренняя сила и истинный смысл чего-нибудь.

Академический "Словарь русского языка" 1985-года, строго следующий в политических вопросах за сталинским словарем Ушакова середины тридцатых, точно так же начинает с психологического определения, неведомо откуда взятого, а собственно дух прячет под четвертым номером. И если вы приглядитесь к нему, то заметите, что и этот словарь, как и Ожеговский, говорит о духе лишь в мифологическом смысле, религиозный же, в частности, христианский, забывает помянуть:

"4. По мифологическим и религиозным представлениям: бесплотное, сверхъестественное существо (доброе или злое), принимающее участие в жизни природы и человека".

И ни слова о том духе, которым был оживлен Адам, и который назван Духом Божиим. Ни слова о Троице: Отце, Сыне и Святом Духе.

Соответственно, ни слова и о том, христианство видит именно Дух Божий тем самым началом, которое определяет действия и поведение человека. На это значение научности и объективности языковедов не хватило.

К счастью, есть и другое языковедение, не столь политизированное, как издание словарей. Словари наши, все-таки, начиная со знаменитого четырехтомного словаря Ушакова, созданного еще в тридцатых годах, стояли на службе новой власти. Ушаковский словарь не зря назывался сталинским. Он решал задачу, как привести изуродованный во время революции русский язык в порядок и соответствие задачам социалистического строительства. Это откровенно заявлялось самими создателями словаря.

Но и все словари решают подобные задачи, только не так явно. Все они насаждают определенные "порядок" и "устройство", определяющие наше мировоззрение. И порядок этот тот, какой нужен создателю, а создателем является научное сообщество на службе Власти и Государства. Поэтому толковые словари всегда решают государственные задачи создания еще одного приводного ремня от Власти к массам. Язык - это определенно орудие управления теми самими поведением и действиями.

Однако эта задача решается лишь особо надежными избранниками научного языковедческого сообщества, за которыми приглядывают соответствующие органы. Остальные же языковеды вправе заниматься чистой исследовательской деятельностью, и даже могут пытаться о ней рассказать. Последнее не так уж просто даже при желании, потому что исследовать-то ты можешь что угодно, а вот публикация стоит денег, за нее сражаются, и потому пропускают лишь тех, кто заслужил. Поэтому внутри любого научного сообщества существует либо гласная, либо негласная цензура.

И сами ученые очень хорошо знают, о чем не стоит заикаться, чтобы не затравили...

В действительности, в России существует уже немало языковедческих и этнографических исследований, в основном сделанных за последние годы, в которых о духе говорится совсем иначе. В них стоит заглянуть. Но прежде, чтобы сделать их понятными, придется вычистить еще один археологический слой понятий, предваряющий научному - это христианско-библейские представления о духе. Без него многое будет непонятно.

Глава 3. Религиозное понятие о духе. Подходы

Человек естественнонаучный знает, что для него существует духовность, а вот дух - понятие религиозное, и скорей всего, ложное, придуманное. Откуда такая уверенность? Из воинствующего научного ширпотреба, которым Наука заполняла сознание человечества, когда скидывал Церковь с ее престола.

Приведу лишь один пример такого перелыгания действительного религиозного понятия о духе, состряпанного в самом начале прошлого века немецким философом Бенно Эрдманном по мотивам антропологии Эдуарда Тайлора в книге "Научные гипотезы о душе и теле". Как ни поверхностен созданный им образ, но большинство людей, желающих считаться образованными, предпочитали брать подобные образы целиком, а не исследовать самостоятельно. Значит, таких "понятий" было более, чем достаточно, для выживания в современном мире.

"Мы имеем достоверные указания на то, что первые представления о духовной жизни

были обусловлены наивной материализацией нашего внутреннего мира. Этого рода указания дает историческое исследование значений тех слов, которые служили старинными выражениями для обозначения духовных явлений. Подобные слова мы находим в целом ряде наречий.

Среди индогерманских языков санскритский язык дает выражение *atman*, греческий язык - слова *psyche* и *pneuma*, латинский - *animus*, *anima*, *spiritus*. Все они сводятся к основному значению дуновения, веяния, дыхания. Из семитических языков мы имеем в еврейском слова *perhecsch* и *ruach*.

О наивном воззрении древнего еврейства свидетельствуют выражения в начале Ветхого Завета; в повествовании о творении мира говорится: "и создал Господь Бог человека из праха земного и вдунул в лицо его дыхание жизни". <...>

Какие явления при этом для примитивного чувственного наблюдения казались прежде всего решающими, становится ясным, если мы сравним живого человека с человеческим трупом. С последним дыханием замирает жизнь, останавливается кровообращение, исчезает самопроизвольное движение и повышенная температура. В умершем, следовательно, отсутствуют дыхательные движения и теплота тела. Только что приведенные этимологические данные свидетельствуют о том, что среди этих признаков жизни для примитивного наблюдателя решающим являлся наиболее очевидный признак прекращения дыхания. Но понятно, что к этому признаку легко и часто неотделимо присоединялись и все остальные...

Вполне понятно также, что подобные примитивные воззрения перешли в область создающей мифы фантазии первичного религиозного и затем художественного сознания, и она ввела их на свой лад в верования и культы, затем в поэзию, в скульптуру и живопись"

Не знаю, будут ли удивлены современные ученые, пишущие о душе, скажем, как этнографы или лингвисты, что они ни на шаг не отошли от этого образа, созданного во второй половине девятнадцатого века. Настолько не отошли, что нисколько в нем не сомневаются, когда пишут свои труды, даже если сами испытывали клинические смерти и видели свое тело со стороны...

Это часть научной картины мира, и пока ты в ней, сомнение невозможно, потому что это лишь названо гипотезой исходно, когда писалась первая буква, но к концу превратилось в бесспорную истину, которая рассеяла тьму религиозного мракобесия...

И ведь бешеная сила заложена в этой несложной картинке! Мы все, в большей или меньшей степени, считаем, что именно так и обстоят дела в действительности. А все наши метания и поиски - проявления веры, то есть сомнительны! Ибо не соответствуют природе. Однако вопрос: как такой несущественный довод, как то, что душе было дано имя, производное от дыхания, мог превратить ее в фантазию?

Все ученые говорят: встретимся где-то в семь - полвосьмого. Стоит ли из этого сделать вывод, что времени не существует, а в действительности это лишь фантазии о пространстве?

У человечества постоянно не хватало слов для обозначения того, что ему открывалось. И оно не изобретало новые слова, а использовало имеющиеся, чтобы хоть как-то сделать понятным, что говорится. Весь бред науки о том, что примитивные - право, мне уже стыдно, что я к ним отношусь! - видели всего лишь трупное окоченение, а говорили, что ушла жизнь, видели прекращение дыхания, а говорили об уходе души, - есть лишь попытка нагадить в полуполный стакан и сделать его полупустым.

Предки видели уходящую душу и говорили: душа - это то, с чем уходит дыхание. Хочешь, назовем ее именем производным от дыхания, и тогда будет понятно, о чем идет речь? И называли. Но не придумывали! И я не спорю с учеными, и не выстраиваю контраргументов, я просто издеваюсь: если ты хоть раз был вне тела, все потуги рассуждать о том, чего не знаешь, можно называть хоть наукой!

Однако, если идти путем культурно-исторической психологии, то записав естественнонаучное понятие о религиозном понятии о душе-духе, мы сняли целый слой помех для понимания. Теперь очевидно, что наши представления, заимствованные у науки, не могут передавать того, что говорило о духе христианство. Чтобы понять христианско-

библейское понятие духа, надо обращаться к первоисточникам.

Понятие первоисточников тоже не так уж просто. Конечно, первоисточниками христианства, как утверждает оно само, являются Библия и те Евангелия, которые оно посчитало каноническими. Были и такие Евангелия, которые у самой Церкви доверия не вызвали, и она их исключила из рассмотрения. Зато включила письма апостолов, хотя тот же действительный творец Церкви Саул-Павел Христа никогда не видел, если не считать видения на дороге... Тем не менее, его послания считаются столь же передающими истину для христианина, как любое высказывание о духе, сделанное Марксом или Лениным, считалось верным для коммуниста.

Наука много издевалась над религиозным подходом к своим источникам, требующим доверия. Соответственно, свое отношение она построила на требовании так называемой "критики источников", заставляющей проверять все источники до полной достоверности. В итоге выяснилось, что полная достоверность источников невозможна даже для так называемых точных наук, поэтому пришлось извернуться и убедить толпу, что в основе наук в отличие от религии лежат не исходные допущения, а Аксиомы! Слово непонятное, книжное, а в книжках врать не будут...

Но сложность исследования заключается еще и в том, что нам не нужно действительно разбираться в христианских источниках понятия о духе, нам нужно понять, как это понятие входило в нас. А входило оно отнюдь не после чтения Библии или посланий апостола Павла. Оно шло в нас бытовым путем, в изрядной части из научного атеизма, но в не меньшей мере и из бытового общения. Причем, чаще всего вовсе не религиозного по своей сути. Просто, говоря, русские люди исходят из своего образа мира, в котором душа и дух присутствуют, даже если запрещены.

Впрочем, изрядный слой наших представлений о духе я уже снял, приведя разнообразные научные упоминания его. Все они так или иначе передают религиозное понятие, чем самым косвенно закладывают его в наше сознание. Закладывают, конечно, искаженным, чтобы было удобней "критиковать", то есть осмеивать и подвергать сомнению в наших умах.

Впрочем, просто скрытая издевка и сомнение - это признак эпохи победившей науки. Когда во второй половине девятнадцатого века естествознание еще только рвалось к власти, естественники, воодушевленные после Дарвина возможностью доказать, что человек - это животное без души и, соответственно, духа, издевались над религиозными представлениями откровенно.

Знаменитый Эдуард Тайлор, из трудов которого развивалась вся современная антропология, этнология и этнография, просто пишет о "человеке и других животных". Как для борца за дело прогресса, это позволяет ему доказывать, что человек развивается от животного состояния, проходя сквозь различные ступени, пока не дойдет до вершины - современного англичанина, приверженца научных взглядов. В его "Антропологии" есть даже раздел "Человек и другие животные". А раздел, называющийся "Мир духов", оказывается описанием одной из самых низших ступеней в развитии человеческого ума.

"Антрополог, для которого религии народов составляют лишь некоторую часть их жизни, может наилучшим образом ознакомиться с общими принципами этих религий, начав с простых представлений низших рас о мире духов. То есть, он должен исследовать, как и почему эти расы верят в душу и ее существование после смерти, в духов, творящих добро и зло в мире, и в возвышающихся над ними богов, которые наполняют вселенную, приводят ее в действие и управляют ею.

Перед всяким, узнающим от дикарей и варваров, что означает для них их верование в духовные существа, открывается такое состояние культуры, где религия грубых племен составляет в то же самое время их философию, содержащую такое объяснение их самих и мира, в котором они живут, какое в состоянии воспринять необразованный ум.

Нам будет не трудно понять представление о душе, которого придерживаются некультурные расы, и которое составляет основу их религии, если мы в состоянии вообразить себя на их месте, чуждыми самых зачатков науки и пытающимися добраться до смысла жизни при помощи того, что, по-видимому, сообщают внешние чувства"

Вот научный символ веры, исходя из которого невольно изучают народные

представления о духе все этнографы. До смысла жизни, надо полагать они уже добрались... В сущности, это символ веры того самого Грядущего хама, которого предрекали русские религиозные мыслители на рубеже двадцатого века, как раз накануне того, как мысли Тайлора перекечевали в Россию и были взяты на вооружение пролетарскими полит-агитаторами.

Соответственно, хочет того современный человек, или нет, но когда он берет в руки первоисточники христианских представлений, он невольно подозрителен, потому что боится, что его убедят те, кто стоит на стадии развития ниже его, почти рядом с животными...

Это состояние настороженности и сомнения надо в себе обнаружить и осознать. Иначе все последующее исследование будет нечистым, а поиска истины не получится, потому что внутри него будет присутствовать щупальце естественнонаучного мировоззрения. Как ложка дегтя, которая испортит всю бочку истины.

Мы сумеем понять, что так, а что не так в религиозном понятии духа и без навязчивых подсказчиков. Они вовсе не так уж далеко ушли от животных по сравнению с нами, в одно время живем...

Глава 4. Христианское понятие о духе

Какие источники может использовать любознательный человек, пытаясь понять христианское понятие о духе? Конечно, есть искушение, воспользоваться какими-нибудь простыми и общедоступными справочниками. Но только не в России. Православие занято политическими задачами, и до таких простых вещей не опускается. Хороших современных справочников, кажется, нет совсем. А если они и есть, то отнюдь не общедоступны. Есть, правда, старые, дореволюционные словари. Но во времена, когда православие было правящей Церковью, оно о таких вещах, как просвещение своих прихожан, не беспокоилось. Задача была проста: вбить в их головы веру, а не понимание.

Поэтому в "Полном православном богословском энциклопедическом словаре" 1912-го года немало места уделено врагам, вроде Духоборов, еще больше себе - Духовенству, и понемножку Духу Божию и Духу Святу, что то же самое... А Дух как таковой, как понятие, рассматривается разве что между делом.

Тем не менее, приведу статью "Дух Божий", поскольку в ней есть указания на те источники, из которых православные брали свое понятие.

"Дух Божий прежде всего это выражение употребляется для обозначения Ипостаси Святой Троицы - "Духа Святого". Такой именно смысл усваивается известным Библейским выражением из истории творения мира "Дух Божий носился над водою" (Быт. 1,2) и из истории потопа - "не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым этими людьми" (Быт. 6,3).

Во всех этих выражениях творческая и промыслительная сила Божия олицетворяется в виде определенного существа. Таким образом, на основании указанных мест Библии, можно полагать, что тайна троичности была известна и первым людям.

Затем под выражением Дух Божий в Библии подразумевается духовная сила, которою Бог оживотворяет, пробуждает и укрепляет. Так Дух Божий оживотворяет первобытный хаос (Быт. 1,2), пробуждает к жизни первого человека (Быт. 2,7), им поддерживается бытие и продолжение мира... он руководит судьбой отдельного человека и судьбой всего человечества...". *

Именно против того Духа, который поддерживает бытие и продолжение мира и руководит судьбами, и воевала Наука в первую очередь. Но корнем этого понятия было то, что жило в каждом отдельном сознании, поэтому самым опасным врагом было понятие о том, что человек был одушевлен Духом Божиим. Речь идет о знаменитом рассказе из книги Бытия:

"И созда Бог человека персть взял от земли, и вдуну в лице его дыхание жизни" (Быт. 2,7). И стал человек душою живою...

Соответственно, как это представляется человеку не слишком знакомому с христианской психологией и пневматологией, получается, что человек троичен - в нем есть плоть, душа и дух. Дух является высшим началом, поскольку он тот самый Дух Божий, живущий во мне.

В действительности, вопрос этот совсем не такой простой и христианство, похоже, не

достигло в нем ясности. Тот же самый "Полный православный богословский энциклопедический словарь" рассказывает о душе так.

"Душа. - Человек, согласно учению Святого Писания состоит из тела и души (Быт. 2,7; Мф.10,28). Душа оживляет тело, одухотворяет его, без нее тело - прах и потому душа в Библии часто называется дыханием жизни, духом жизни или просто духом. Душа не происходит от тела, а представляет собою ту особую силу, которая обращает прах в живое существо и имеет свой источник в Боге.

Весь мир создан Богом в таком порядке, что Творец переходил при Своем творении от низших форм к высшим. Сперва были сотворены неорганические тела, растения, затем рыбы и птицы, далее - животные и наконец - как венец мироздания, человек. Душа имеется и у животных, но то уже обстоятельство, что человек является самым последним и совершенным творением Бога, свидетельствует о совершенстве и отличительных свойствах души человека от души животного.

Природы животных были сотворены сразу, в человеке же отдельно были созданы тело и душа; при этом и самое творение душ животных и человека происходили различно. Души животных созданы были Богом из тех начал, которые заключались в самой материи, хотя по созданию представляли нечто, отличное от нее (Быт. 1,20,24).

Душа человека сотворена была Богом, как нечто отдельное, самостоятельное и отличное в материальном мире, способом, который называется вдунанием Божии (Быт.2,7). Этот образ создания души человека свидетельствует о том, что она должна была получить совершенства, которые приближали ее и делали родственной Богу в отличие от животных, душа человека обладал теми отличительными свойствами, что только он один был создан по образу и подобию Божию. Особенности свойства души состоят в единстве, духовности и бессмертии её, в способности разума, свободы и дара слова".**

Это было православное изложение. В нем, как видите, дух вообще не выделен в нечто самостоятельное. "Библейская энциклопедия Брокгауза" Фритца Ринекера и Герхарда Майера, которая, наверняка, ближе к германскому протестантскому пониманию христианства, рассказывает о том же самом чуточку иначе. Тут душа и дух как-то путаются рассказчиком.

"Человек. В Библии человек рассматривается в единстве и целостности, хот и в различных аспектах; он не мыслится "разделенным" на тело и душу (дух) как противостоящие друг другу "части". Человек как целое является "душею живою" (Быт. 2:7), не "обладает" этой душой. Противоположность плоти и духа всегда понималась как противопоставление двух сущностей человека - плотской и духовной. И в этом случае человек также воспринимается как единое целое (Рим. 8:5-9). ?Дух, ?душа и?тело - это разные "составляющие человеческого существа, но не самостоятельные его части".***

А вот "Теологический энциклопедический словарь" Уолтера Элвелла, созданный в среде англо-американского протестантизма, гораздо определенной в отношении духа. Сначала из статьи о душе.

"Душа. Живое существо, жизненное начало, личность или индивидуальная духовная природа. Душа может быть у животных... и у Бога (Лев. 26:11; Ис 42:1).

Нередко душа и дух взаимозаменяемы, хотя различия между ними, обозначенные уже в Ветхом Завете, переходят и в Новый Завет. Если в Новом Завете душа обычно означает единство материального и духовного в человеке, и человек мыслится как тело-душа, то дух - это особый дар Божий, который связывает человека с его Творцом.

В Святом Писании сказано, что Иисус передает свой дух Отцу (Лк 23:46; Ин 19:30), но в других отрывках говорится, что Он отдает душу свою во искупление многих (Мф 20:28; Ин 10:15). Таким образом, душа в Святом Писании - нематериальное начало, она сотворена Богом, едина с телом и животворит его. Однако душа продолжает свое существование и после смерти человека (Мф 10:28; Иак 5:20; 20:4)".****

Вот теперь можно привести и библейские высказывания о том, что такое дух. Сделаю я это, переписав статьи о духе из словарей Элвелла и Ринекера-Майера. В этом отношении они очень честно приводят выдержки из Библии и Нового Завета, которые сами по себе, конечно же, было бы непросто изучить с такой тщательностью. Выдержки эти подтверждены

ссылками, которые все подтверждают так называемой "Полной симфонией на канонические книги Священного Писания", - своеобразным библейским словарем, в котором ко всем словарным словам указаны все случаи их использования в библейских текстах.

Итак, Уолтер Элвелл. Его статья о духе, как христианско-библейском понятии, единственная посвящена именно духу как таковому.

"Дух (Spirit). (Иврит ruah - "дыхание уст", "дуновение", - Пс 32:6;134:17; Иов 4:15; Быт 3:8).

В Библии дух - это человеческое дыхание, дающее жизнь телу (Быт 7:22; Иов27:3). Дух - это средоточие разума (Мал 2:15; Втор 34:9), решимости (Иер 51:1; Агг 1:14), всякого отношения (Чис 14:24), мужества (Нав 2:11;5:1), религиозного сознания (Иов 20:3), чувств (Зах 12:10; Пс 76:3;142:4), гордости (Пс 75:12), ревности (Чис 5:14,30) и разных других склонностей. Считается, что дух как первооснова жизни есть и у зверей (Быт 6:17;7:15).

Человеческий дух исполняет свое истинное предназначение, когда он поддерживает осознанную связь с сотворившим его Богом. Вечный Дух создал из ничего небо, землю, все живое, "человека по образу Своему" и "вдунул в лице его дыхание жизни" (Быт 1:27-28;2:7). В Новом Завете Бог назван "Духом" и "Отцом духов" (Ин 4:24; Евр 12:9). У человека есть дыхание, или дух, который дал ему Дух Божий (Иов 27:3;33:4;34:14); когда человек умирает, дух возвращается к Богу (Еккл 12:7). Таким образом, по Библии, дыхание, или Дух Божий, дается при рождении и отнимается в смерти; от него зависит вся тварь, включая человека (Пс 103).

Новый Завет развивает ветхозаветное учение о духе. Здесь еще отчетливее сказано, что дух человеческий сотворен Богом и для Бога, чтобы дети Божьи могли общаться с Ним через Святого Духа. Таким образом, Дух Божий "свидетельствует духу нашему, что мы - дети Божии. А если дети, то и наследники, сонаследники же Христу" (Рим 8:16-17).

В смерти к Богу возвращается именно дух, а не душа, которая не так тесно связана с Богом, хотя в Новом Завете можно найти немало примеров, когда эти понятия синонимичны (Ин 10:15;19:30). Апостол Павел подчеркивает различие между духом и душой, противопоставляя человека духовного (pneumatikos) недуховному, или природному (psychikos, то есть душевному) (Кор 2:13-15). Первый знает Бога потому, что он получил Духа Божьего, а не духа мира, чтобы знать дарованное от Бога (ст.12). второй познал лишь человеческую мудрость и не способен уразуметь то, что от Духа Божьего, о чем нужно "судить духовно", и "почитает это безумием" (ст.14).

Апостол Павел не признает никакой нейтральной полосы между ними, отсюда - столь сильный контраст. Не иметь Духа Божьего (pneuma) - значит покориться духу мира (pneuma tou kosmou). Дары духовные (знание и другие) - от Бога и подаются через дух. Вещи природные (физические, недуховные) хоть и от Бога - как часть Его творения, доказывают реальность греховного мира и не приобщают человека к Богу и Его благодати...

Дух - это самое сокровенное, что есть в человеке; можно унывать духом (Пс 142:4), дух может быть сокрушен (Пс 50:19; Притчи 15:13), обновлен (Пс 50:10) и оживлен (Быт 45:27). Грех порождает дух боязни (2Тим 1:7), заблуждения (! Ин 4:6), совета (Ис 11:2). Бывает немой и глухой дух (Мк 9:17, 25; Откр 18:2), нечистый дух (Зах 13:2; Мф 12:43) или дух блуда (Ос 4:12). Можно быть поспешным духом (Притч 11:13), терпеливым или гордым (Еккл 7:8), нищим духом (Мф 5:3), и бывает дух опьянения (Ис 19:4)".*****

Думаю, наше представление о том, как понимали Дух источники христианства, может быть полнее. Думаю, наше представление о том, как понимали Дух источники христианства, может быть полнее. Но я ограничусь последним словарем, чтобы дальше перейти к христианским писателям и отцам церкви. Краткое определение библейского понятия "дух", сделанное "Библейской энциклопедией Брокгауза".

Это определение хорошо тем, что оно исходно пытается описать именно понятие о духе, использовавшееся основоположниками иудаизма и христианства.

"Дух, Святой Дух.

1. ПОНЯТИЕ "ДУХ". Изначально еврейское слово ruah, как и греческое пнеума, означало "дыхание" или "ветер", а значение "дух" приобрело позже. В Новом Завете слово пнеума встречается в пяти значениях:

1) в основном значении - "ветер" - это слово употребляет Иисус в разговоре с Никодимом: "Ветер, где хочет веет..." (Ин 3:8;...сравни Евр 1:7: "делающий ангелов своих

ветрами"...);

2) неоднократно это слово употребляется в значении "человеческая душа": "Дух бодр..." (Мф 26:41). Так о дочери Иаира сказано: "и возвратился дух ее" (Лк 8:55). Дух апостола Павла "возмутился" при виде Афин - "города, полного идолов" (Деян 17:16). Божий Дух "свидетельствует нашему духу, что мы - дети Божии" (Рим 8:16). Нам следует сохранять свой Дух без порока (I Фес 5:23) и т.д;

3) слово пнеумата (множественное число от пнеума) встречается в контексте "духи праведников, достигших совершенства" (Евр 12:33 и "духи, находящиеся в темнице" (I Пет 3:19);

4) в Библии говорится и о недобрых духах: злых духов (Мф 8:16; Деян 19:12) называют обычно "нечистыми" духами (Мф 10:1; Деян 5:16 и др.), прорицательными духами (Деян 16:16), а также "духом немощи" (Лк 13:11), духом усыпления (Рим 11:8) и т.д. В этих случаях речь не обязательно идет о некой личности, поскольку слово "дух" может использоваться и в иносказательном значении;

5) обычно слово пнеума употребляется в словосочетании "Святой Дух"****.

Как видите, словари приводят сначала чисто религиозное понятие о духе, а потом произвольно выделяют те народные представления, которые отразили Библия и Новый Завет, как собрания не только канонических, но и фольклорных записей. И это очевидно, поскольку люди, писавшие их, даже если писали под божественную диктовку, все же использовали для перевода на человеческий язык те образы, что имели в наличии.

* Полный православный богословский энциклопедический словарь. т.1, - СПб.: Издательство П.П.Сойкина, 1912, с.801

** Там же, с.805-6.

*** Фритц Ринекер, Герхард Майер. Библейская энциклопедия Брокгауза. - "Христианская заря", 1999, с.1056

**** Теологический энциклопедический словарь под ред. Уолтера Элвелла. - М.: Ассоциация "Духовное возрождение" ЕХБ, 2003, с. 421

***** Там же, с.409-10

***** Библейская энциклопедия Брокгауза, с. 258

Глава 5. Современное богословие

Современные богословы, конечно же, пытаются рассказать своим читателям о сложных вопросах христианства. Это необходимо, потому что языки меняются со временем, и понимать язык древних рукописей современному человеку порой почти невозможно. Однако такой вопрос, как понятие о духе, оказывается весьма не прост и для богословов. Приведу один пример - работу иерея Вадима Коржевского "Пропедевтика аскетике. Компендиум по православной святоотеческой психологии".

Это сложное название можно было бы перевести как Введение в начала науки аскезы, то есть упражнения себя в духовном пути. Путь же этот, как видите, является путем души, почему само сочинение можно назвать учебником православной прикладной психологии. Насколько хорошо иерей Вадим пишет о душе, судить не могу, но приведу те места, где он упоминает дух. Упоминает он его не часто.

"При сотворении человека различаются два действия Божия: образование из персти внешнего вида человека или его тела и одушевление его дыханием жизни. Поэтому различают два начала в человеке: видимое и невидимое, телесное и душевное. Человек состоит из неведущей разумной души и вещественного тела. Душа и тело - вот составные части человека.

Но при внимательном чтении отеческих сочинений можно заметить, что у многих святых Отцов наряду с термином "душа" и "тело" для обозначения составных частей природы человека употребляется еще термин "ум" или "дух". Это дает основание некоторым думать, что святые Отцы разделились во мнении о составе человеческой природы и даже не имели вполне определенного учения о б этом предмете.

Так, к примеру, св. Кирилл Иерусалимский говорит: "Познай, что ты из двух частей состоящий человек, из души и тела". А преподобный авва Исаия, называя составные части человека, говорит, что "эти части суть: душа, тело и дух". И св. Феофан Затворник,

основываясь на словах апостола Павла, говорит, что "дух и душа и тело - Богооткровенное указание на состав естества человеческого. Как малый мир, человек совмещает в себе все виды жизни, проявившиеся в его предшественниках по лестнице творения. В нем есть и растительно-животная жизнь, и животное-душевная вместе с душевно-человеческой, и духовная, исключительно ему принадлежащая и его характеризующая...".*

Приведя выдержку из прекрасной работы Феофана Затворника, иерей Вадим внезапно обрывает свое несколько странное и запутывающее читателя рассуждение и объявляет приговор, опираясь на американского православного богослова Серафима Роуза:

"Думается, что не стоит утомлять читателя, приводя множество высказываний по этому вопросу. Скажем лишь, что тщетно искать разноречия в творениях святых Отцов. Излагая церковное учение, они не противоречили друг другу, даже если между ними, как нам кажется, существуют разногласия. "Это академический рационализм противопоставляет одного отца другому, прослеживает их "влияние" друг на друга, делит на "школы" или "фракции" и находит между ними противоречия.

Православное святоотеческое учение - это одно целое, а так как всего православного учения не может содержаться ни у одного святого Отца, ибо они по своему человечеству ограничены, то мы находим его частью у одного, частью у другого, и один объясняет то, что непонятно у другого. Вспомним, что поразило святителя Игнатия Брянчанинова, когда он, не получив удовлетворения в изучении наук и философии, обратился к чтению творений святых Отцов. Это их согласие, согласие чудное и величественное.

Несомненно, что в них мы находим од и то же учение, только у одних оно выражено яснее, у других не так очевидно. История святоотеческой мысли не знает никакого спора между дихотомистами и трихотомистами. Если же одни писатели предпочитали говорить о двухчастности человека, то это не мешало им допускать в других случаях и трихотомию.

Те, кто учил о трехсоставности человеческого естества, на самом деле выделяли в душе человека ее высшую часть и называли ее духом или умом".**

Звучат эти слова православного иерея благостно и убедительно. Но история православия и христианства слишком полна примеров не просто неприятия каких-то подобных утверждений, но и откровенного вырезания несогласных. Поэтому можно принять, что нам изложена, так сказать, официальная точка зрения на вопрос о духе современного православия. Но что нам стало ясно?

Что дух - это ум? Или что он - высшая часть души?

Те самые русские святые - Феофан Затворник и Игнатий Брянчанинов, - чьим авторитетом нас убедили в таком мнении, были отнюдь не так просты и однозначны.

* Коржевский Вадим, свящ. Пропедевтика аскетике: компендиум по православной святоотеческой психологии. - М., 2004, с.43-4

** Там же, с.45-6

Глава 6. Святые отцы о духе

Тему эту я расскажу очень кратко, взяв всего несколько примеров из разных эпох. Все-таки для подробного рассказа надо быть богословом. Мне же будет достаточно не полноценного изложения христианского учения о духе, а некоторого узнавания корней нашего о нем понятия.

Начну с автора, жившего в самом начале становления христианского учения - римского богослова Тертулиана (родился между 150 и 170-м годом, умер между 220 и 240-м), написавшего большой трактат "О душе". В нем он невольно вынужден вводить разграничения между душой и духом. Тертулиан был юристом, и потому решает, скорее, политические задачи с помощью философи.

"1. Для укрепления позиции нашей веры важно определить душу как простую, согласно Платону, то есть однородную в отношении, по крайней мере, ее сущности, что бы там ни утверждали искусства и науки и что бы ни говорили образы.

2. Ведь некоторые полагают, что в душе присутствует иная природная субстанция, дух,

полагают, словно одно - жить, способность, которую дает душа, другое - дышать, способность, которую дает дух, [ссылаясь на то,] что не у всех живых существ есть обе эти способности, ибо большинство только живут, но не дышат, потому что не имеют органов дыхания, легких и трахей".*

Далее Тертулиан вдается в путанные рассуждения о том, что нечего смотреть на комаров и муравьев, у которых нет дыхательных органов, и вообще, жить, значит дышать, а дышать, значит жить... "Следовательно, все это - и дышать, и жить, - есть дело того, чьим делом является и жить, то есть души".** Все это ведет к выводу, что дух и душа нераздельны, даже более:

"...следовательно, не будут двумя те, которые не могут разделиться, которые могли бы разделиться, если бы были двумя.

9. ... Ведь что же получится, если ты пожелаешь считать день одним, а свет чем-то другим, что присоединяется ко дню, хотя сам свет и есть день? Конечно, могут быть и другие виды света, как, например, свет от огня. Могут быть и другие виды духа, как, например, дух от Бога и дух от дьявола.

Итак, поскольку идет речь о душе и духе, то сама душа и будет дух, как сам день и есть свет. Ибо нечто является тем, благодаря чему оно есть как таковое".***

Тертулиан хорош тем, что он только закладывает основы христианского мировоззрения, поэтому прозрачен, и в его рассуждениях отчетливо видны и слабости, и то, как подыскиваются убедительные образы и доводы. Но ясно видно, что вопрос о душе и духе сложен, и как свет не является днем, так дух не является душой, и в то же время их природа каким-то образом слитна в человеке.

Сложность увеличивается стремлением подражать великим грекам и выглядеть философично. Эта потребность вслед за Платоном объявлять душу простой сущностью, будет преследовать христианских мыслителей все века. Она же, кстати, выльется в картезианское понимание сознания или духа, как простой сущности, равной чуть ли не математической точке, в итоге чего человечество на несколько веков впадет в метафизический отказ вообще понимать душу. Им до сих пор болеет научная психология.

Рассуждения о различиях духа и души, в действительности, весьма болезненны для Тертулиана, и он сам не чувствует себя удовлетворенным собственными софистическими находками. Логистика не работает там, где надо просто наблюдать действительность или природу. Поэтому в следующих главах он постоянно возвращается к этому предмету, добавляя все новые черты понятия духа:

"Таким образом, и душу, которую мы определяем, исходя из ее своеобразия, как дуновение, мы объявляем здесь духом по необходимости; как бы то ни было, вопреки Гермодену, который заявляет, что она состоит из вещества, а не из дуновения Бога, мы ее рассматриваем как собственно дуновение.

2. Ибо он, пренебрегая свидетельством самого Писания, дуновение превращает в дух, чтобы считалось, что душа состоит скорее из вещества, чем из духа Божьего, поскольку невероятно, чтобы дух Божий дошел до греха, а потом до суда. Поэтому мы и там утверждаем, что душа есть дуновение, а не дух, согласно Писанию и согласно различению духа, и здесь объявляем ее духом неохотно в соответствии со сходством дыхания и дуновения. Там стоит вопрос о сущности; ведь дышать есть действие сущности.

3. Об этом мы больше не говорили бы, если бы не еретики, которые помещают в душу какое-то непонятное семя, принесенное благодаря тайной щедрости Софии-матери, да еще при незнающем Творце, хотя Писание Творца, более осведомленное о своем Боге, ничего подобного не сообщило, кроме того, что Бог вдунул в лице человека дыхание жизни, и человек стал душою живой, посредством которой он с тех пор и живет, и дышит, поскольку достаточно обозначено различие между духом и душой в следующих свидетельствах, когда Сам Бог объявляет: Дух от Меня вышел и дыхание всякое Я сотворил. Ибо дыхание от Духа стало душой".****

Все бы это было хорошо, если бы у Тертулиана была власть объявлять свои мнения как обязательные. Но душу никак не удавалось признать просто дыханием, потому что христианство при этом утверждало, что после смерти души будут жить, дожидаясь

последнего суда. Это же разрушало и понятие, что душою живой человек становится вместе с телом. Душа явно была отделима от тела, и, похоже, вовсе не являлась духом. По крайней мере, и народный язык и язык самих богословов выдает, что их различие отчетливо осознавалось.

При этом сама мысль о единстве природы духа и души жила в христианстве наряду с мыслью Гермогена о различии их природ.

В восьмом веке Иоанн Дамаскин, создавая "Точное описание православной веры", бьется все о тот же платонический вопрос о простой природе души:

"Мы же постановляем, что Христос был не с одним сложным естеством и что Он не был чем-то новым сравнительно с другим, из чего Он образовался, подобно тому, как человек состоит из души и тела, или как тело из четырех стихий".*****

В русском языке, похоже, слово дух далеко не так явно связывается с дыханием, как в еврейском и греческом. Дух, это для нас, скорей, то, что остается от человека, когда его тела уже нет. Русский дух может пребывать, еврейский должен двигаться, то есть дышать. Поэтому Дамаскин, пытаясь понять библейские высказывания о духе, пишет несколько странно:

"Должно же, чтоб Слово (то есть Христос - АШ) имело и Духа. Ибо и наше слово не лишено дыхания. Впрочем, в нас дыхание чуждо нашего существа. Ибо оно есть влечение и движение воздуха, вовлекаемого и изливаемого для сохранения тела в хорошем состоянии".*****

Такое понимание духа, естественно, не удовлетворяет богослова, потому что вдунувание не могло быть сделано Богом одним лишь воздухом. Должно было войти нечто, что вносит в тело жизнь. И вот Дамаскин непроизвольно возрождает спор Тертулиана с Гермогеном о вещественности души.

"Таким, следовательно, образом Бог сотворил духовную сущность: я говорю об Ангелах и всех находящихся на небе чинах. Ибо эти - совершенно ясно - суть духовной и бестелесной природы; бестелесной, однако, - говорю, - по сравнению с грубостью вещества, ибо одно только Божество по истине - невестественно и бестелесно".*****

Из этого высказывания отчетливо видны две части православного понятия о духе: дух может быть некой сущностью, отнюдь не равной дыханию, и дух может обладать некой вещественностью. Вещественностью весьма условной, лишь в сравнении с еще большей мерой духовности. Но движение от вещества к Духу есть лестница одухотворения, а от Духа к веществу - оплотнения духа. И в эту лестницу как-то вписываются и, наверное, раскладываются в ней и человеческие дух и душа, которых Дамаскин не различает:

"Далее, тело и душа сотворены в одно время; а не так, как пустословил Ориген, что одна прежде, а другое после.

И так Бог сотворил человека ... в одно и то же время - духа и плоть".*****

Душа и тело есть то же самое, что дух и плоть...

Возможно, тут Дамаскин или его русский переводчик непроизвольно выдал очень важное соотношение души и духа: Душа для тела то же самое, что Дух для плоти... И это либо лишь разные способы говорить об одном и том же: в рамках разговора об отдельном человеке и философически. Либо же душа - это тело, и как тело, составленное плотью, она составляется духом.

Этот вопрос, рожденный древним святым, неожиданно стал насущным для двух русских святых девятнадцатого века - Игнатия Брянчанинова и Феофана Затворника. Между ними разгорелся спор, который заслуживает особого рассказа.

* Тертулиан К.С.Ф. О Душе. - СПб.: "Издательство Олега Абышко", 2004, с.56

** Там же, с. 58

*** Там же.

**** Там же, с. 59

***** Дамаскин Иоанн. Точное изложение православной веры. - М.: "Лодья", 2000, с. 124

***** Там же, с. 83-4

***** Там же, с. 150-1

***** Там же, с. 152

Глава 7. Вещественность души. Брянчанинов и Затворник

Мысли Иоанна Дамаскина возбудили творческий дух русских людей. Святитель Игнатий Брянчанинов (1807-1867) строит свое учение о душе, отталкиваясь от ее определения, данного Дамаскиным:

"В основание изложения нашего о душе человека мы полагаем то определение, которое делает ей вышеприведенный учитель Церкви. "Душа, - говорит он, - есть существо живое, простое, бестелесное, телесными очами по своей природе невидимое, бессмертное, разумом и умом одаренное, безвидное, действующее посредством органического тела и сообщающее ему жизнь, возрастание, чувство и силу рождения, имеющее ум, не как что-либо отличное от нее, но как чистейшую часть самой себя. Душа есть существо свободное, одаренное способностью хотеть и действовать, изменяемое, и именно изменяемое в воле, как существо сотворенное"". *

Тут же Брянчанинов вынужден объясняться относительно того самого понимания духовной природы, которая относительно вещественна. Поэтому он не может принять определение святого грека, и начинает собственное исследование, которое приведет его к спору с Феофаном Затворником. Сутью этого исследования является собственное созерцание мыслителя, его попытка рассмотреть действительность, сопоставляя сказанное с тем, что он видит в себе.

"Очевидно, что святой Иоанн Дамаскин дал такое определение душе относительно: относительно нашему состоянию и степени способности к познанию.

Далее он объясняет это. "Бестелесное, - говорит он, - одно таково в самом естестве, а другое в сравнении с грубым веществом. По естеству бестелесен только Бог; ангелы же, демоны и души - бестелесны по благодати, и в сравнении с грубым веществом"". **

В той же работе Брянчанинов предлагает способ, каким можно понять взаимоотношения души и духа. Он использует библейский образ и уподобляет отношения духа и души отношениям души и тела, показывая, что и тело и душа могут рассматриваться как своеобразные сосуды, вмещающие более тонкое содержание.

"Что такое - человек?

На этот вопрос отвечает человеку апостол: Ибо вы храм Бога Живого, как сказал Бог: вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут Моим народом. Священное Писание называет всякого вообще человека домом, обителью, сосудом.

Тот человек, который не захочет быть домом Божиим, сосудом Божественной благодати, соделывается домом и сосудом греха и сатаны". ***

Что важно, что это относится и к душе и к телу:

"Не только души, но и телеса ваши храм живущего в вас Святого Духа суть". ****

Из этого положения рождается не только психология, но и пневматология, то есть наука о духе.

"Тело первого человека было в совершенном согласии с душою, а душа находилась в совершенном согласии с духом, то есть, то есть с силою словеста - этим высшим достоинством души человеческой...

Дух пребывал постоянное горл, при Боге; увлекал туда с собою душу; она влекла туда с собою тело". *****

В этом крошечном отрезке скрыта не просто мысль, но и глубокое наблюдение за жизнью собственного духа. Дух оказывается чем-то, вроде легкого газа, наполняющего шар душевного тела. И все, что он делает, стремится к себе домой, туда, куда принадлежит. В силу этого, главным качеством духа оказывается способность держать направление и задавать его душе...

Такое понимание духа, делающего его содержание и естеством души, позволяет и разграничить слившиеся в едином слове разные понятия о духе: дух, как некое тончайшее вещество, да простится в данном случае такое слово и дух, как невещественное существо, тело которое состоит из духа в первом значении.

"Преподобный Кассиан Римлянин, беседовавший с величайшими угодниками Божиими

древнего христианского Египта, учениками великих Антония, Макария, Пахомия, передает учение их о сем предмете таким образом:

"Хотя мы называем некоторые существа духовными, каковы ангелы, архангелы и прочие силы, также самая душа наша, или, конечно, этот тонкий воздух (сам Игнатий современно называл его эфиром - АШ); однако никак не должно признавать их бестелесными. Ибо они имеют свойственное себе тело, в котором содержатся (пребывают), хотя много тончайшее, нежели мы".

Они суть тела, по изречению апостола, который говорит так: Есть тела небесные и тела земные; и опять: Сеется тело душевное, восстает тело духовное. Из сих (слов апостола) вытекает ясное заключение, что ничего нет бестелесного, кроме единого Бога, и что, следовательно, только Он может проникать во всех духовные и разумные существа".*****

И вот вывод:

"Называя и признавая душу, вместе с святыми отцами, духом по отношению к грубому веществу видимого мира, мы, вместе с отцами, признаем ее, по отношению к Богу и точной истине, телом, которое плоти и кости не имеет, но имеет свое вещество, по отношению к нам тонкое, невидимое, подобно воздуху...".*****

Почти одновременно с Игнатием Брянчаниновым о природе души и духа пишет святой Феофан Затворник, в миру Георгий Васильевич Говоров (1825-1894). Чрезвычайно образованный человек, профессор Петербургской духовной Академии, много путешествовавший, собиравший древние рукописи и издававший их в сборниках "Добротолубия", Феофан в 1868 году написал главную работу своей жизни - "Путь ко спасению. Краткий очерк аскетике".

Это потрясающее сочинение, учебник православного искусства работы над собой и одновременно учебник самопознания. В 1872 году Феофан затворяется в своей келье и перестает общаться с внешними людьми. Правда, при этом он получает в день от 20 до 40 писем и на все отвечает...

Суть этой переписки, как считают исследователи, сводилась к разъяснению его учебника аскетике. Поэтому в письмах он говорит о том же самом, но, как считается, проще и понятней. Я воспользуюсь его письмом, изданным под названием "Дух и душа человека". Душу он здесь определяет как духовное существо, особую, разумную личность.

"Душа составляет низшую сторону внутренней жизни, а высшую составляет дух, иже от Бога, богоподобная, равноангельская сила, которая и составляет характеристическую черту человека...

Когда Бог творил человека, то образовал прежде всего тело из персти (из земли или пыли - АШ). Это тело что было? Глиняная тетерька или живое тело? Оно было живое тело - было животное в образе человека с душою животного. Потом Бог вдунул в него дух Свой - и из животного стал человек - ангел в образе человека.

Как тогда было, так и теперь происходят люди. Души рождаются от родителей, или влагаются путем естественного рождения, а дух вдыхается Богом, Который везде есть".*****

Это, казалось бы, отчетливое противопоставление души и духа самого Феофана не устраивает, и он поясняет, что душа и дух имеют единую природу:

"Обычно мы говорим: душа-душа. А по существу дела следовало бы говорить душа-дух, или дух-душа. Принимая слово душа - яко дух-душа, я никак не скажу, что она одного происхождения с душою животных, ибо дух от Бога".*****

Однако у этого единства природы души и духа есть свое устройство, в сущности, точно такое, как описывал Игнатий Брянчанинов: душа содержит в себе дух как некое тончайшее "вещество" или стихию.

"Если Вы не забыли, когда-то я заводил с Вами речь о некоей тонкой-претонкой стихии, которая тоньше света. Зовут ее эфир. И пусть: не в имени дело, а в признании, что она есть.

Я признаю, что такая тончайшая стихия есть, все проникает и всюду проходит, служа последнею гранью вещественного бытия. Полагаю при сем, что в этой стихии витают все блаженные духи - ангелы и святые Божии, - сами будучи облечены в некую одежду из этой же стихии.

Из этой же стихии и оболочка души нашей (доразумевайте при сем слове и дух, который есть душа души нашей человеческой). Сама душа-дух невещественна, но оболочка

ее из этой тонкой невещественной (думаю, здесь опечатка - вещественной - АШ) стихии. Тело наше грубо, а та оболочка души - тончайшая есть и служит посредницею между душою и телом. Через нее душа действует на тело и тело на душу.

Но об этом я мимоходом говорю. Удержите только в мысли, что душа имеет тончайшую оболочку и что эта оболочка такая же и у нашей души, какая у всех духов. Из этого Вам нетрудно уже вывести заключение, что та всемирная тончайшая стихия, из которой эти оболочки и в которой витают все духи, есть посредница и для взаимного общения наших душ и духов тех".*****

Затем Феофан заспорил с Игнатием Брянчаниновым, чуть не обвинив того в ереси. Суть же спора сводилась к тому: считать ли тонковещественной всю душу, сравнивая ее с духовностью Бога, или же считать вещественной только ее оболочку, а содержание духовным, ибо это дух Божий...

Не хочу писать об этом споре снова, поскольку довольно подробно разобрал его раньше. Главное сделано: наше понятие о духе обрело некоторую определенность, и теперь можно перейти от религиозного понятия о духе, к понятию народному, лежащему в самом основании всего огромного здания, каким оказывается на поверку такое вроде бы простое понятие.

* Игнатий Брянчанинов. Слово о человеке // Аскетическая проповедь. - Минск: Лучи Софии, 2002, с. 444

** Там же, с.445

*** Там же, с. 425-6

**** Там же, с.428

***** Там же, с.443

***** Там же, с. 446

***** Там же, с. 448

***** Там же, с.344

***** Феофан Затворник. Творения Феофана Затворника. Собрание писем, в 2 т. - Т. 1. - С.: Правило веры, 2000, с.97-8.

***** Феофан Затворник. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. - Клин: Христианская жизнь, 2004, с. 50-1.

с сайта <http://acasam.ws/>